

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ

**МАХАЧКАЛИНСКИЙ ФИЛИАЛ
ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
БЮДЖЕТНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО УЧРЕЖДЕНИЯ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКОГО АВТОМОБИЛЬНО-ДОРОЖНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

КАФЕДРА ГУМАНИТАРНЫХ ДИСЦИПЛИН

ПОЛИТОЛОГИЯ

(краткий курс лекций)

Махачкала - 2015

УДК 32.001

ББК 66.0

Асадова З.Н.

Политология (краткий курс лекций) – Махачкала: Типография МФ МАДИ, 2015. - 103 с.

Научный редактор: Шайдаева Г. М.- д.ф.н., профессор

Пособие содержит изложение основных проблем курса «Политология» – одной из приоритетных дисциплин в структуре социально-гуманитарного образования студентов.

В темах учебного пособия дается общее представление о современной политологии и проблемах ее развития. Освещаются важнейшие темы, имеющие интерес для обучаемых по всем специальностям высшей профессиональной школы.

Работа базируется на учебно-методической и справочной литературе по политологии, материалах, раскрывающих мировой и отечественный опыт, реалиях нынешнего этапа общественно-политического развития.

Пособие рассчитано на студентов и преподавателей вузов, а также всех, кто интересуется политикой.

Рецензент:

Лобачева З.Н. – к.ф.н., доцент кафедры философии ДГСХА

СОДЕРЖАНИЕ

Тема 1. Политология как наука	4
Тема 2. Основные этапы становления и развития зарубежной и российской политической мысли	15
Тема 3. Политическая власть	30
Тема 4. Политические партии и избирательная система	47
Тема 5. Человек и политика	69
Тема 6. Политические отношения	86
Тема 7. Политические институты	104
Тема 8. Политическая жизнь и политическая система общества	141
Тема 9. Политическая культура России	161
Литература	174

Тема 1. Политология как наука и учебная дисциплина

1. Политология: история и современность

Политология как наука начала формироваться еще в Древнем мире. Об этом свидетельствуют крупнейшие работы того времени, предметом исследования которых являлись проблемы, которые сегодня относятся к сфере политики. В этот же период появилось и понятие для обозначения этой отрасли знаний. Так, Аристотель в ряде работ пишет о политике как о науке, а в работе «Риторика» употребляет понятие «политическая наука»: «Однако скажем теперь о вопросах... которые имеют значение для политической науки». Завершение процесса становления политологии как самостоятельной науки относится к концу XIX — началу XX в. и связано с периодом дифференциации наук.

Как самостоятельная учебная дисциплина политология сформировалась сравнительно недавно. Во второй половине XIX в. в Колумбийском колледже (США) была открыта кафедра истории и политической науки. В 1872 году во Франции была основана первая школа политических наук «Приватная школа политического образования», которая готовила правящую элиту для государственного аппарата.

Важной вехой в истории политологии как науки и учебной дисциплины стало образование в 1903 г. в США Американской ассоциации политических наук, объединившей на тот период около 200 исследователей и преподавателей. В 1949 году под эгидой ЮНЕСКО и по инициативе Американской, Канадской, Французской и Индийской национальных ассоциаций политических наук была основана Международная ассоциация политической науки (МАПН). В 1950 году состоялся I конгресс МАПН, в котором приняли участие ученые из 23 стран. С тех пор конгрессы МАПН проводятся регулярно, с интервалом в три года. Последний XXI-й Всемирный конгресс МАПН состоялся в 2009 г. в г. Сантьяго (Чили). Летом 2012 г. в Мадриде (Испания) пройдет XXII Всемирный Конгресс

политической науки. Тема Конгресса: «Перестройка глобальной силы и меняющиеся границы».

В *дореволюционной России* исследованиями политической проблематики в основном занимались религиозные мыслители, историки, философы, социологи, юристы.

В послереволюционное, *советское время* политология в качестве особой учебной дисциплины не преподавалась. Отдельные аспекты политики и власти рассматривались в исторических, экономических, философских курсах, в теории социализма. Этот факт свидетельствовал о том, что при определенных политических режимах нет ни условий, ни возможности для постоянного, углубленного исследования и более или менее систематического и всестороннего изучения политики. Проблемы политики и власти исследовались и изучались только в меру дозволенного.

Известно, что для любой науки информация — ее хлеб. Однако информация о функционировании власти в СССР практически отсутствовала. Только через десятки лет стали достоянием общественности и исследователей механизмы формирования политической элиты, процедуры обсуждения и принятия решений и др. (в этой части и в настоящее время произошло мало принципиальных изменений). В общем, власть была труднодоступна для рядового исследователя. Крупных работ по проблемам власти и политики в советский период выходило немного. Об этом свидетельствует крайне бедная библиография по этим вопросам за указанное время. Научное сообщество практически не имело доступа и к зарубежным исследованиям. Та же литература, которая появлялась, носила в основном идеологизированный и апологетический характер. И это понятно, поскольку для развития науки, кроме свободы доступа к информации, необходима свобода слова, которой не было.

В целом можно отметить, что российская политология находится в процессе своего становления. Наиболее важные задачи этого этапа: дальнейшее усвоение богатого мирового опыта исследований мира политики;

формирование российской школы политологии; выработка наиболее эффективных методов и методологии исследования политики.

2. Предмет, методы и функции политической науки

Как известно, науки характеризуются определенным объектом и относительно самостоятельной специфической областью — предметом исследования.

При рассмотрении вопроса о специфике предмета политологии и ее взаимоотношениях с родственными дисциплинами следует иметь в виду сложившуюся *методологию* социального познания: с одной стороны, условное выделение и анализ фактов (позитивизм), с другой — ценностей (нормативизм).

Нормативизм изучает мир политического не столько таким, как он есть, а таким, каким он должен быть. В этом случае в исследовательском процессе преобладает ценностный подход, превалирует представление о вневременных, внеисторических аспектах бытия, с точки зрения которых оценивается политическая сфера. В качестве нормативной дисциплины в системе политического знания выступает политическая философия. Именно в этом смысле Аристотель впервые употребляет понятие «политическая философия», когда пишет: «Не следует, однако, оставлять без разъяснения, в чем заключается равенство и в чем — неравенство; этот вопрос представляет трудность, к тому же он принадлежит к области политической философии».

Позитивистский подход стремится устранять из анализа политических процессов ценностные факторы и описывает политику такой, как она есть. Одним из современных направлений позитивистского подхода к исследованию политики является теория рационального выбора, согласно которой политология должна исходить из рациональной природы человека, прежде всего озабоченного насущными текущими проблемами и стремлением к увеличению собственных материальных ресурсов. Все это и определяет поведение человека в политической сфере.

Однако по мнению ряда исследователей, «политическая наука как эмпирическая область знаний, не опирающаяся на систему моральных и этических ценностей и альтернатив и не связанная с политическими действиями, обречена на неизбежный крах». В связи с этим некоторые исследователи рассматривают политическую науку как связующее звено между политикой и политической философией. Такой подход, на наш взгляд, представляется плодотворным, поскольку подчеркивает не только тесную связь между реальной политикой, политической наукой и политической философией, но и разграничивает политическую науку и политическую философию как типы знания: конкретно-научное и ценностное.

Далее, следует иметь в виду, что наряду с понятием «политическая наука» или «политология» широко используется понятие «политические науки». Последнее, как правило, отражает совокупность политических дисциплин, основной задачей которых является исследование политических процессов с точки зрения той или иной обществоведческой дисциплины.

Для более четкого понимания содержания политической науки необходимо обратить внимание и на специфику понятия «политическая теория».

Политическая теория выступает в качестве рефлексии и методологии политической науки. Это часть политологии, представляющая самосознание политической науки. Политическая теория в современной западной науке рассматривается как область знаний, включающая историю политической мысли, концептуальное обоснование понятийного аппарата, посредством которого осуществляется описание политической жизни (демократия, свобода, тоталитаризм и др.), обоснование процедур и техники построения формальных моделей развития политического процесса. Вместе с тем наблюдается тенденция отхода политической теории «от политической философии, с одной стороны, и от политической науки, с другой. В данном

случае политическую теорию рассматривают не как часть политической науки, а как самостоятельную, специфическую область знаний.

И наконец, понимание предмета политической науки обусловлено тем, как представители тех или иных научных направлений понимают важнейшие детерминанты социального развития, истоки и причины общественно-политических преобразований, место в них политики и власти.

Учитывая сказанное, следует отметить, что *объектом политологии* бесспорно выступает политическая власть. Закономерности, тенденции, особенности ее формирования и функционирования составляют *предмет политической науки*.

Однако в рамках этого общепризнанного положения предмет политической науки понимается по-разному. Отсутствие единства в понимании предмета политической науки не является слабостью политологии. В многообразии подходов к этому вопросу отражается объективно многогранное содержание мира политики, теоретическая невозможность в одном определении отразить богатство и динамику ее проявлений. Вместе с тем различные подходы в трактовке предмета политологии дают возможность конкретнее представить специфику этой научной отрасли, ее проблематику.

Итак, с учетом истории и современного состояния политологии рассмотрим некоторые из основных подходов к пониманию предмета политической науки.

Институциональный подход. В рамках этого подхода предметом политологии выступают институты, посредством которых формируется и функционирует политическая власть. В соответствии с этим подходом американская политология изначально концентрировала свое внимание на изучении деятельности государства и различных правительственных учреждений, политических партий, групп давления, конституции. Так, современный американский исследователь Дж. Ганнел отмечает, что в конце XIX в. политическая наука понималась как «наука о государстве».

Французский политолог М. Прело подчеркивает: «Политология не изучает непосредственно людей и их взаимоотношения. Она не соприкасается с психологией. Она концентрируется на изучении политических институтов в их возникновении, развитии, упадке, исчезновении». В ФРГ широко распространено представление, согласно которому политическая наука — это государствоведение, дополненное анализом динамики государственных институтов. Следует отметить, что институциональный подход имеет давние истоки. Крупнейшие мыслители (Платон, Аристотель, Н. Макиавелли, Ж. Боден, Т. Гоббс, Ш. Монтескье, М.М. Сперанский, Б.Н. Чичерин и др.), анализируя политические процессы, первоочередное внимание уделяли исследованию государства как важнейшего, а долгое время — и единственного политического института общества.

Слабость институционального подхода заключается в том, что формально-статичное понимание предмета политологии оказывается малоэффективным при анализе современных динамичных политических процессов. В этой связи исследователи стали обращать внимание на иные аспекты политической жизни, изучать не столько институты, сколько поведение индивидов или социальных групп в политике. В результате в конце XX в. в политологии стала распространяться идея нового институционализма. Если классический институционализм был ориентирован на изучение прежде всего государства, то неинституционализм дает, во-первых, широкое толкование понятию «институт», рассматривая его как правила игры в обществе, как формально созданные человеком процедуры, которые организуют взаимоотношения людей в обществе; во-вторых, при исследовании политических процессов пытается интегрировать достижения различных школ.

В первой половине XX в. недостатки институционализма пытались преодолеть и представители так называемого *бихевиористского (поведенческого) подхода* к предмету политологии. Под влиянием бихевиоризма (бихевиорализма) политическая наука стала исследовать

конкретное поведение индивида как в формальных, так и в неформальных структурах. Американские исследователи Мерриам, Лассуэлл, Госнелл явились основателями этого направления в политологии. Главная цель политической науки при таком подходе — выявление закономерностей поведения людей в сфере политики. Здесь объектом внимания исследователя выступают не политические институты и программы, а реакции людей на политические стимулы. Предметом политологии являются тенденции и закономерности поведения человека как важнейшие детерминанты политических процессов. В бихевиоризме превалирует сциентистская идея изучения поведения человека по аналогии с тем, как, например, физика изучает движение молекулы. Бихевиористы, склоняясь к позитивизму, руководствовались такими принципами, как повторяемость, верификация (проверка выводов эмпирическими данными), квантификация (точная регистрация данных), четкое различение эмпирического и этического и др.

Бихевиористы рассматривают политические институты как пустые раковины, которые наполняются конкретными людьми, действующими по принципу: «стимул — реакция». Однако описывая внешние действия индивида, бихевиоризм упускает из виду ускользающие от наблюдения «внутренние мотивы» человеческого поведения. В связи с этим в конце 60-х гг. XX в. бихевиористы поставили перед собой задачу пересмотра некоторых базовых аспектов своего направления. *Постбихевиоралисты* (так стали называть сторонников нового направления) заявили, что исследование процесса влияния ценностей на поведение человека в политике является неотъемлемой частью политологического исследования.

В качестве развития поведенческого подхода американские исследователи стали применять к политологии некоторые общие аксиомы теории рационального выбора (о которой говорилось выше), распространенной в экономике. Понимание предмета политологии теоретиками рационального выбора и бихевиоралистами, по существу,

совпадает, поскольку представители «рационального выбора» признают, что социальные и политические структуры, политика и власть вторичны по отношению к индивиду. Различие заключается только в том, что теоретики рационального выбора при анализе политического поведения индивидов смещают акцент с исследования биопсихических аспектов на исследование рациональных мотивов поведения человека, который, как полагают эти теоретики, действует согласно утилитарному принципу «получение максимальных результатов при минимизации затрат».

В рамках бихевиоризма в последнее время развивается популярное направление анализа политических процессов — *биополитика*, представители которого подчеркивают огромное значение исследования политического поведения человека как представителя биологического вида, необходимость анализа иррациональных аспектов политической жизни.

Наряду с указанными трактовками предмета политологии, на наш взгляд, необходимо выделять *социологическое понимание предмета* политической науки. Представители социологического подхода рассматривают политологию как сферу знаний, которая исследует отношения между социальными группами (классы, социальные слои, массы и элиты, правящие и управляемые, этносы и др.) по поводу власти. В марксизме такими группами выступают классы. Чтобы понять специфику марксистской политической науки, как указывают некоторые исследователи, необходимо учитывать, что исходным является определение политики как борьбы между классами по поводу власти.

Согласно концепции американского исследователя А. Бентли субъектами политики являются прежде всего заинтересованные группы (*теория групп*), которые и следует изучать политологам. В начале XX в. Бентли выпустил книгу «Процесс правления», в которой критиковал политологию за увлеченность в изучении формальных характеристик властных институтов. В противовес этому он выдвинул идею о том, что активность людей обусловлена их интересами, а свои интересы люди

защищают посредством объединения в группы на основе общности интересов. В отличие от бихевиористов, по мнению А. Бентли, индивидуальное поведение человека приобретает определенную значимость только в контексте той или иной группы. Некоторые идеи Бентли воспринял теоретик полиархии Р. Даль, он рассматривал политическую жизнь в условиях демократии как процесс взаимовлияния и соперничества заинтересованных групп в давлении на правительственные институты.

Примерами социологического подхода к пониманию предмета политической науки являются работы немецкого автора К. Шмитта. Предметом политического исследования, согласно его теории, являются отношения тех групп людей, различия между которыми проходят по линии «друг — враг» или «свой — чужой». Современной вариацией социологического подхода к пониманию предмета политологии являются концепции теоретиков феминизма. Сторонники феминистских политических теорий рассматривают брачно-семейные, сексуальные и гендерные отношения как политические. Традиционные понятия политической науки (власть, справедливость, демократия и др.), с их точки зрения, требуют серьезного переосмысления, а политическая наука при анализе политических процессов обязана включать в себя феминистский аспект.

И наконец, специфика культурологического подхода к пониманию предмета политологии заключается в том, что представители этого направления рассматривают политику и власть в неразрывной связи с особенностями политической культуры общества. Политическая культура рассматривается как наиболее фундаментальная детерминанта политических процессов, вне которой исследовать власть достаточно полно и точно невозможно.

Конечно, выделение различных подходов к пониманию предмета политической науки условно. Возможны иные подходы к выявлению точек зрения на предмет политологии. Но важно подчеркнуть, что ни один из подходов к пониманию предмета политологии не является самодостаточным

в объяснении сложного, многомерного, динамичного мира политики, однако их совокупность дает возможность приближения к пониманию специфики и объемности предмета этой науки.

В целом задача политологии заключается в выдвижении и обосновании таких объяснений мира политики, которые можно проверить. И в этом, прежде всего, состоит ответ на вопрос, является ли политология наукой. Политологические знания основаны на накопленном, реальном опыте. Если эти знания проверяются и позволяют прогнозировать политические процессы, политология обнаруживает свои качества как наука.

Специфика понимания предмета политологии во многом обуславливает особенности методов изучения мира политики. Как известно, методы науки — это способы получения или приращения новых знаний. В исследовании мира политики политология широко использует как традиционные, так и современные методы: историзма и диалектики, сравнительный, системный и структурно-функциональный методы, а также совокупность социологических методов (анкетирование, интервьюирование, изучение документов), математическое моделирование, методы теории игр и др. Особенности предмета политологии, сложность, многомерность и динамичность мира политики требуют от исследователя применения комплексной методологии, всего многообразия методов и подходов современных социально-политических наук. Так, применение *структурно-функционального метода* позволяет, например, исследовать структуры и функции политических систем и власти. Однако *сравнительный метод* при анализе одних и тех же элементов различных политических систем показывает, что существенные различия в функционировании сходных элементов разных политических организмов обусловлены культурными факторами, что приводит к необходимости подключения *цивилизационного подхода* к арсеналу методологических оснований исследования. Структурно-функциональный подход вне культурно-цивилизационной методологии приводит к упрощенным и ошибочным результатам и выводам. Поэтому при

анализе политического процесса методологически более эффективно учитывать прежде всего специфику и природу самого политического процесса, который «представляет собой сочетание различных „логик“, одна из которых означает отнесение к интересам, другая — к ценностям, третья — к причинам (предшествующим состояниям), четвертая — к ожиданиям желаемого будущего и т.п.».

Сторонники *системного подхода* в политологии оперируют, как правило, моделями жестко упорядоченного мира и всеми теми элементами политики, которые порождают стабильность, организуемость, предсказуемость. Сторонники функционализма в противовес представителям аксиологической методологии также извлекают из мира политики только то, что работает на упорядоченность и эффективность, и отвлекаются от этических проблем власти, от вопросов, касающихся высших целей и смыслов в политическом мире.

Знания, получаемые исследователями и складывающиеся в систему наук об окружающем мире и самом человеке, выполняют различные социальные функции.

Рассмотрим важнейшие *функции политологии*.

1. *Познавательная функция* политической науки реализуется в исследовании мира реальной политики, его описании и выявлении особенностей, тенденций, закономерностей, действующих в сфере политики и власти.

2. *Методологическая функция* политологии проявляется:

— в использовании знаний, накопленных этой наукой для дальнейших исследований мира политики;

— применении политологических знаний в качестве теоретической основы конкретными политическими науками (например, электоральной политологией, сравнительной политологией).

3. *Прогностически-управленческая функция* политологии проявляется в возможности, опираясь на ее научный багаж, прогнозировать

ход событий, понимать их и принимать эффективные управленческие решения.

4. **Оценочная функция** политологии проявляется в способности общественных субъектов, опираясь на науку, выносить суждения о значимости, приемлемости или неприемлемости тех или иных политических фактов. Оценочная функция политических знаний имеет давнюю историю. Известно, что уже древние мыслители (Платон, Аристотель, Полибий и др.), классифицируя государства, обязательно ставили и рассматривали вопрос о приемлемости той или иной формы государства для совместной жизни людей.

5. **Социализирующая функция** политической науки проявляется в том, что изучение политической науки способствует не только пониманию, но и включению гражданина в политические процессы, формированию современной политической культуры, выработке норм консенсусных отношений в условиях политического плюрализма, умению понимать и реализовывать свои политические интересы, гражданские права и обязанности.

Тема 2. Основные этапы становления и развития зарубежной и российской политической мысли

1. Политическая мысль Древнего мира

Примерно с середины I тыс. до н.э. начинается активный процесс рационализации политической мысли. Наряду с господствующими мифологическими представлениями о власти формируются такие системы взглядов, в которых зарождаются научные методы и приемы объяснения политических процессов.

Важнейшими вопросами политической классики Древнего мира были вопросы: «Кто и как должен управлять государством?», «Каким должно быть его устройство?».

Конфуций (551—479 гг. до н.э.) — китайский мыслитель, известный на родине как Кун Цзы. Родился в бедной, но богатой родословной семье. В молодые годы он занимает различные хозяйственные должности, однако скоро основывает частную школу, в которой и разрабатывает свое учение. «Беседы и высказывания» Лунь Юй (Конфуция) — главная книга конфуцианства, составленная его учениками, — важнейший источник, раскрывающий этико-политическое учение древнего конфуцианства. Современные исследователи обоснованно относят Конфуция к тем первым авторам, которые заметили и попытались теоретически осмыслить интегрирующую и регулирующую роль традиции не только в обществе, но и в отношениях общества и власти. Мудрый правитель, согласно Конфуцию, управляет с помощью «ли». Этот термин в небольших по объему конфуцианских беседах и высказываниях встречается более 70 раз и имеет многообразные толкования, но все они близки по смыслу. «Ли» — это и традиция, и обряд, и ритуал, и обычай, и история, и древность. «Из старого выводить новое, а не руководствоваться абстрактным долженствованием, черпать идеалы в состоявшемся прошлом, а не проблематичном будущем, выбирать спокойствие консерватизма, а не раздоры прогрессизма — так можно было бы сформулировать этический пафос патриархальной аксиологии Конфуция». *Благородный муж* или *правитель*, согласно Конфуцию, сам соответствует сложившимся в обществе этическим канонам и управляет, опираясь на них. Рассуждая о власти, Конфуций утверждает следование традиции как наиболее приемлемый, с его точки зрения, принцип функционирования власти. Доказывая, что «путь древних правителей был прекрасен потому, что свои большие и малые дела они совершали в соответствии с ритуалом», Конфуций отвергает другой принцип правления: «Если руководить народом посредством законов и поддерживать порядок при помощи наказаний, народ будет стремиться уклоняться... Если же руководить народом посредством добродетели и поддерживать порядок при помощи ритуала, народ будет знать стыд, и он

исправится»². В данном случае Конфуций дискутирует с древнекитайскими легистами (фацзя), идеал правления которых был связан с установлением строгих законов, системы поощрений и наказаний.

Появление разных образов власти так или иначе приводило в движение механизм взаимодействия. Власть могла самостоятельно или была вынуждена в той или иной мере склоняться к определенному представлению о себе. «Правителю, принявшему концепцию Конфуция, вольно или невольно приходилось взваливать на себя и бремя обязанностей благородного мужа». Но и разработчики того или иного идеала власти могли способствовать практической реализации своей концепции власти. Конфуций, как известно, в деле претворения своих идей возлагал большие надежды на сановников, изучавших его теорию. Он отводил им роль наставников, следивших за соблюдением правителем принципов «ли».

Наивысшего развития в Древнем мире политическая мысль достигла в Греции. **Платон** (427—347 гг. до н.э.) — один из выдающихся греческих умов. Родился будущий философ и политический мыслитель в очень знатной семье. Отец Платона происходил из царского рода Кодридов, мать — из дома афинского реформатора Солона. С малых лет Платона окружали талантливые, образованные люди, умные и острые собеседники, обсуждавшие государственные дела, живо интересовавшиеся философскими вопросами. Огромную роль в жизни Платона сыграла встреча с афинским мудрецом и философом, человеком простого происхождения — Сократом. После смерти Сократа (399 г. до н.э.) Платон на длительный период покидает родину, посещает Египет, Сицилию, Южную Италию. Судьба его родины (кризис и разложение афинского общества), его знакомство с рядом стран, богатая событиями жизнь — все это нашло глубочайшее осмысление и отражение в замечательных политических диалогах Платона: «Государство», «Политик», «Законы» и др. В этих работах Платон уделяет большое внимание толкованию понятий «политика» и «власть», раскрывая

их как искусство соединения (плетения) всего многообразия интересов в полисе на общее благо. «Всякая власть имеет в виду благо тех, кто ей подвластен, подлинный правитель имеет в виду не то, что пригодно ему, а то, что пригодно подвластному». Однако не найдя достаточно надежных политических механизмов выявления и утверждения общего блага, в своих проектах идеального государства он склоняется к устранению частной собственности. Частная собственность, как показывает Платон, порождает стяжательство, портит душу человека, провоцирует конфликты в обществе, ведет к войнам между государствами. Именно поэтому в платоновских проектах идеального государства формулируется и обсуждается идея общей собственности.

От Платона берет начало традиция обстоятельной классификации государств и углубленного анализа различных государственных устройств. Не находя в греческом мире совершенного устройства (там, где правят на общее благо), автор выделяет четыре типа несовершенных государств: *тимократия, олигархия, демократия, тирания*. Политическая история, согласно платоновскому анализу, неизбежно ведет к наступлению тирании, поэтому автор ставит вопрос о недопущении самого худшего из несовершенных устройств.

Аристотель (384—322 гг. до н.э.) — греческий философ, ученый-энциклопедист и политический мыслитель, талантливейший ученик Платона. Аристотель — автор таких важных для истории политической науки работ, как «Политика» и «Афинская полития». Пожалуй, впервые греческий мыслитель называет политику наукой, а политическое общение рассматривает как важнейшую форму человеческого общения, которое доминирует над всеми остальными формами общения. Это общение и называется государственным, или политическим.

Государство (polis), согласно Аристотелю, создается не ради того, чтобы жить, но для того, чтобы жить счастливо. На основе двух критериев — качественного (правление на общее благо или в интересах самих

властвующим) и количественного (правление одного, нескольких или большинства) — Аристотель, продолжая традицию, заложенную Платоном, осуществляет детальную классификацию государственного устройства. Он выделяет правильные формы государства — *монархия, аристократия, полития* и неправильные — *тирания, олигархия, демократия*. Рассматривая вопрос о том, какой вид государственного устройства наилучший, Аристотель показывает, что «государство, состоящее из средних людей, будет иметь и наилучший государственный строй» (*полития*).

Критикуя уравнивательные идеи Платона, Аристотель подчеркивает, что государство по своей природе не может быть до такой степени единым, как того требуют некоторые, и то, что формулируется как высшее благо для государства, ведет его к уничтожению. Для Аристотеля было ясно, «что государство при постоянно усиливающемся единстве перестает быть государством». Мыслитель впервые обстоятельно раскрывает содержание понятия «гражданин». Он рассматривает человека как существо политическое, а понятие «гражданин» (*polites*) определяется им через участие в суде и власти. Многие идеи Аристотеля и сегодня достаточно актуальны.

2. Политические идеи Средневековья и Возрождения

В эпоху Средневековья в трактатах таких религиозных мыслителей, как *Августин* (354—430) и *Фома Аквинат* (1225—1274), предпринимались теоретические усилия для обоснования регулирующей роли церкви по отношению к государственной власти. Августин, живший на стыке двух миров, Древнего и Средневекового, разрабатывал свою социально-религиозную и политическую концепцию в условиях, с одной стороны, возрастающего авторитета христианства, а с другой — ослабления и распада государственной власти, приведшего к взятию и разгрому Рима готами. В ситуации разрыва политических связей, ранее скреплявших Римскую империю, и нарастания хаоса Августин ставит вопрос о

соотношении двух властей (светской и церковной) и пытается доказать главенствующую роль божественной (церковной) власти, поставить государство под контроль христианской церкви.

Следует отметить, что именно в этот средневековый период обозначился переход от древней политической культуры, ядром которой выступали политические ценности в рамках неструктурированного общества-государства, к основаниям новой европейской культуры, к началам дифференциации государства и гражданского общества.

В раннехристианской мысли отсутствует «обожествление» государственной власти, что было особенно характерно для древневосточной культуры и императорского периода Рима. В Средневековье наряду с государством и вне его появляется религиозный институт — церковь, развивающая и отстаивающая иные взгляды не только на мироустройство, но и на место и роль государства в этом мире. Более того, как в теоретической мысли (Августин, Аквинат), так и во всей средневековой культуре четко просматривается тенденция возвышения религиозно-духовных образцов над политическими, выполнения первыми в лице церкви контрольно регулирующей функции по отношению к государству. Возникает идея и развивается институт внешнего по отношению к государству социо-культурного регулятора власти. Но чтобы появился такой альтернативный государству институт, как церковь, история должна была принести ему в жертву многообразие древнегреческой и римской классики, плюрализм богов и философий.

В средневековую эпоху история сконцентрировала дух и верования в одной церкви. Стала зарождаться сила, способная конкурировать с государством, способная вести с ним диалог о власти. Именно в связи с этим можно говорить о началах формирования идеи и практики гражданского общества в европейской культуре, иных идеалов, более значимых, чем политические. Именно здесь начинает созревать понимание земной власти — как неизбежного зла (зло вытекает из природы человека как

свободного творения), так и необходимости ограничения власти государства (царства дьявола) во имя защиты духа человеческого. Характерно, что именно в этот период появляется тема сопротивления земной власти, выдвигается идея различения таких аспектов власти, как ее сущность, происхождение и реализация.

Никколо Макиавелли (1469—1527) — итальянский политический мыслитель эпохи Возрождения. Работы: «Государь», «Размышления о первой декаде Тита Ливия» и др. Во взглядах на политику и власть он стал активно проводить антитеократические идеи. Политика и власть зависят не от божественного предопределения, как это утверждали средневековые мыслители, а от земных условий, среди которых Макиавелли выделял так называемые «фортуну» и «доблесть». В контексте размышлений автора под фортуной имеется в виду совокупность объективных условий, в которых правит государь, под доблестью — личные способности и таланты (субъективный фактор) государя в решении политических задач.

Макиавелли отделяет сферу политики и власти от морали и религии, провозглашая первые автономной системой ценностей. Тем самым он открыл путь рассмотрения политики и власти как самостоятельной области человеческой деятельности и отдельного объекта научного анализа. И этот путь исследования политики оказался плодотворным. Однако при абсолютизации такого метода рассмотрения политики утрачивается полнота и системность общественных связей, разрывается целостность социокультурной ткани, обедняется и искажается понимание сути политики.

Макиавелли вводит в научный оборот понятие «*государство*» (от лат. status — «состояние») для обозначения политически организованного общества, главным вопросом которого является вопрос о приобретении и удержании политической власти. Важной причиной политической динамики Макиавелли считал изменение соотношения сил между народом и знатью. Он обосновывал что для стабильных условий предпочтительно республиканское правление, а для осуществления важных преобразований

или преодоления хаоса необходима монархия.

3. Политические идеи Нового времени

В Новое время усилиями выдающихся европейских мыслителей разрабатывались такие политологические идеи и доктрины, как «договорная теория происхождения государства», концепция «естественных и неотъемлемых прав человека», теории «народного суверенитета», «разделения властей», «гражданского общества» «правового государства», концепция «социально-классовой природы государства» и др.

Томас Гоббс (1588—1679) — английский философ и политический мыслитель. В своих работах «О гражданине», «Левиафан...» и др. разрабатывал идеи естественного (догосударственного) и государственного, или гражданского, состояния общества. Догосударственный этап характеризуется «войной всех против всех», что противоречит естественному стремлению людей к самосохранению и вынуждает их искать мира и согласия. Такая форма согласия найдена в создании государства, через которое происходит подчинение частных волей единой воле ради обеспечения мира и безопасности. В разработке своей концепции государства Гоббс выступает теоретиком абсолютной, никому не подконтрольной власти. Однако необходимо иметь в виду, что этатистская концепция Гоббса явилась теоретической реакцией на революционные события в Англии 1641—1649 гг. Этот период четко показал, что в обществах в период хаоса снижается или утрачивается регулирующая роль традиций, указов и законов. Именно в этой связи единственную надежду на восстановление порядка и недопущение впредь гражданской войны и революции Гоббс возлагает на сильное государство.

Джон Локк (1632—1704) — английский философ и политический мыслитель, родоначальник классического либерализма (от. лат. *liberalis* — «свободный»). Его основная работа в области политики — «Два трактата о правлении». Локк разрабатывал идеи естественного права и договорного

происхождения государства, разделения властей и народного суверенитета, неотъемлемых прав человека. Государство, по Локку, создается для того, чтобы совместными усилиями люди более надежно защищали право на жизнь, свободу и собственность. Локк выдвигает и отстаивает идею верховенства закона в государстве. В государстве никто не может быть изъят из подчинения закону.

Власть должна, как отмечает английский писатель, управлять согласно установленным постоянным законам, провозглашенным народом и известным ему, а не путем импровизированных указов. Либеральные идеи Локка получили дальнейшее развитие в концепциях мыслителей XVIII—XX вв.

Шарль Луи Монтескье (1689—1755) — французский политический мыслитель. Работы: «Размышления о причинах величия и падения римлян», «О духе законов» и др. При рассмотрении политики и власти широко внедрил многофакторный подход. Показывая обусловленность политико-властных явлений множеством природных, социально-экономических, культурных процессов, он говорил о необходимости их всестороннего анализа для уяснения сути политических процессов. Особую роль Монтескье придавал географическим факторам (размеру территории государства, климату, расположению страны и т.д.), поэтому его относят к основателям «географического детерминизма».

Наряду с Локком французский мыслитель широко известен в политической науке как классик теории разделения властей. Необходимость разделения власти автор связывал с условиями обеспечения политической свободы в обществе. Политическая свобода имеет место только там, где не злоупотребляют властью. Но по опыту веков известно, подчеркивает Монтескье, что всякий человек, обладающий властью, склонен злоупотреблять ею. «Чтобы не было возможности злоупотреблять властью, необходим такой порядок вещей, при котором различные власти могли бы взаимно сдерживать друг друга». Таким образом, одним из важнейших

условий политической свободы является, согласно Монтескье, разделение властей на законодательную, исполнительную и судебную. Для политической свободы, как показывает Монтескье, необходимо также и особое состояние общества, т.е. наличие в нем таких социальных сил и институтов, которые были бы заинтересованы в свободе и могли защитить ее от посягательств власти.

Жан Жак Руссо (1712—1778) — французский философ и политический мыслитель, родился в Швейцарии и называл себя гражданином Женевы. Руссо выдвигает идею общей воли как основы государственного управления. Народ в лице воли большинства властвует, чиновник, опираясь на законы, принятые волей большинства, управляет — вот формула функционирования государства по Руссо. И в этом проявляется демократизм политической теории Руссо. Он доказывает неэффективность представительных форм организации власти и доводит до логического завершения английскую идею суверенитета народа: если Локк обращается к воле народа в крайних случаях (конфликт между властями), то у Руссо верховенство воли народа — константа политического процесса, основополагающее регулятивное начало государства. Как в теориях Средневековья государство управляло от имени Бога, так у Руссо оно управляет от имени общей воли. Но руссоистская воля большинства исключала все другие интересы — групповые, отдельного человека — из сферы влияния на государство, и этот аспект концепции, на первый взгляд столь привлекательной (когда воля большинства является основой политики), вскоре был подвергнут резкой критике. Мы подчеркнем, что в концепции Руссо сфера политики ограничивается до минимума, поскольку исчезает проблема согласования интересов.

Проблемы государства глубоко разрабатывали представители немецкой философии. **Иммануил Кант** (1724—1804) обратил внимание на тесную связь и существенное различие государства (политики), права и морали. Содержание связи он пытался раскрыть посредством понятия

«категорический императив». Категорический императив представляет всеобщее, обязательное правило, которым должны руководствоваться все люди как разумные существа. Согласно Канту, он выражает общую норму, суть которой заключена в следующей формуле: «...поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой, ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом». Эта максима выражает общечеловеческий принцип: «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так и вы поступайте с ними». Тем самым Кант доказывал, что истинная политика возможна только в тесном соединении с моралью. Политика сама по себе трудное искусство, но «истинная политика... не может сделать шага, заранее не отдав должное морали...»

В теории Канта важное место принадлежит пониманию государства как правового института. Кант указывает, что «государство — это объединение множества людей, подчиненных правовым законам». Нормы права регулируют внешние отношения между людьми, мораль касается внутренней мотивации. Право требует не делать зла, в этом суть требования — подчиняться закону.

Политическая концепция **Георга Вильгельма Фридриха Гегеля** (1770—1831) обращает внимание на связь государства, права и свободы воли человека.

Гегель четко различает гражданское общество и политическое государство. Характеризуя гражданское общество, немецкий мыслитель показывает, что оно представляет сферу проявления свободы человека. «Когда гражданское общество не встречает препятствий в своей деятельности, его народонаселение и промышленность растут». Основой свободы личности выступает право частной собственности. Но в гражданском обществе еще не достигается подлинная свобода, здесь каждый сам для себя — цель, и свобода может восприниматься как условие для произвола («Наиболее обычное представление о свободе есть представление о произволе»). Согласно Гегелю, только государство представляет шествие

разума, подлинной свободы и права. Но при этом право есть только там, «где есть свобода воли человека».

Карл Маркс (1818—1883) — известнейший немецкий философ, экономист. Также внес значительный вклад в развитие социологии и политической науки. Работы: «Манифест коммунистической партии» (совместно с Ф. Энгельсом), «Немецкая идеология», «Капитал» и многие другие. В марксизме получили наиболее глубокое (философское, экономическое и политическое) развитие и обоснование идеи многих предшествующих теоретиков социализма (Т. Мор, Т. Кампанелла, Ш. Фурье, Р. Оуэн, А. Сен-Симон), которые пытались разрабатывать модель справедливого общественного устройства. В основу своих теоретических построений Маркс закладывает идею социально-экономической, классовой обусловленности политических явлений, классового происхождения и классовой природы государства. Совокупность производственных отношений, по Марксу, составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. «Политическая власть является лишь порождением экономической власти», а государство является институтом «экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает, таким образом, новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса».

Используя материалистические идеи, Маркс разрабатывает теорию классовой борьбы как главной движущей силы исторического процесса. Характеризуя демократию, Маркс отмечал, что «не человек существует для закона, а закон существует для человека. Таков отличительный признак демократии».

4. Русская политическая мысль

Политическая мысль в Древней Руси зарождается в тесной связи с религиозным сознанием и характеризуется обращенностью к философско-исторической проблематике и задачам становления русской государственности. Специфика формирования и развития политической мысли была обусловлена более поздним вступлением Древней Руси на политическую арену мировой истории, соседством с более сильными регионами: Византийской империей, Западной Европой, Золотой Ордой.

На первый план в этот период выдвигаются такие проблемы, как независимость русских земель и необходимость их единения; образ идеального князя, а затем государя-самодержца; сущность и предназначение власти; взаимоотношение государства и церкви; идея великодержавности и пределы царской власти, преграды на пути ее перерастания в тиранию.

Уже в первом политическом трактате Древней Руси «Слово о законе и благодати» (написан приблизительно между 1037—1050 гг.), автором которого является киевский митрополит *Иларион*, утверждается идея равенства всех народов и государств, раскрывается образ идеального русского князя, ставится вопрос об ответственности князя перед подданными, дается трактовка закона через противопоставление его иным, более существенным ценностям. Всемирная история, согласно Илариону, разворачивается как смена царства «закона» царством «благодати-истины», «благодати-правды». В дальнейшем различение закона как формального юридического требования и правды-истины как высшей ценности будет играть существенную роль в развитии политических и правовых идей в России.

Вторая половина XIX и первая половина XX в. отличаются богатством и многообразием общественно-политических направлений и политических доктрин в России. С 50-х годов XIX в. стала активно разрабатываться доктрина русского социализма (А.И. Герцен, Н.Г. Чернышевский, П.Л. Лавров, П.Н. Ткачев и др.). Проблемы политики и государства

рассматривались большинством теоретиков русского социализма в качестве подчиненных проблемам социальным и экономическим. Так, *Герцен*, различая социальную и политическую республики, подлинной считает республику социальную, которая будет формироваться в России как союз сельских общин. «Экономический переворот имеет необъятное преимущество перед всеми религиозными и политическими революциями», — писал он. Вместе с тем в среде теоретиков русского социализма разрабатывались идеи радикального насильственного переворота. *Ткачев* рассматривал захват власти небольшой группой революционеров как необходимое условие социальных преобразований. Это революционное меньшинство начнет осуществлять преобразования и перевоспитывать консервативные массы. Определенное влияние имели на российской почве анархистские идеи *М.А. Бакунина* (1814—1876) и *П.А. Кропоткина* (1842—1921). «Никакое государство, как бы демократичны ни были его формы... не в силах дать народу того, что ему надо, т.е. вольной организации своих собственных интересов снизу вверх, без всякого вмешательства». Негативное отношение к государству обуславливалось в анархистских доктринах пониманием государства как основного источника человеческих бедствий. Поэтому их позитивная программа провозглашала не замену одной формы государства на другую, а его полное уничтожение. Анархисты провозглашали «верховные права личности и народа и стремились освободить народные учреждения от государства». Вместо государства утверждается независимость каждой территориальной, земельной единицы, т.е. деревни, города, области, страны; взаимные соглашения между ними понемногу заменяют законодательство и направляют отдельные частные интересы к одной общей цели, независимо от государственных границ. *Данилевский* обращал внимание на тесную связь национального (народного) и политического факторов в своей теории культурно-исторических типов (цивилизаций).

Ильин показывал обусловленность государственного развития народа состоянием и особенностями его политического и правового сознания.

Видное место в спектре политических направлений в России конца XIX — начала XX в. занимали либерально-конституционные идеи (Б.Н.

Чичерин (1828—1904), П.И. Новгородцев (1866—1924) и др.). **Чичерин** выступал в своих научных трудах признанным теоретиком либерализма. Исходный пункт его взглядов заключался в утверждении того, что личность есть корень и определяющее начало всех общественных отношений, а формула политического идеала заключается в гармонии личности и государства, индивидуальной свободы и общего закона. Наиболее оптимальной формой, способной обеспечить гармонию, является, согласно Чичерину, конституционная монархия, где монархия есть начало власти, народ в лице его представителей — начало свободы, аристократическое собрание — постоянство закона.

Владимир Ильич Ленин (Ульянов) (1870—1924), сторонник марксизма, внес значительный вклад в его дальнейшее развитие в условиях начала XX в. и применительно к российским реалиям. Политические идеи Ленина изложены во многих работах, но наиболее емко они выражены в его книге «Государство и революция». Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом он доказывал, что «политика есть отношение между классами, политика есть концентрированное выражение экономики».

Развивая марксистские положения о социально-экономической и классовой природе государства, Ленин разрабатывает *теорию построения партии нового типа*. Под руководством пролетарской партии рабочий класс (идея гегемонии пролетариата) в союзе с трудовым крестьянством посредством революционного выступления захватывает политическую власть, используя ее, ликвидирует эксплуататорское (буржуазное) государство и построит государство трудящихся. Это социалистическое государство выступит орудием и ступенью на пути к безгосударственному коммунистическому устройству общества.

В 20-е годы XX в. усилиями представителей русского зарубежья разрабатывается оригинальная политическая концепция — «евразийство». Активная роль в обосновании этой концепции принадлежит экономисту и географу П.Н. Савицкому, лингвисту и этнографу Н.С. трубецкому, философу и богослову Г.В.Флоровскому. Важнейшей частью евразийской концепции является учение о государстве, разработанное крупнейшим участником евразийского движения, видным юристом, признанным теоретиком философии истории и права *Николаем Николаевичем Алексеевым* (1879—1964). В противовес западной демократии, которой «свойствен особый, не имеющий никакого оправдания эгоцентризм голосующего корпуса взрослых граждан», евразийцы предлагают, как пишет Алексеев, заменить искусственно-анархический порядок отдельных лиц и партий органическим порядком представительства потребностей, знаний и идей.

Евразийцы считают, что в понятии народа как совокупности исторических поколений воплощена истинная народная воля, потому свое понимание государства они называют идеократией или, иначе, государством стабилизированного общественного мнения, которое выражает не только мнение большинства ныне живущих людей, но и дух прошлых поколений. Западная теория права, как подчеркивает Алексеев, это теория механистически связанных индивидов.

Тема 3. Политическая власть

1. Политическая власть как объект политологического анализа

Власть – одно из центральных понятий современной политической науки. Однако сам феномен власти выходит за пределы собственно политической сферы. Он встречается в самых разных областях общественной жизни – экономике, культуре, науке, образовании, семейной сфере, а также и за пределами общественной жизни – в животном мире. Самое простое общепризнанное определение власти принадлежит Максу Веберу, который

видел в ней способность одного индивида проводить в определенных общественных условиях свою волю вопреки сопротивлению другого индивида. Иначе говоря, это способность субъекта А так влиять на объект В, чтобы последний сделал то, что никогда бы не стал делать по своей собственной воле. Волевая трактовка категории власти была широко представлена в истории политической мысли. Кроме М.Вебера, с этой точки зрения рассматривали власть Г.Гегель, И.Фихте, А.Шопенгауэр и многие другие философы. Развитие научного знания в целом обусловило и развитие представлений о власти, учитывавших разные стороны этого сложного и многогранного явления.

Большое значение для понимания сущности власти и властных отношений имело появление и развитие социологического знания. В рамках социологического подхода можно выделить несколько концепций. Марксистская трактовка власти исходила из парадигмы социального конфликта и рассматривала политическую власть в системе межгрупповых отношений как следствие экономического господства одного класса над другим.

Во второй половине XX века получили известность структурно-функционалистские и системные трактовки власти. С точки зрения Т.Парсонса власть рассматривалась как отношения между субъектами, выполняющими определенные закрепленные за ними социальные роли, в частности, управляющих и управляемых. Сами эти роли обусловлены структурой всей общественной системы, где каждый элемент обеспечивает ее успешное функционирование.

Позднее на основе системного подхода появились *коммуникативные концепции* власти. Представителями этих концепций являются Х.Арендт, К.Дойч, Н.Луман, Ю.Хабермас. В них власть рассматривается как важнейший элемент коммуникационной системы общества. В качестве типичного примера можно описать взаимодействия регулировщика и водителя. Если регулировщик способен контролировать действия участников

дорожного движения, а водители подчиняются его указаниям, то это является результатом обмена информацией между ними, то есть результатом коммуникационных процессов. Следовательно, главное во властных отношениях – это поддержание коммуникации между субъектами и объектами власти.

В последние десятилетия получили распространение *неомодернистские концепции* власти. К ним, в частности, можно отнести концепцию «археологии и генеалогии власти» М.Фуко и концепцию «поля власти» П.Бурдьё. М.Фуко видит во власти неперсонифицированные и неовещественные отношения между ее субъектами, а П.Бурдьё вводит понятие «символической власти», основанной на «символическом капитале» (экономическом, культурном, информационном и т.д.), распределяющимся между субъектами в соответствии с их позициями в «политическом поле», иными словами, в социальном пространстве, образуемом иерархией властных отношений.

Реляционистские концепции (relation – отношения) власти, представителями которых можно назвать П.Блау, Д.Картрайта, Д.Ронга, Дж.Френча, видят в ней, прежде всего, особые отношения между ее субъектом и объектом. Субъектом является тот, кто способен контролировать объект в соответствии со своими целями и интересами. Но поскольку субъекты и объекты власти – это люди со свойственными им эмоциями и чувствами, постольку в изучении властных отношений широко применяются психологические знания и подходы.

Одной из первых попыток обоснования власти на основе психологического подхода стал бихевиоризм. С точки зрения бихевиоризма, всякая власть, включая политическую, является особым типом поведения, при котором одни люди командуют, а другие вынуждены им подчиняться. Бихевиористский подход рассматривает власть, прежде всего, как межличностное взаимодействие и поэтому обращает внимание на субъективную мотивацию подчинения и господства. Например, с точки

зрения Г.Лассуэлла, первоначальным импульсом для возникновения властных отношений может быть присущая некоторым индивидам «воля к власти» и обладание определенной «политической энергией». Человек стремится к власти в надежде на улучшение своей жизни посредством приобретения богатства, престижа и т.д. Власть может быть и самоцелью, само по себе представлять источник наслаждения. При таком подходе политическая власть трактуется как некий феномен, возникающий на основе столкновения многообразных «воль к власти», как некий баланс, равновесие различных политических сил.

Психоанализ трактует стремление к власти как проявление, сублимацию подавленного либидо. У З.Фрейда оно понималось как влечение сексуального характера, а у К.Юнга как просто психическая энергия в целом. С точки зрения психоанализа, стремление к власти и обладание ею может компенсировать у отдельных индивидов физические или духовные недостатки. Причем воля к власти у одних должна дополняться готовностью к подчинению, «добровольному рабству» у других. З.Фрейд полагал, что в психике каждого человека имеются структуры, которые могут способствовать тому, что он предпочтет рабство свободе ради личной защищенности или из-за любви к властителю. Психологическую природу подчинения сторонники психоанализа усматривают либо в особом гипнотическом внушении, существующем во взаимоотношениях вождя и толпы (С. Московичи), либо в чрезвычайной восприимчивости человека к символам, выраженным в языке (Ж.Лакан).

Конечно, власть не может быть объяснена только лишь с помощью психологических категорий. Поэтому нельзя не признавать необходимости ее системных, структурно-функционалистских и реляционистских трактовок. Однако власть, в том числе и политическая, это всегда субъектно-объектные отношения, отношения между людьми, со всеми присущими им психологическими качествами и особенностями. Кроме воли к власти, ее субъект должен обладать и иными психологическими предпосылками для

реализации своих властных функций. Отнюдь не каждый человек по своему характеру способен к руководящей деятельности, принятию решений, выходящих за круг его собственных, повседневных интересов.

Еще в большей степени психологическую основу имеет готовность к подчинению у объекта власти. Подчинение чужой воле, следование правилам, установленным другими людьми, должно опираться на четко выраженную психологическую мотивацию. Эта мотивация напрямую связана с теми средствами и ресурсами, которые находятся в распоряжении у субъекта власти. Если власть основана на силе и возможности наказания, то она способствует появлению страха перед возможными санкциями как главного мотива подчинения. Сила власти, основанная на страхе перед наказанием, прямо пропорциональна возможной тяжести этого наказания и обратно пропорциональна вероятности избежать наказания в случае непослушания. Мотивы повиновения могут состоять в бессознательном подчинении чужой воле в силу привычки, обычая. Такая мотивация закладывается, как правило, в раннем возрасте и затем воспроизводится на протяжении длительного времени, даже в течение всей жизни, если только не приходит в противоречие с реальными жизненными интересами человека. Как только люди начинают замечать, что власть, которой они привыкли подчиняться, не соответствует их запросам, изжила себя и не представляет никакой ценности, то они отказывают такой власти в доверии.

Политическая власть, т.е. власть государственная способна концентрировать в своих руках значительные материальные ресурсы: деньги, землю и т.д. Наличие у субъекта власти подобных ресурсов может способствовать формированию у ее объекта такого мотива, как интерес. Власть, основанная на интересе, как правило, является наиболее стабильной. Личная заинтересованность побуждает людей к добровольному и добросовестному выполнению указаний и распоряжений субъекта власти. У последнего исчезает необходимость в постоянном контроле и применении каких-либо штрафных санкций. К аналогичным результатам (и даже

большим) приводит подчинение на основе такого мотива, как убеждение, связанным с понятиями менталитет, ценностные ориентации и установки. Готовность подчиняться государственной власти в этом случае формируется под воздействием высоких идейных побуждений патриотического, религиозного или нравственного толка.

Авторитет также представляет собой мотивацию подчинения, благоприятную для власти. Это понятие охватывает высоко ценимые качества, которые подчиненные видят в руководителе и которые обеспечивают их подчинение без убеждений или угрозы наказания. Авторитет формируется на основе общей заинтересованности и согласия объекта и субъекта власти и убежденности подчиненных в особых способностях руководителя. Авторитет может быть истинным, когда руководитель действительно обладает приписываемыми ему качествами и способностями, и ложным, основанным на заблуждениях. В зависимости от лежащих в его основе качеств авторитет бывает деловым, научным, религиозным, моральным и т.п.

Власть, основанная на интересе, убежденности и авторитете, часто перерастает в идентификацию (отождествление) подчиненного с руководителем. В этом случае достигается максимальная сила власти и руководитель воспринимается подчиненным как свой представитель и защитник. Идентификация субъекта власти с объектом может быть объяснена такими причинами:

1) реальным двойственным положением людей в отношениях власти, например, в демократических организациях, где индивиды выбирают и контролируют руководство, с одной стороны, и выполняют его решения, с другой;

2) общностью интересов и ценностей руководителей и подчиненных и возникновения у исполнителей чувства единства со всей организацией или группой.

2. Механизмы осуществления политической власти.

В структуре власти всегда выделяют субъект и объект, источники власти, основания власти и ресурсы власти.

В качестве субъектов власти могут выступать государство и его отдельные институты, политические элиты и лидеры. Объектами власти становятся как индивиды, так и социальные группы, а также большие массы людей – население той или иной территории или целого государства.

Источниками власти могут быть закон, сила, авторитет, престиж, богатство, интерес, тайна, харизма, знания, идеи и т.д.

Основания власти и ресурсы власти понятия близкие, но не совпадающие полностью. Под основаниями власти понимают тот фундамент, на котором базируются источники власти. Ресурсы власти – это конкретные средства, с помощью которых субъект власти воздействует на объект для достижения своих целей. Известны несколько типологий ресурсов власти. Широко распространена типология ресурсов, основанная на сферном принципе. Отдельные виды ресурсов классифицируют по сферам их применения: экономические, социальные, культурно-информационные, правовые, силовые и др.

Экономические ресурсы, прежде всего собственность и деньги, всегда были важнейшими ресурсами любой власти. В средневековом феодальном обществе государственная власть для достижения своих целей широко использовала важнейший в то время ресурс земельной собственности. В Московской Руси дворянство было сословием, состоящим на государственной службе, платой за которую являлись поместья. Еще более универсальным экономическим ресурсом были и остаются деньги. Без них в современном обществе невозможно ни овладеть властью, ни успешно ею распоряжаться.

Социальные ресурсы власти – это ее способность менять при помощи различных рычагов, включая и экономические, социальный статус индивидов и общественных групп, обеспечивая их поддержку и достигая

этим определенных целей. Например, в первые годы существования коммунистического режима в нашей стране социальный статус интеллигенции был невысок. Впоследствии были предприняты меры к повышению престижа интеллектуального труда и повышению статуса связанных с ним общественных групп, поскольку возникла необходимость социально-экономического развития Советского Союза.

Весьма разнообразными являются **культурно-информационные ресурсы**. Наряду с собственно информацией, без которой невозможно сегодня функционирование любой общественной структуры, к культурно-информационным ресурсам относятся разнообразные научные знания, идеи, духовные ценности. Примеры того, как власть может использовать все эти ресурсы, легко найти в истории любой, в том числе и нашей, страны. Зададимся вопросом: почему в Советском Союзе почти ничего не сообщалось о железнодорожных и авиационных катастрофах, о разрушительных стихийных бедствиях? Делалось это сознательно, для того чтобы сохранять в обществе спокойствие и стабильность, доверие к существующей системе власти. Коммунистический, также как и любой другой тоталитарный режим, дозировал информацию о событиях в стране и в мире, ограничивал доступ населения к таким знаниям, которые могли поставить под сомнение господствующие идейно-политические принципы.

К **силовым ресурсам** относятся средства насилия и принуждения, включая оружие, а также государственные институты с этим принуждением связанные: армия, полиция, служба безопасности, тюрьма и т.д.

Демографические ресурсы – это сами люди, без которых ни одна власть не может обойтись. Примером использования демографических ресурсов является подбор и расстановка кадров в разных сферах общественной жизни, в том числе в структурах власти и управления.

Правовые ресурсы – это законы и другие нормативные акты (указы президента, распоряжения правительства т.д.), которые используются властью в процессе своего функционирования.

В типологии известного политолога А.Этциони правовые нормы вместе с ценностными ориентациями, определяющими поведение людей, включены в состав нормативных ресурсов. Наряду с этими ресурсами он выделяет также утилитарные и принудительные ресурсы власти. К утилитарным Этциони относит различные экономические и социальные блага, а к принудительным – штрафные санкции, используемые властью для достижения своих целей.

В зависимости от того, какой из ресурсов субъект использует для воздействия на объект, выделяют различные виды власти. Можно говорить об экономической власти, которой обладают те, у кого есть деньги или собственность по отношению к тем, у кого денег и собственности нет. Так, любой работодатель обладает некоторой степенью власти по отношению к наемному работнику. Главным же признаком политической власти по отношению к другим ее разновидностям выступает то, что она может использовать все многообразие ресурсов, не только принудительных и правовых, но и экономических, социальных, культурно-информационных, демографических.

Среди других отличительных признаков политической власти выделяют:

1. **легальность** в использовании силы;
2. **верховенство**, то есть обязательность ее решений для всех индивидов и институтов в пределах данной территории;
3. **публичность**, что означает обезличенность власти, некоторую дистанцированность и обособленность от других общественных институтов;
4. **моноцентричность**, то есть наличие единого центра принятия решений; это отличает политическую власть от экономической власти, у которой центров принятия решений практически столько, сколько и субъектов экономических отношений.

Получила известность типология исторических форм политической власти, предложенная французским политологом М.Дюверже. Он выделил

три таких формы власти: *анонимную* – характерную для примитивных слабоструктурированных обществ; *индивидуализированную* – возникающую по мере усложнения разделения труда и обособления отдельных видов деятельности; и *институализированную* – опирающуюся на систему социальных институтов, выполняющих четко определенные функции. В современных обществах политическая власть существует преимущественно в своей третьей, институализированной форме.

Политическая власть часто понимается как синоним государственной власти, опирающейся на основные институты государства (парламент, правительство, правоохранительные органы) и использующей все ресурсы, контролируемые государством. Но в сфере политики власть проявляется и в иных формах. Можно говорить, например, о партийной власти, которая распространяется на определенное число членов и сторонников партии. Властью обладают и некоторые общественные организации, в частности, профессиональные союзы. Духовной властью, основанной на использовании культурно-информационных ресурсов, могут обладать средства массовой информации и формируемое ими общественное мнение. В нормальных условиях государственная власть монопольно занимает имманентно присущее ей легальное положение в обществе. Но могут быть случаи, когда монополию государственной власти оспаривают нелегальные структуры. Например, криминальный рэкет оспаривает государственную монополию на сбор налогов, преступные группировки, терроризируя население, выводят его из подчинения официальным государственным структурам. Все это может быть результатом ослабления государства и, в свою очередь, обусловить появление альтернативных центров силы и принятия решений.

Современная политология определяет такие основные ***функции политической власти***:

- 1) господство (полное подчинение объекта воле субъекта, опираясь на силу);
- 2) руководство;

- 3) регулирование общественных отношений;
- 4) контроль;
- 5) координация;
- 6) мобилизация.

Несмотря на свою моноцентричность, политическая власть обладает свойствами разделения и распределения. Разделение власти может иметь горизонтальный характер, когда отдельные функции закрепляются за специальными государственными институтами. Например, разделение власти на законодательную, исполнительную и судебную. Разделение власти может иметь и вертикальный характер, когда ее полномочия делятся между центральными и местными государственными институтами. Но при всех вариантах разделения власти, о которых более подробно речь пойдет дальше, необходимо сохранять принцип ее моноцентричности, исключающий конфликты в виде противостояния законодательной и исполнительной власти или субъекта федерации и федеративного центра. Нарушение принципа моноцентричности власти может привести к катастрофическим для общества последствиям. Так случилось, например, в нашей стране после февральской революции 1917 года, когда противостояние Временного правительства и советов привело сначала к дестабилизации и дезорганизации всей общественной жизни, а в итоге к установлению тоталитарного режима.

3. Легитимность и легитимация политической власти.

Легитимность – термин, который широко применяется в современной политической науке и политической практике. Иногда его трактуют предельно широко, отождествляя с формальной юридической законностью. Однако это далеко не всегда так. С психологической точки зрения, легитимность власти, действительно, означает законность, но законность субъективную. В силу тех или иных причин люди могут давать положительную оценку политическим институтам, концентрирующим в себе властные полномочия, признавать их право на принятие управленческих

решений и быть готовыми добровольно им подчиняться. Такое взаимоотношение между властью и людьми принято называть легитимностью. Легитимная власть оценивается признающими ее людьми как правомерная и справедливая. Легитимность означает также наличие у власти авторитета, соответствие этой власти основным ценностным ориентациям большинства граждан.

Термин «легитимность» в его нынешнем значении ввел в научный оборот немецкий социолог Макс Вебер. Хотя он специально не занимался проблемами социальной или политической психологии, в его методологии выделения типов легитимного господства обнаруживается ярко выраженный психологический подход. Характеристика типов легитимности власти у М.Вебера основана на его же концепции о типах социального действия. В самом общем плане «социальное действие» – это особенности, приемы поведения людей в различных жизненных сферах, результатом которого становятся все социальные отношения и институты. М.Вебер выделил несколько видов социального действия в зависимости от того, какими мотивами это действие определяется.

Высшим видом социального действия ученый считал целерациональное действие. Иными словами, такое действие, которое мотивировано исключительно осознанными, рациональными интересами. В нем присутствует заранее поставленная цель и путь к ее достижению вырабатывается при помощи рациональных инструментов – математических, технических, естественно- и общественно-научных знаний, а также правовых норм. Ценностно-рациональное социальное действие осуществляется на основе осознанной веры в определенные этические, эстетические или религиозные идеалы. Третий вид социального действия М.Вебер связывал исключительно с эмоционально-чувственной мотивацией и называл его «аффективным». Наконец, четвертый вид социального действия социолог характеризовал как «традиционный», где главным мотивом выступает

привычка, бессознательное следование раз и навсегда установленным стереотипам поведения.

Исходя из вышеперечисленных видов социального действия, М.Вебер выделил *три типа легитимного господства*. Первый тип был назван им «*легальным*». Только в этом типе легитимность и формальная законность совпадают. Главным мотивом к подчинению власти является интерес, а в его основе лежит целерациональное социальное действие. В политической системе, построенной на легальном типе легитимности власти, подчиняются не какой-либо конкретной личности, а установленным законам, причем подчиняются этим законам не только те граждане, которыми управляют, но и те, которые призваны управлять (правлящая элита, бюрократический аппарат, состоящий из специально обученных чиновников). Формально-правовое начало здесь является определяющим. До тех пор, пока все осуществляется в соответствии с законом, система полностью сохраняет свою легитимность. Легально-рациональный тип легитимного господства не может обойтись без специально обученных, компетентных чиновников, составляющих, по Веберу, рациональную бюрократию. Рациональная бюрократия предполагает такую технологию и структуру государственного управления, при которой весь управленческий процесс разбит на отдельные обезличенные операции, требующие профессиональных знаний, навыков и опыта.

Чиновник такого типа управления должен соответствовать следующим критериям:

- 1) быть лично свободным и подчиняться только служебному долгу, а не своим или чужим интересам;
- 2) занимать четко определенное место в служебной иерархии;
- 3) обладать определенной компетенцией (в данном случае твердо знать свои права и обязанности);
- 4) работать на контрактной основе в условиях свободного выбора;
- 5) занимать должность в соответствии со своей профессиональной квалификацией;

б) получать регулярное денежное вознаграждение в соответствии с занимаемой должностью;

7) иметь возможность подниматься вверх по ступеням служебной иерархии в зависимости от эффективности своей деятельности;

8) рассматривать свою службу как основную профессию;

9) не использовать свое служебное положение и вытекающие из него возможности в личных целях;

10) подчиняться единой для всех служебной дисциплине.

Однако сам М.Вебер понимал, что в реальной жизни бюрократический способ управления отличается от идеального типа. Политическая практика показывает много примеров превращения чиновников в замкнутую касту, действующую не в интересах общества, а преимущественно в личных целях. Поэтому для нейтрализации негативных последствий бюрократизации власти и управления используются различные формы контроля над деятельностью чиновников со стороны политических институтов и общественного мнения.

Другой тип легитимного господства, в котором мотивацию к подчинению М.Вебер видел в «нравственной привычке к определенному поведению», он назвал «*традиционным*». Такой тип господства основан на вере в законность и даже священность издревле существующих порядков и властей и связан с традиционным социальным действием. На основе обобщения исторического опыта целого ряда стран Вебер выделяет две формы традиционного легитимного господства: патриархальную и сословную. Патриархальная форма организации традиционной власти имела место, по мнению Вебера, в Византии. Для нее характерны отношения личной зависимости в аппарате государственного управления. Хотя довольно высокие посты могут занимать как выходцы из социальных низов, включая вчерашних рабов, так и ближайшие родственники самого императора, все они являются бесправными слугами последнего. Примеры сословной формы, согласно взглядам Вебера, можно найти в феодальных государствах Западной Европы. Здесь механизм власти более обезличен. Нижестоящие

звенья властной иерархии имеют большую автономию, а в основе самой иерархии лежат принципы сословной принадлежности и сословной чести. Такая форма традиционного господства создает условия для образования аристократии, в какой-то степени ограничивающей власть монарха.

При традиционном типе легитимного господства и, в особенности, при его патриархальной форме чрезвычайно низка роль формального права и, следовательно, нет возможности действовать «невзирая на лица». Личная преданность и верность начальнику имеет гораздо большее значение, чем знания и компетентность. Поэтому именно личная преданность является важным условием для продвижения по служебной лестнице.

Третий тип легитимного господства получил определение «*харизматического*». Под харизмой (божественным даром) М.Вебер понимал некие экстраординарные способности, дарованные некоторым индивидам и выделяющие их среди других людей. К харизматическим качествам социолог относил способность магического воздействия на окружающих, пророческий дар, выдающиеся силу духа и слова. Харизмой, по мнению Вебера, обладают герои, великие полководцы, маги, пророки и провидцы, гениальные художники, выдающиеся политики и, наконец, основатели мировых религий, такие как Будда, Иисус, Магомет. Для харизматического типа легитимного господства характерна совершенно иная мотивация подчинения, чем для традиционного. Если при традиционной легитимности мотивация основана на привычке, привязанности к обычному, раз и навсегда заведенному, то при харизматической легитимности она связана с сильным воздействием на психику и сознание людей чего-то нового, яркого, необычайного. Здесь речь идет об аффективном типе социального действия. Источником привязанности к харизматическому властителю, готовности следовать его указаниям является не традиция и формальные юридические нормы, а эмоционально окрашенная личная преданность ему и вера в харизму этого человека. Поэтому, полагал М.Вебер,

харизматический вождь должен постоянно доказывать наличие этой самой харизмы, иначе власть его может повиснуть в воздухе.

От легально-рационального и традиционного типов легитимного господства харизматический тип отличается отсутствием четких правил и норм, решения в этом случае принимаются из иррациональных побуждений. В реальной политической практике харизма вождя может быть и не связана с каким-либо особым даром, а является следствием некритического восприятия его образа сторонниками и последователями. Нередко такая харизма возникает благодаря искусной демагогии и популизму. Пришедший к власти на основе подобной «искусственной» харизмы политический деятель, может вскоре разочаровать своих приверженцев неспособностью выполнить обещания, реализовать зачастую утопические пожелания своих последователей. М.Вебер отмечал, что вождь, не сумевший доказать свою харизму, начинает ее терять. Для удержания власти такому лидеру не остается ничего другого, как прибегать к силе, репрессиям. Таков механизм возникновения авторитарных диктатур во многих странах «третьего мира». Подобные примеры можно было увидеть и на постсоветском пространстве (Грузия при Гамсахурдия).

Нетрудно заметить, что количество видов социального действия и типов легитимного господства у М.Вебера неодинаково. Ценностно-рациональное социальное действие не имеет соответствующего ему типа легитимности. Современные концепции легитимности это несоответствие устраняют.

В процессе развития политической науки развивались и представления о легитимности. В качестве объекта легитимности стали рассматривать не только власть как субстанцию, но и ее институциональное выражение в виде политической системы в целом. По мнению известного американского политолога С.Липсета, понятие «легитимность» означает способность системы породить и поддерживать веру народа в то, что ее политические институты в наибольшей степени отвечают интересам общества. Другой не менее известный американский политолог Д.Истон считает легитимной

такую власть или политическую систему, которая соответствует моральным принципам индивидов, их собственным представлениям о том, что является справедливым или правильным в сфере политики. В качестве источников легитимности Д.Истон называет идеологию, политический режим и политическое лидерство. Исходя из этого, он выделяет и три типа легитимности: *идеологическую, структурную и персональную*.

Идеологическая легитимность основана на убежденности граждан в правильности тех идейных ценностей, на которых основывается политический режим и представляющие его институты. Чем больше граждан разделяют ценности и нормы, характерные для данного политического режима, тем большей степенью легитимности он обладает и, наоборот, чем меньше таких граждан, тем ниже уровень легитимности. ***Структурная легитимность*** основана на убежденности граждан в оптимальности структуры институтов политической системы и выполняемых ими функций, на уверенности в правильном распределении ролей в структурах власти и одобрении юридических норм, на которых базируется данная система. Нетрудно заметить, что структурная легитимность в понимании Истона, сходна с легально-рациональной легитимностью в понимании Макса Вебера. Точно также можно провести аналогию между персональной легитимностью по Д.Истону и харизматической легитимностью по М.Веберу. ***Персональная легитимность***, по Истону, основана на вере индивидов в личные качества политических лидеров, на уверенности в их способности наилучшим образом распорядиться своей властью. Но если «харизма», считал Вебер, присуща лишь выдающимся историческим деятелям, то Истон исходил из того, что массовую поддержку могут получать политические лидеры и не обладающие в действительности особыми качествами. Как показывает реальная политическая практика, власти способны добиваться весьма заурядные личности и они могут пользоваться достаточно устойчивой и широкой поддержкой населения и, следовательно, иметь персональную легитимность.

Своего рода объединением нормативной концепции М.Вебера и эмпирической – Д.Истона является концепция Д.Бетхэма. Он считает, что легитимация власти осуществляется одновременно на трех уровнях:

Первый из них образуют ***правила получения и отправления власти***.

Вторым уровнем являются ***убеждения управляющих и управляемых***, касающиеся функционирования политической системы.

Третий уровень – это ***активное согласие управляемых***, выражающееся в конкретных политических действиях. О полной легитимности власти можно говорить лишь тогда, когда возникает связь между содержанием правил политической игры, их позитивной оценкой и вырастающем из них политическом поведении на стороне политической системы, выражающем волю к сохранению системы в ее неизменных основах.

Тема 4. Политические партии и избирательная система

1. Политическая партия: структура и функции

В политической системе демократического общества партии играют роль связующих механизмов, являются теми мостиками, которые соединяют народ и правительство. Что же представляют собой современные политические партии?

Партии - это политические общественные организации, которые борются за власть или за участие в осуществлении власти. Американский политолог А. Эпстайн заметил, что партией можно назвать любую группу, независимо от степени ее организованности, если она стремится избрать руководителя правительственного кабинета под определенным политическим знаменем.

Со времен Античности до наших дней соперничество политических группировок, объединенных вокруг популярных лидеров, составляло характерную черту политической истории. Однако политические партии в современном значении этого слова появились в Европе и США лишь в начале XIX столетия. До этого времени для большинства политиков было

характерно настороженное отношение к борьбе партийных группировок: они указывали на ее разрушительные последствия и искали пути к ее ограничению.

Массовые политические партии возникли впервые в США в связи с президентскими выборами 1800 [. (за несколько лет до образования массовых партий в Европе).

Первоначально партии активно действовали преимущественно во время избирательных кампаний. Их сторонники не были связаны партийной дисциплиной, не имели постоянно действующих местных организаций, не проводили регулярных конференций и съездов. С возникновением массового рабочего движения в Европе появились первые партии с привычными для нас признаками: партийные билеты, оформленное членство в партии, взносы, внутрипартийная дисциплина, партийный аппарат (организованная группа людей, для которых партийная деятельность является профессией). Те слои общества, среди которых партия пользовалась наибольшим влиянием, стали называть ее *социальной базой*, а избирателей, регулярно отдающих ей свои голоса на выборах, *электоратом*.

Английский политический деятель, идейный родоначальник британского консерватизма Эдмунд Берк (1729-1797) подчеркивал, что партийное разделение, независимо от того, действуют ли партии в целом в интересах добра или зла, понятие, неотделимое от свободной системы правления.

Первоначально социал-демократические партии в Европе опирались на рабочий класс; либерально-демократические на средние слои (служащие, интеллигенция, мелкие предприниматели); консервативные на крупных собственников, средние слои и зажиточное крестьянство; аграрные на сельское население.

В России мощный толчок к формированию и консолидации политических партий дала революция 1905. Политический спектр российских партий был достаточно пестрым от крайне правых до крайне

левых: октябристы (Союз 17 октября), кадеты (конституционно-демократическая партия), Партия правого порядка, Партия мирного обновления, Торгово-промышленная партия, Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП).

Если в XIX начале XX в. каждая партия создавалась для защиты интересов определенной социальной группы, то сегодня ситуация принципиально изменилась. Примерно с середины XX в. крупные партии в развитых странах стали получать на выборах поддержку избирателей, относящихся к различным группам населения. Американский политолог Майкл Роскин подчеркивает, что сегодня в США принадлежность к какой-то политической партии не имеет принципиального значения. У Республиканской и Демократической партий много общего в том, что касается основных ценностей, идеологии и политических программ. Результаты выборов обычно зависят от личности кандидатов, а не от партийной принадлежности. Однако в Европе некоторые партии стремятся в значительной мере сохранить свое политическое лицо. Электорат социал-демократов предполагает, что в случае прихода к власти этой партии усилятся влияние профсоюзов, возрастут расходы на социальные нужды мало обеспеченных слоев населения, престарелых, больных, безработных, молодежи. ХДС в ФРГ и Консервативная партия Великобритании не скрывают свою тесную связь с крупным капиталом, открыто защищают интересы деловых кругов. Избиратели голосуют за эти партии в тех случаях, если они уверены в их сильной экономической политике, способной повысить деловую активность в стране (при условии защиты социальных интересов большинства).

В России сегодня действует Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95ФЗ «О политических партиях (далее Закон о партиях). В соответствии с п. 1 ст. 3 данного Закона *политической партией* в нашей стране признается общественное объединение, созданное в целях участия граждан Российской Федерации в политической жизни общества посредством формирования и

выражения их политической воли, участия в общественных и политических акциях, в выборах и референдумах, а также в целях представления интересов граждан в органах государственной власти и органах местного самоуправления. При этом согласно П. 2 указанной статьи политическая партия должна отвечать **следующим требованиям:**

1) политическая партия должна иметь региональные отделения более чем в половине субъектов Российской Федерации, при этом в субъекте РФ может быть создано только одно региональное отделение данной политической партии;

2) в политической партии должно состоять не менее 50 тыс. членов, при этом более чем в половине субъектов РФ политическая партия должна иметь региональные отделения численностью не менее 500 членов политической партии;

3) руководящие и иные органы политической партии, ее региональные отделения и иные структурные подразделения должны находиться на территории Российской Федерации.

Основными целями политической партии являются (п. 4 СТ.3 Закона о партиях):

- формирование общественного мнения;
- политическое образование и воспитание граждан;
- выражение мнений граждан по любым вопросам общественной жизни, доведение этих мнений до сведения широкой общественности и органов государственной власти;

- выдвижение кандидатов (списков кандидатов) на выборах Президента РФ, депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов РФ, выборных должностных лиц местного самоуправления и в представительные органы муниципальных образований, участие в указанных выборах, а также в работе избранных органов.

Российское законодательство накладывает определенные *ограничения на создание и деятельность политических партий*. Многие из этих ограничений действуют также в других демократических странах мира. Например, запрещаются создание и деятельность политических партий, цели или действия которых направлены на осуществление экстремистской деятельности. Включение в уставы и программы политических партий положений о защите идей социальной справедливости, равно как и деятельность политических партий, направленная на защиту социальной справедливости, не может рассматриваться как разжигание социальной розни. Не допускается создание политических партий по признакам профессиональной, расовой, национальной или религиозной принадлежности. Запрещается вмешательство политических партий в учебный процесс образовательных учреждений.

Политические партии пользуются в нашей стране широкими *политическими правами*. Так, согласно п. 1 Ст. 26 Закона о партиях политическая партия вправе:

- 1) свободно распространять информацию о своей деятельности, пропагандировать свои взгляды, цели и задачи;
- 2) участвовать в выработке решений органов государственной власти и органов местного самоуправления;
- 3) участвовать в выборах и референдумах;
- 4) создавать региональные, местные и первичные отделения, в том числе с правами юридического лица, принимать решения об их реорганизации и ликвидации;
- 5) организовывать и проводить собрания, митинги, демонстрации, шествия, пикетирования и иные публичные мероприятия;
- 6) учреждать издательства, информационные агентства, полиграфические предприятия, средства массовой информации и образовательные учреждения дополнительного образования взрослых;

7) пользоваться на равных условиях государственными и муниципальными средствами массовой информации;

8) создавать объединения и союзы с другими политическими партиями и иными общественными объединениями без образования юридического лица;

9) защищать свои права и представлять законные интересы своих членов;

10) устанавливать и поддерживать международные связи с политическими партиями и иными общественными объединениями иностранных государств, вступать в международные союзы и ассоциации;

11) осуществлять предпринимательскую деятельность в соответствии с законодательством Российской Федерации и уставом политической партии.

Кроме того, в силу п. 1 ст. 26.1 Закона о партиях политическая партия, список кандидатов которой по результатам выборов в законодательный (представительный) органов государственной власти субъекта РФ был допущен к распределению депутатских мандатов и получил по итогам распределения наибольшее число депутатских мандатов, вправе инициировать рассмотрение указанным органом предложения Президенту РФ о кандидатуре высшего должностного лица субъекта РФ (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта РФ).

Вместе с политическими партиями в России и других демократических странах мира действуют многочисленные ассоциации, движения, союзы. Их основное отличие от политических партий состоит в том, что они не ставят своей целью добиваться участия в политической власти. Как правило, они борются лишь за определенное влияние на политический процесс. Эти организации ориентированы на достижение узких целей одной социальной группы или решают одну специальную проблему. Движение за права потребителей, за права молодежи или престарелых, женские ассоциации, экологические организации вот далеко не полный перечень современных политических движений.

Иногда на базе наиболее влиятельных из них могут сформироваться политические партии. Сегодня во всех развитых странах есть партии «зеленых», которые начинались как общественные движения. В Западной Европе они пользуются значительной поддержкой населения и имеют представительство в парламентах.

2. Основные типы политических партий

Французский политолог Морис Дюверже разработал схему для классификации современных политических партий.

По его мнению, все партии делятся на три основные группы: массовые, кадровые и «партии ярых сторонников».

- **Массовые партии** - эти многочисленные партии стран Запада, которые соперничают с целью завоевания новых членов, пытаясь охватить все социальные слои общества. В такие партии можно свободно вступить. Часть из них организовано не оформлена: для того, чтобы считаться членом такой партии, достаточно проголосовать на выборах за выдвинутого ею кандидата. Массовыми партиями являются Республиканская и Демократическая партии США, Консервативная партия Великобритании, многие европейские партии консервативной ориентации, значительная часть социалдемократических партий.
- **Кадровые партии** - получают поддержку от политически активной элиты; они рассчитывают на то, что элитарная группа профессионалов будет активно работать в рамках партии, организовывая избирательные кампании и привлекая новых членов. Такие партии, как правило, организационно оформлены: их члены получают партийные билеты и платят партийные взносы. Кадровые партии преимущественно действуют в тоталитарных и развивающихся странах. Партия Индийский национальный конгресс и значительное число социалистических и коммунистических партии принадлежат к этому типу.

- Выражение «*партия ярых сторонников*» Дюверже использует для тех партий, формальные структуры которых сгруппированы вокруг одного человека. Например, нацистская партия Германии была прежде всего партией ярых сторонников Гитлера. Этот тип партийной организации делает Лидера таким же значительным, как и идеология, которую он олицетворяет.

Некоторые современные партии существуют сегодня в виде объединений или союзов. Так, во Франции наиболее известным является правоцентристский Союз за французскую демократию (СФД), представляющий собой коалицию пяти партий и группировок.

Каковы основные функции партий в политической системе? Мы уже отмечали, что основная роль партий состоит в обеспечении взаимосвязи гражданского общества и государства. Партии играют важную роль в организации избирательного процесса, в выборе и выдвижении политических лидеров, в достижении социальной интеграции. Через партии различные социальные группы имеют возможность заявить о своих социально-экономических и политических требованиях. Как правило, внутри каждой партии существуют **фракции** - группы, выдвигающие программы, отличные от общей программы партии. Существование фракций делает политику партии более гибкой: помогает ей сохранить влияние среди разных групп избирателей, учитывая многообразные политические интересы в обществе. Политика партии вырабатывается в ходе внутривнутриполитической борьбы между разными фракциями. Особенно острой такая борьба бывает на съездах и конференциях, где фракции предлагают альтернативные документы, доказывают их преимущества, заключают компромиссные соглашения. Все это не позволяет партийной машине утратить гибкость, дает возможность вовремя заметить изменения настроений в электорате.

Политические партии, которые имеют возможность реально участвовать в формировании правительства и государственных органов, воздействовать на политический процесс, в совокупности составляют партийную систему.

По числу партий партийные системы принято делить на одно-, двух-, многопартийные, а также их разновидности.

- *Однопартийные системы* являются феноменом XX столетия, рожденным тоталитарными государствами. Китай, КНДР, Куба, бывший Советский Союз- государства с однопартийной системой. Правящая партия здесь контролирует каждый уровень управления и выступает единственной партией, разрешенной законом в стране.
- *Классическая двухпартийная система* является типичной для англоязычных стран. США, Великобритания, Австралия, Новая Зеландия имеют две основные партии, каждая из которых обладает равными возможностями для победы на выборах.

Политологи часто сравнивают двухпартийную систему с маятником. Когда этот маятник совершает свое очередное движение, смена власти по своей стремительности напоминает театрализованный государственный переворот. Однако, по остроумному замечанию одного журналиста-международника, вместо танков к министерским особнякам на рассвете стягивают багажные автофургоны.

Например, в Великобритании результаты парламентских выборов, которые по традиции происходят в четверг, становятся известными в пятницу. Если «оппозиция ее величества одерживает победу над «правительством ее величества, в тот же самый день премьер-министр извещает королеву об отставке правительства. Лидер победившей партии приглашается в Букингемский дворец и после ритуала «целования руки переселяется на Даунинг-стрит, 10, откуда грузчики еще выносят ящики со скорбом своего предшественника. Тот факт, что большинство членов кабинета селятся в правительственных особняках, делает смену власти особенно драматичной: министр разом теряет не только пост, но и кров. Сосед английского премьер-министра канцлер казначейства, живущий на Даунинг-гстрит, 11, имеет дом с одной единственной дверью. Так что любители драматических сцен могут наблюдать с тротуара напротив, как

через эту дверь происходит выселение прежнего обитателя и вселение нового.

В США смена президента в Белом доме знаменует начало «великого переселения в «коридорах власти Вашингтона, которое затрагивает многие тысячи людей и тянется два месяца от ноябрьских выборов до январского вступления в должность.

- В странах с *многопартийными системами* за власть борются несколько политических партий. Шведская партийная система может помочь нам разобраться, каким образом, начиная от левых и кончая правыми, занимают места в парламенте политические партии (в зависимости от числа полученных ими голосов на выборах). Для того, чтобы не пропустить чрезмерного дробления политических сил в Швеции, ФРГ и ряде других стран, в избирательное законодательство введен пункт, согласно которому партия для проведения своих депутатов в парламент должна набрать на выборах установленный минимум голосов (обычно 5%). Партии, не сумевшие преодолеть 5%ный барьер, не имеют представительства в парламенте. Такие ограничения побуждают мелкие партии заключать предвыборные соглашения и совместно выставлять кандидатов на выборах.

Политологи часто критикуют многопартийные системы за их нестабильность. Так, Четвертая Французская республика (1940-1958) и современное коалиционное правительство Италии ярко демонстрируют все минусы многопартийности: ни в Италии, ни во Франции правительство не сумело удержаться у власти дольше нескольких месяцев подряд. Однако в Голландии, Швеции и Израиле обычно удается создать устойчивую многопартийную коалицию, которая осуществляет эффективное руководство. Дело в том, что число партий не является главной причиной нестабильности кабинета: гораздо больше стабильность зависит от национальной политической культуры и согласия в отношении основных общественных проблем.

Многие демократические страны Запада имеют партийную систему «*два плюс*» разновидность многопартийной системы, при которой существует две крупные партии и одна или две небольшие. Например, в ФРГ с начала 1960х п. у власти попеременно находились социал-демократы (СДПГ) и блок Христианско-демократический союз и Христианско-социальный союз (ХДСГХСС). Другие партии ФРГ практически не имели шансов победить на выборах. Однако находящаяся у власти партия формировала правительство с участием влиятельной, но численно небольшой Свободной демократической партии (СВДП), причем последняя выступала в коалиции, не претендуя на положение правящей партии. В 1990е гг. на политической сцене ФРГ усилилось влияние партии «зеленых»: сегодня при формировании правительства учитывается и ее политическое влияние.

- Достаточно часто встречается еще одна разновидность многопартийной системы *с доминирующей партией* (Япония, Индия, Мексика). Здесь в предвыборной борьбе участвует множество партий, но господствующие позиции при этом принадлежат одной из них. Так, со времени завоевания независимости в 1947 г. в Индии ведущая роль принадлежит партии ИНК Индийский национальный конгресс. В Японии ведущие позиции на политической арене занимает Либерально демократическая партия.

В России в настоящее время также формируется многопартийная система. Спектр современных политических партий весьма широк. В Государственной Думе сегодня представлены четыре ведущие партии: «Единая Россия», «Справедливая Россия», Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократическая партия (ЛДПР). Помимо этого, действуют еще несколько более мелких партий: «Патриоты России», «Правое дело», Российская объединенная демократическая партия «Яблоко». Вместе с тем, по данным социологов, в России все еще нет стабильного «политического расслоения общества. Политические предпочтения россиян достаточно часто колеблются, что вполне естественно для периода становления демократического общества.

3. Избирательный процесс: основные этапы и формы политического участия

Для большинства граждан в демократическом обществе основной формой политической активности является *участие в выборах*. Бернард Шоу с присущей ему иронией заметил: «Демократия – изобретение, обеспечивающее нам такое правительство, которое мы заслуживаем. Выборы в различные органы государственной власти происходят регулярно, через определенные законом промежутки времени. Президент и члены высших законодательных органов избираются обычно на срок от четырех до шести лет. Местные органы власти избираются на более короткий срок – два или три года. Дата предстоящих выборов устанавливается законодательством или объявляется указом главы государства. При парламентских формах правления высший орган законодательной власти может быть распущен досрочно, и тогда назначаются внеочередные выборы; они могут проводиться и в том случае, если лицо, занимающее выборный пост, отстранено от должности или не может выполнять свои обязанности в связи с болезнью.

Со дня объявления даты выборов официально начинается *избирательная кампания*: составляются списки избирателей, производятся выдвижение и регистрация кандидатов, ведется предвыборная агитация, проводится голосование.

Почему избиратели участвуют в выборах? Было бы логично предположить, что в странах, где сильны традиции демократии, можно ожидать достаточно высокого интереса граждан к политическим выборам, однако это далеко не так. В США в 1990е п. число избирателей, принимавших участие в выборах, ни разу не превысило 53%. В Европе показатели несколько выше – в среднем 60-70%. И только в Швеции, ФРГ и в Италии избирательная активность граждан превышает 80-90%.

Мнения политологов относительно низкой политической активности граждан в развитых демократических странах Запада расходятся. Одни с

тревогой смотрят на это явление, утверждая, что низкая активность избирателей указывает на разочарование граждан в конституционной демократии, которая утрачивает свою легитимность и авторитет. Если такое положение сохранится, то сама демократия будет поставлена под угрозу. Другие ученые придерживаются более оптимистических взглядов. Они полагают, что низкая политическая активность свидетельствует о том, что граждане в основном удовлетворены имеющейся политической системой или, по меньшей мере, удовлетворены настолько, что не хотят тратить время на регистрацию и голосование. Более того, страны с очень высоким уровнем активности избирателей часто страдают от своего рода «политической лихорадки», при которой интенсивность политической активности достигает опасного размаха.

Так или иначе, большинство избирателей все же приходит на избирательные участки. Можно выделить ряд объективных *факторов, влияющих на политическую активность граждан*: уровень доходов, образование, возрастная и половая принадлежность, район проживания. Очевидно, что люди, получающие солидные доходы, скорее пойдут голосовать, чем те, кто не так состоятелен: их политическая активность детерминирована экономическими интересами. Данные социологов свидетельствуют о том, что образованные люди более склонны участвовать в выборах, чем те, кто так и не закончил средней школы. Образованные граждане лучше информированы, имеют более широкий спектр социально-политических интересов, у них развито чувство причастности к политической жизни своей страны.

Интересно, что политическая активность граждан в значительной мере зависит от возраста. В целом молодежи до 25 лет свойственно меньше интересоваться политикой, чем более старшему поколению. Примерно половина граждан США в возрасте от 18 до 25 лет сейчас не регистрируется для участия в выборах. Сконцентрированные на личных проблемах, многие молодые люди не находят времени, чтобы интересоваться политическими

вопросами. Пик политической активности граждан, как правило, приходится на средний возраст от 25 до 50 лет. Психолог склонны объяснять это тем, что люди старшего возраста больше стремятся к завоеванию влиятельного положения в обществе: часто их политическая активность детерминирована деловой и профессиональной активностью. В последние десятилетия во многих странах социологи отмечают достаточно высокую избирательную активность пожилых людей. Пенсионеров привлекает на избирательные участки интерес к проблемам социального страхования и медицинского обеспечения. Помимо этого пожилые люди имеют больше свободного времени для участия в политической жизни.

Не так давно среди политологов существовало единодушное мнение относительно того, что мужчины более охотно принимают участие в политических выборах, чем женщины. Во многом это объяснялось тем обстоятельством, что женщины лишь сравнительно недавно завоевали право голоса. Например, во Франции женщины получили такое право в 1944 г., в Греции в 1956 г., в Швейцарии только в 1971 г. Однако данные социологов 1980х гг. говорят о том, что разрыв между мужчинами и женщинами в отношении избирательной активности в развитых странах неуклонно сокращается. В США и некоторых странах Западной Европы (Франция, Швеция, Дания и др.) разница между этими двумя группами избирателей практически исчезла.

Несмотря на неуклонное развитие средств связи и коммуникаций, фактор района проживания все еще играет роль во время избирательных кампаний. Это по-прежнему объясняется значительно большей доступностью избирательных участков в городах по сравнению с отдаленными населенными пунктами.

Как голосуют избиратели? Выборы проводятся по **избирательным округом**: территория государства разбивается на округа, население которых выбирает одного или нескольких депутатов. Для выборов в местные органы власти создаются небольшие избирательные округа, где депутат избирается

от жителей одного района (квартала, поселка, деревни и т.д.). При выборах депутатов в высшие законодательные органы несколько небольших избирательных округов объединяются в один и депутаты избираются от населения провинции (графства, края). Если от округа избирается один депутат, он называется *одноименным*, если несколько - *многоименным*.

Избирательное право действительно является равным, если в округе каждый депутат избирается равным числом избирателей. Однако этот принцип под разными предлогами часто нарушается. Партия, находящаяся у власти, стремится сформировать избирательные округа таким образом, чтобы увеличить свое представительство в выборных государственных органах. Например, если правящая партия пользуется преимущественным влиянием в сельской местности, а оппозиционная в городе, то первая будет стремиться к тому, чтобы округа были приблизительно равными по территории. Тогда сельские округа с небольшой плотностью населения будут иметь преимущество в сравнении с городскими, где на небольшой территории живут тысячи человек.

В странах с многонациональным составом населения весьма важным является вопрос о том, как обеспечить пропорциональное представительство каждой национальности в выборных государственных органах. Если в стране существует двухпалатный парламент, то в первую палату обычно избирается равное число депутатов от каждой административно-территориальной единицы (провинции, края, республики). Во второй палате число депутатов пропорционально численности населения края или республики.

Все граждане, имеющие право голоса, заносятся в *списки избирателей*. В большинстве европейских стран и в России такие списки составляют местные органы власти. В США и Великобритании избиратели сами должны прийти на избирательный участок и зарегистрироваться.

Одновременно с регистрацией происходит процесс *выдвижения кандидатов*. Как правило, от имени партии (или установленного числа избирателей) подается заявление в соответствующий орган. Формально это

открывает возможность перед выдвигаемым кандидатом начать участие в предвыборной борьбе. В США существует система **первичных выборов**: такие выборы позволяют определить, кто из партийных кандидатов пользуется наибольшей поддержкой. Все победившие на первичных выборах становятся официальными кандидатами партии и получают возможность продолжить борьбу за выборный пост.

Таким образом, независимо от того, какой порядок выдвижения кандидата принят в стране, решающая роль на первом этапе принадлежит политическим партиям: именно они осуществляют подбор кандидатов, оказывают им организационную и финансовую поддержку. Для того чтобы ознакомить каждого избирателя со своей предвыборной программой, партии проводят митинги и собрания, организуют встречи кандидатов с жителями своего избирательного округа, выступают в Прессе, по радио и телевидению.

Техника проведения предвыборных кампаний с каждым годом совершенствуется. Сегодня партии широко используют услуги политологов, социологов, социальных психологов, изучающих общественное мнение, настроения избирателей. Политические лидеры пользуются услугами **имиджмейкеров** - специалистов по созданию имиджа (англ. *image* - образ, изображение). Профессиональная «упаковка кандидатов и их платформ для политической рекламы в средствах массовой информации весьма дорогостоящее мероприятие. Например, в 1990 г. кандидаты в конгресс потратили 97,3 млн долл. на радио и телерекламу в ходе своих политических кампаний. Примерно такая же сумма была истрачена на производство этой рекламы, а также опросы, исследования и консультантов, стоявших за ней.

Профессиональные политические менеджеры используют новый термин **«оптовая продажа» кандидата** - так они оценивают контакт с массовой аудиторией через каналы телевидения и радиовещания. К сожалению, политическая реклама все больше акцентирует внимание на создании нужного образа, а не на сущности личности кандидата. В прошлом кандидатам, чтобы стать национальной фигурой, приходилось подниматься по длинной полити-

ческой лестнице, доказывать свои достоинства в острых дискуссиях, выступая в партийных организациях. Сегодня они могут совершить мгновенный эффектный выход на национальную политическую сцену с помощью политической рекламы в средствах массовой информации.

Вполне понятно, что участвовать в дорогостоящей избирательной кампании без поддержки крупной политической партии сейчас практически невозможно, поэтому в условиях сложившейся многопартийной системы независимый кандидат вряд ли может рассчитывать на победу на выборах. Принцип демократической политики и демократических выборов требует, чтобы партии и их кандидаты вели избирательную кампанию в равных условиях, между тем на практике часто происходит обратное. Партии, пользующиеся поддержкой состоятельных слоев населения, получают значительные пожертвования, а значит, имеют солидную финансовую базу. Это обеспечивает им выход на телевидение, радио, на страницы газет и журналов. Именно они покупают лучшее время в эфире, арендуют прекрасные помещения для встречи с избирателями, могут позволить себе оплачивать услуги многочисленных консультантов. Небольшие партии или партии, не имеющие возможности привлечь крупные средства в свой предвыборный фонд, заведомо оказываются в невыгодном положении.

Конечно, государство берет на себя часть расходов кандидатов по ведению предвыборной кампании. В большинстве стран это делается непосредственно путем предоставления бесплатного времени вещания и бесплатных публикаций в прессе каждому одобренному кандидату. Помимо этого, государство устанавливает ограничения на размеры пожертвований частных лиц и организаций в предвыборные фонды, использование личных средств кандидатов, общую сумму расходов на избирательную кампанию. Однако время от времени в прессе вспыхивают скандалы, связанные с разоблачением тайных источников финансирования партийных лидеров, с нарушением партиями финансового законодательства.

Избирательную кампанию завершает *голосование*. За день до голосования прекращается предвыборная агитация: последний день перед голосованием предоставляется избирателям для того, чтобы они самостоятельно окончательно обдумали свой выбор и приняли решение. Голосование проходит *тайно*: в одних странах избиратели заполняют бюллетени в кабинках, в других используются специальные машины для голосования, сконструированные таким образом, чтобы исключить подтасовку результатов.

В большинстве демократических стран выборы проводятся на основе *всеобщего и равного избирательного права*.

В прошлом, на ранних этапах развития конституционной демократии, избирательное право ограничивалось *имущественным цензом* - уплатой определенной суммы налога с недвижимости. В течение всего XIX столетия велась борьба вначале за снижение, а потом и за отмену имущественного ценза, который был основным препятствием на пути к получению избирательных прав большинством граждан. Достаточно долго в странах Запада существовал высокий *возрастной ценз*: право голоса предоставлялось с 21-23 лет. Борьба молодежи за свои права, бурные выступления протеста, прокатившиеся по многим странам в 1960-1970е гг., привели к тому, что возрастной ценз был снижен до 18 лет: в США это произошло в 1971 г., во Франции и ФРГ в 1974 г., в Италии в 1975 г. Более высокий возрастной ценз существует, как правило, для кандидатов на выборные посты. Так, кандидат в нижнюю палату парламента не должен быть моложе 23-25 лет, в верхнюю палату 30-40 лет. На должность главы исполнительной власти не может выдвигать свою кандидатуру гражданин моложе 35-40 лет. Во многих странах действуют также цензы оседлости для избирателей и депутатов. Ценз оседлости для избирателей, как правило, не превышает нескольких месяцев. В США для участия в президентских выборах необходимо проживать в данной местности не менее 30 дней, а для участия БО всех других выборах от трех месяцев до одного года (в

зависимости от законов штата). Однако при переезде на новое место жительства можно получить своего рода «открепительный талон», который дает возможность участвовать в выборах. Для кандидатов на выборные посты существуют достаточно высокие цензы оседлости: парламентарии должны постоянно проживать в той местности, от которой они баллотировались, причем к моменту выборов они должны прожить в стране не менее 10-15 лет. Такие требования вполне оправданы: избиратели хотят иметь компетентных, обладающих достаточным жизненным опытом, хорошо подготовленных к выполнению своих обязанностей представителей в выборных органах власти.

После того как выборы завершены, наступает самый ответственный этап - *подведение итогов голосования*. В каждой стране существуют свои установленные законы и проверенные практикой правила определения результатов голосования. Совокупность этих правил называется *избирательной системой*. Наиболее часто встречаются две избирательные системы: мажоритарная и пропорциональная.

- *Мажоритарную систему* обычно называют *системой большинства*, поскольку по этой системе избранным считается кандидат, набравший большинство голосов избирателей. Известны две разновидности мажоритарной системы - *абсолютного и относительного большинства*. При мажоритарной системе относительного большинства побеждает кандидат, набравший голосов больше, чем каждый из его соперников в отдельности. Мажоритарная система абсолютного большинства предполагает победу кандидата, набравшего 50% плюс один голос от числа избирателей, принявших участие в выборах. Если ни один из кандидатов не набирает необходимого числа голосов, проводится второй тур выборов, где участвуют два кандидата, получившие максимальное число голосов в первом туре.

Таким образом, при мажоритарной системе политическая партия, за которую на выборах проголосовало избирателей меньше, чем за ее основного

соперника, может получить большинство мест в законодательном собрании. Особенно сложно при этой системе небольшим партиям: поданные за них голоса часто «пропадают, и партия лишается представительства в выборных органах власти. Однако, несмотря на столь явные недостатки, мажоритарная система продолжает широко использоваться в избирательной практике. В настоящее время она применяется в Великобритании, США, Франции, Японии. Дело в том, что подобная система позволяет создавать устойчивые правительства, опирающиеся на прочное большинство в парламенте.

- Многие западноевропейские страны практикуют **пропорциональную систему**. При проведении выборов по этой системе создаются большие по численности избирателей округа. Партии выставляют на выборах списки кандидатов из двух, трех и более человек. Затем устанавливается избирательная квота. Например, в избирательном округе приняты участие в голосовании 210 тыс. избирателей. Всего в округе должно быть избрано три депутата. Число поданных голосов делится на число депутатских мест: $210 \text{ тыс.} / 370 \text{ тыс.}$. В данном случае 70 тыс. является избирательной квотой. Каждая партия получит столько мест, сколько раз квота уложится в число поданных за нее голосов.

Несомненно, пропорциональная система более справедливо отражает соотношение между числом поданных за партию голосов и числом получаемых ею депутатских мест. В этом случае законодательное собрание страны достаточно точно представляет все основные политические силы общества. Однако недостатки этой системы являются в значительной мере продолжением ее достоинств. Пропорциональное представительство как бы поощряет дробление политических сил: там, где расщепляются политические взгляды, эта система позволяет небольшим коалициям организовываться в партии и завоевывать места в парламенте, а это канал для проникновения экстремистских группировок. Для того чтобы устранить этот недостаток, обычно вводят «пороговое условие: минимальный процент голосов,

необходимый для прохождения в парламент (обычно 4 или 5% общего числа голосов по всей стране).

Пропорциональная система сегодня используется в Швеции, Испании, Израиле, Италии, Бельгии, Швейцарии, Норвегии, Финляндии. В ряде стран существует смешанная, мажоритарно-пропорциональная система. Например, в ФРГ половина состава бундестага избирается на основе мажоритарной системы в один тур, другая на основе пропорциональной системы. В Австралии палата представителей формируется по мажоритарной системе абсолютного большинства, а сенат по системе пропорционального представительства.

4. Референдум и плебисцит

По способу организации и проведения к выборам близки две другие формы политического волеизъявления граждан плебисцит и референдум.

Плебисцит (лат. plebiscitum, от plebs - простой народ и scitum решение) - форма непосредственной демократии; опрос населения путем голосования граждан по наиболее важным вопросам общегосударственного, регионального или местного значения (например, о принадлежности территории, на которой оно проживает, тому или иному государству).

Референдум (от лат. referendum то, что должно быть сообщено) - важнейший институт прямой демократии; прямое, непосредственное обращение к избирателям для окончательного решения особо важного политического вопроса. Как правило, на общенациональный референдум глава государства (или парламент) выносит вопросы, касающиеся изменения формы государственного устройства или формы правления, принятия конституции и поправок к ней, вступления страны в международную организацию, присоединения к международному соглашению.

При проведении референдумов избирательные округа не создаются. Решение считается принятым, если за него проголосовало большинство граждан, участвовавших в голосовании. Иногда референдум проводится в

отдельном регионе или округе по вопросам местного значения. Такая практика получила широкое распространение в некоторых федеральных государствах (США, Швейцария). На местном референдуме могут решаться вопросы введения новых налогов, строительства новых школ, больниц, жилых микрорайонов, автомагистралей.

Оценка референдума как инструмента прямой демократии неоднозначна. Например, французский философ эпохи Просвещения Ж. Ж. Руссо идеализировал эту форму политического участия граждан, подчеркивая, что ни одно политическое решение, ни один закон, не одобренные самим народом, не имеют обязательной силы. Между тем практика проведения референдумов в современных демократических государствах вскрыла слабые стороны этого политического института.

Правительство, вынося вопрос на референдум, стремится сформулировать его таким образом, чтобы по возможности предопределить получение желаемого для него ответа: участники референдума не вносят изменений в предлагаемый законопроект, они могут лишь поддержать или отвергнуть заранее сформулированное решение. Помимо этого велико число тех, кто вообще не приходит участвовать в голосовании, и решение нередко принимается незначительным большинством голосов. Кроме того, общественное мнение в кризисные периоды общественного развития может быстро измениться, и результаты референдума уже не будут отвечать настроениям большей части общества.

Референдум может более полно отражать мнение народа, если ему предшествует широкое, всестороннее обсуждение выносимого на голосование вопроса. Очень важно, чтобы окончательно принятым считалось решение, поддержанное *квалифицированным большинством* - двумя третями граждан, принявших участие в голосовании. В тех случаях, когда устойчивого большинства по обсуждаемому вопросу не сформировалось, через некоторое время необходимо вновь вернуться к его обсуждению.

В современной политической теории все большее распространение получают идеи необходимости сочетания прямой и представительной демократии. При решении местных вопросов. В городах, районах, в сельской местности более эффективны институты прямой демократии (референдум, плебисцит), в то время как на общенациональном уровне предпочтительнее использовать институты представительной демократии, дополняя их формами прямого участия граждан в политической жизни.

Тема 5. Человек и политика

1. Человек политический как субъект политического творчества

Одним из обескураживающих антропологических парадоксов XX столетия стало последовательное выкорчевывание всего “человеческого, слишком человеческого” из пестрого спектра современных антропологических наук. Выдвижение на первый план идеи рациональности и аналитического метода освободило гуманитарные науки от идеализма и субъективизма, но одновременно позволило слишком сильно “остудить” теплый человеческий мир, превратив его в мертвую пустыню, над которой не носятся уже дерзкие вихри сказочных желаний. Как скучен мир, в котором разложены по полочкам поддающиеся упорядочению сведения из человеческой жизни! Как страшен мир, из которого удалось изгнать переживания, субъективные предпочтения, яркие символы и мечты! Научный инструментарий для наблюдений и экспериментов непрерывно расширяется, методы анализа становятся все более точными и дифференцированными, количество разнообразных источников наших знаний о человеке неуклонно возрастает... Но этот высчитанный и вымеренный среднестатистический блеклый образ, лишенный всякой живой жизни, который возникает перед нами со страниц научных монографий, – как мало он в действительности похож на человека! Не будет преувеличением сказать: никогда еще в человеческой истории человек не был такой загадкой для самого себя, как в наши дни. Возрастающее число частных наук,

направленных на изучение человека, не только не проясняет наши представления о нем, но, скорее, еще больше запутывает общую картину. Психология, антропология, этнография, биология, медицина, теология, философия, социология, политология и история с каждым днем увеличивают поразительно богатую массу фактов. Но обилие фактов – это совсем не то, что обилие мыслей и идей! Можно согласиться с немецким философом Максом Шелером (1874-1928): “у нас есть научная, философская и теологическая антропология, каждая из которых ничего не знает о других. Мы, следовательно, не обладаем более никакой ясной и устойчивой идеей человека.”

Но что это значит – обладать “ясной и устойчивой идеей человека”? Многим мыслителям прошлого казалось, что они могут ответить на этот вопрос: в сложном устройстве человеческой жизни они пытались отыскать скрытую движущую силу, которая приводит в движение весь механизм человеческих представлений. Аристотель определил человека как “политическое животное”, подчеркнув, что только в общественно-политической сфере человек находит подлинное самовыражение и саморазвитие. Французский философ эпохи Возрождения Мишель Монтень (1533-1592), заметил, что самое великое в мире – это самопознание, и именно в нем человек черпает неизменное и неиссякаемое вдохновение. Согласно Августину Блаженному, нам всем дано двигаться вперед лишь с помощью Божественной благодати, вне которой человеческие деяния обращаются в прах и тлен. Фридрих Ницше (1844-1900), напротив, указал человеку на достаточно низменную волю к власти, а Карл Маркс – на весьма примитивный экономический инстинкт. Основоположник психоанализа австриец Зигмунд Фрейд (1856-1939) и вовсе возвел на пьедестал стыдливо замалчиваемый прежней “высокой” наукой сексуальный инстинкт.

Каждому из этих великих мыслителей казалось, что он нашел “нить Ариадны”, способную создать концептуальное единство из бессвязных и разрозненных фактов о человеческой природе. С высоты современной науки

нам легко обвинять их в односторонности представлений, но, к сожалению, современная постмодернистская установка на принципиальное разнообразие познавательных перспектив не обладает высокой эвристической ценностью: утрата идейного стержня неизменно оборачивается анархией и бессвязностью представлений.

Напрашивается вопрос: возможен ли современный синтетический подход, способный одновременно дать и некое единое концептуальное представление о человеке политическом? Если исходить из гипотезы, что мир политической культуры – это *символическая вселенная*, то определение политического человека в терминах культуры возможно лишь как функциональное, а не субстанциональное. Главной характеристикой человека в каждой цивилизации выступают не его физическая природа, какой-то внутренний принцип, врожденные способности или инстинкты, а его *способ освоения политического мира*, его *деятельность, имеющая особый социокультурный характер*. Все, что способен сделать человек политический – в теории и на практике, – это создать особый *символический* универсум политических представлений и форм, который даст ему возможность понимать, интерпретировать, организовывать, связывать и обобщать свой политический опыт. За всеми символами политической культуры цивилизации стоит человек, который тщательно подбирает слова и образы, и все существующее в сфере политики существует лишь по отношению к нему, следовательно, и распознать человека мы можем, скорее всего, через этот символический мир, имеющий социокультурную окраску. В этом смысле человек политический существует отнюдь не в мире истины, а исключительно в мире иллюзий и символов, который создает и поддерживает собственными усилиями.

Жизнь человека в зеркале политики читается как реалистическая драма современности, завязка которой произошла в далеком прошлом политической истории, поэтому вся живая игра сил и страстей, все напряжения и конфликты можно верно интерпретировать лишь сквозь

призму символической линзы *культуры*, закаленной в горниле веков, пройденных цивилизацией. Одним из первых это глубоко понял Ш.Л. Монтескье, попытавшийся представить политическое законотворчество человека как выражение “духа законов”. Он подчеркнул, что этот дух в каждой культуре ограничен традициями, обычаями, историей и даже географией народов, т.е., говоря современным языком, ***дух законов имеет социокультурную выразительность***. В каждой цивилизации непрерывно, день за днем, от века к веку человек политический создает все новые символические формы, расширяя и преумножая сферу политического, и это непременно *творческий процесс*. Понять человека другой политической культуры – значит понять человека, способного к ***другому типу политического творчества, к другому духу законов***.

Действительно, в определенном смысле человек политический в каждой цивилизации создал себя сам, творчески развивая символический мир политических форм и представлений, и это был исторический процесс самостановления и самосозидания через политическую деятельность. Но если всякая творческая деятельность, вопреки всем различиям и противоположностям разнообразных политических форм, направлена к единой цели, то в конечном счете должна быть найдена и особая *характерная черта*, посредством которой все многообразные формы согласуются и гармонизируются. Мы уже подчеркивали, что эта черта имеет социокультурную природу, и современная наука определила ее как *социокультурную идентичность* человека политического. Другими словами, наблюдая глазами за “видимым” человеком, мы должны найти в нем человека “невидимого”. Что это значит?

Мир слов и жестов, движений и поступков – словом, весь мир видимого и наблюдаемого “другого” – служит для нас выражением чего-то тайного, скрытого, а именно *внутренней установки души*. Под “внешним” человеком сказывается человек “внутренний”, и первый может послужить объяснением второго. Если все внешние проявления рассматривать как символы,

указывающие в одном направлении, то мы должны следовать по ним, чтобы достигнуть этого центра и найти “настоящего человека”, т.е. группу способностей и чувств, которые производят все остальное. Этот “подземный социокультурный мир” и представляет настоящий предмет исследования политика. “Дух дышит, где хочет” – сказано в Евангелии, и нетривиальная задача исследователя состоит в том, чтобы понять, где же дышит этот дух человека политического другой культуры. Между тем, наблюдая за ним, современная наука весьма восприимчива к требованиям эмпирической истины, последовательно описывая политические требования и поступки, предпочтения и интересы. Но за всеми этими пестрыми сведениями она неизменно забывает о главном – о существовании *идеальной истины* человеческого мира. Равновесие между этими требованиями научного исследования трудно подчинить единому правилу, и в конечном счете оно зависит от интуиции исследователя. И нельзя не согласиться со швейцарским историком Генрихом Вельфлином (1864- 1945): “интеллектуальное самосохранение требует сводить бесконечность событий человеческой жизни к немногочисленным их результатам.” И в этом смысле о человеке политическом другой культуры мы судим не только по тому, что ему удалось сделать в сфере политики, но и по тому, *каковы социокультурные последствия его деятельности.*

Политик не может и не должен детально вникать в политическую жизнь “другого”: он имеет дело с многозначительными и выразительными фактами, чреватými последствиями для человека в мире политики. Но на пути понимания значения и выразительности фактов другой политической жизни нас ожидает немало подводных камней.

В каждой цивилизации от века к веку жрецы, законодатели и мудрецы, святые, еретики и революционеры, мистики, аскеты и пророки демонстрировали личным примером возможность *моральной позиции в политике.* Очень часто они тем самым спасали свою культуру от гибели, утверждая: каждый человек способен на такой политический поступок, если

будет следовать внутренней установке души. Национальный характер крепко спаян отраженным светом памяти всех перенесенных в истории утрат: пламенем гражданских войн и революций, стихийных бедствий и лагерей смерти. Французский психолог Серж Московичи (р. 1925) справедливо заметил, что “в национальном характере нет ничего героического или филантропического, напротив, он обеспечивает своего рода гигиену духа и вообще существования цивилизации. Мы узнаем его по тональности жизни и по императиву "никогда не допускать недопустимого" Только национальный характер способен объяснить нам, на что в конечном счете способен человек политический в каждой цивилизации; что он ответит, когда судьба рукой истории постучится в его дверь.

Национальный характер каждого народа создан высоким эмоциональным напряжением духа, выковавшим политические ценности цивилизации. С помощью обостренных эмоциональных реакций – горя, отчаяния, ликования и восторга – человек политический преодолевал те могучие силы зла, которые угрожали ему на пути политической истории. В течение многих столетий он сражался и умирал за свою землю, которая была для него воплощением политического идеала. Поэтому политический характер нам никогда не измерить разумом, но его можно понять через эмоциональный опыт. А в эмоциональном мире, согласимся с Джоном Дьюи, вещи острые, трагичны, прекрасны, забавны, спокойны, беспорядочны, удобны, раздражающе скучны, грубы, утешительны, блестящи, ужасающи – они таковы непосредственно в себе и для себя. Но так ли уж трудно современному прагматичному человеку восстановить этот эмоциональный мир? Разве современная политика не погружает нас в бурю страстей, возрождая драматизированное понимание окружающих вещей и событий: они теряют свой привычный облик, меняют внешние признаки, окрашиваясь в особый цвет наших страстей – любви и ненависти, надежды и страха. Однако национальный характер – не просто мир эмоциональных представлений; это такой эмоциональный накал, который

генерирует *поступок*. И этот поступок становится тем нравственным эталоном национального представления о *должном*, который передается из поколения в поколение, что свидетельствует об особом *архетипе политического действия*.

Политическая культура цивилизаций создавалась не столетиями – тысячелетиями, и энергия национальных характеров не может улетучиться бесследно: существует **закон сохранения психической энергии**. Современное общество насыщено драматическими ожиданиями и предчувствиями, которые генерирует рассеянная в социальной ткани энергия остывшего религиозного экстаза. Эта энергия ищет новые каналы, способные ее сфокусировать и оживить. Куда же она устремляется в эпоху атеистического нигилизма и расчетливого прагматизма?

Если энергия уходит глубоко в индивидуальное подсознание – этот процесс хорошо описали Зигмунд Фрейд (“Психоанализ и культура”) и Эмиль Дюркгейм (“Самоубийство”, 1897), – мы имеем случаи массовых самоубийств, неврозов и других психических отклонений на фоне экономического благополучия общества. В условиях, когда сильные эмоции не востребованы цивилизацией, человек начинает эмоционально “пожирать” самого себя. Общество больше не требует от индивида следовать жестким правилам, и это снятие ограничений, дезинтеграция, отсутствие порядка, которые прежде удерживали человека в определенных рамках, концентрируя его на определенной задаче, – все это и является подлинной причиной массовых самоубийств в эпоху экономического процветания. Но не это самое страшное: в конце концов, такова участь наиболее слабых и неуравновешенных. Однако когда атеистическое общество, неспособное больше создавать богов, начинает создавать демонов – этот сатанинский механизм в политике грозит уже разорвать в клочья весь институт общественного порядка. К сожалению, в XX в. политики использовали именно такой демонический путь концентрации психической энергии масс, и

мы теперь с полным основанием называем ушедшее столетие “веком политических катастроф”.

Когда “его величество Разум” освободил человека от религиозных и мистических иллюзий, одновременно с улыбкой Мефистофеля он предложил ему самые страшные орудия уничтожения – атомную бомбу и концлагерь. Можно ли после этого всерьез полагать, что политическая наука способна вещать свои истины беспристрастно, сохраняя нейтралитет? За “смерть” Бога в политике человек заплатил самую страшную цену – он потерял самого себя. Об этом предупреждал еще Достоевский: “Если Бога нет – все позволено, а значит, позволено самое худшее – право на бесчеловечное в человеке”.

Политология использует *социологические факторы*, чтобы интерпретировать политический выбор субъекта в зависимости от социального, экономического и демографического статуса людей. В русле социологии позитивизма были исследованы объективные личностные характеристики, влияющие на выбор политической позиции: профессиональный статус, образование, уровень дохода, возраст, пол, место проживания и др. Политические ценности элиты и ценности “молчаливого большинства” в рамках одной культуры могут значительно отличаться. Существует “большая традиция рефлексирующего меньшинства и малая традиция большинства, не склонного к рефлексии” (Р. Редфилд), т.е. традиция “школ и храмов” и традиция деревенской общины. В свою очередь, в русле каждой из этих основных традиций возможны дальнейшие дифференциации по социальным признакам. Исследования социологов дают нам необходимую информацию о том, каков наиболее вероятный политический выбор для каждой категории населения, не индивидуализируя этот выбор. И только *индивидуально-психологический подход*, обращаясь непосредственно к исследованию индивидуальной психики человека, позволяет интерпретировать, каким образом характерологические черты личности влияют на ее политические взгляды.

Э. Фромм предложил психологическую дихотомию “некрофилия” (любовь к мертвому) – “биофилия” (любовь к живому). Он подчеркивал, что человек с некрофильным ориентированием живет прошлым и никогда не живет будущим. Такой человек холоден, держится на расстоянии и привержен “закону и порядку”. Для него характерна “установка на силу”: ведь сила есть способность превратить человека в труп. Применение силы не является навязанным ему обстоятельствами преходящим действием: это образ его жизни.

В политике сторонники “левых” и “правых” экстремистских группировок рекрутируются преимущественно из числа некрофилов. Культурные традиции (или идеологические нормы), культивирующие этническую или религиозную вражду, нетерпимость, агрессивность – могут значительно усиливать некрофильную ориентацию людей. В исламских странах, где традиционно велико влияние религиозного фундаментализма, политические организации, призывающие к искоренению иноверцев и практикующие физическое насилие, являются достаточно типичным явлением в политической жизни.

Наконец, так называемые **манипулятивные факторы** позволяют политологу интерпретировать, как политическая позиция человека зависит от влияния средств массовой информации. С развитием научно-технической революции СМИ превратились в один из главных источников формирования политических взглядов людей. Однако, как мы уже отмечали, манипулятивное воздействие политической пропаганды обратно пропорционально культуре каждого человека: чем глубже и прочнее культурные корни, тем меньше человек подвержен идеологическим манипуляциям. Современные исследования в области политической психологии показали, что людям свойственно не только поддаваться внушению, но и вырабатывать психологические методы защиты от него (контрсуггестию). В условиях политической конкуренции, чем интенсивнее поток манипулирующей информации, которой подвергает себя человек, тем

больше он сопротивляется ей и старается занять позицию, равноудаленную от соперничающих сторон. Многочисленные опросы населения в разных странах мира подтвердили, что в последние годы уровень доверия населения к СМИ резко упал.

Итак, интерпретация политической позиции человека требует учета множества взаимосвязанных факторов, ведущим среди которых выступает социокультурная идентичность. Она играет роль своеобразной “оптики”, преломляющей действие остальных векторов – исторического, социологического, индивидуально-психологического, мани-пулятивного, поэтому объяснить феномены политического сознания человека определенной культуры невозможно, пока мы не “подберем ключ” к интерпретации его социокультурной идентичности.

2. Политическое лидерство

Роль лидера в обществе обусловлена функциями, которые он призван выполнять. Среди важнейших функций Н. Макиавелли, автор теории лидерства, выделил обеспечение общественного порядка и стабильности в обществе; интеграцию разнородных интересов и групп; мобилизацию населения на решение общезначимых целей.

Ученые, занимающиеся исследованием политического лидерства, смогли классифицировать его на основе учета личных качеств лидера, конкретной ситуации, имиджа и стиля поведения.

В современном мире происходит постоянное формирование новых тенденций в развитии политического лидерства, т.к. национальные лидеры не могут игнорировать глобальные проблемы. Они должны рассматривать свою внутреннюю политику как составную часть общемирового, глобального процесса.

Кроме того, в каждой стране существует своя система подготовки кадров, из которых вырастают лидеры. Эта система связана с целями и

характером задач, стоящих перед политической системой общества, а также с ценностями политической идеологии.

Известный французский писатель Р. Роллан создал театральную эпопею на темы Французской революции — цикл из восьми пьес о выдающихся политических лидерах революционной Франции — Робеспьере, Дантоне, Бабёфе, Сен-Жюсте. Яркое художественное воображение писателя воссоздало живые образы политиков-трибунов, позволив нам глубоко проникнуть в психологию политического лидерства. Наиболее сильное впечатление оставляет автопортрет Дантона, который Р. Роллан воспроизводит в одноименной пьесе устами своего героя:

«Дантон не отрекается — он временно выходит из боя, но он всегда готов вернуться. Будь спокоен: я один сильнее их всех. Такие люди, как я, не боятся забвения: когда они умолкают хотя бы на миг, в мире тотчас же образуется страшная пустота, и никто не в силах ее заполнить. Я их всех расшвыряю! Я привык биться с чудищами. В детстве я любил дразнить быков. Мой приплюснутый нос, рассеченная губа, вся моя рожа — вот память об их окровавленных рогах. Как-то раз в поле я с громким криком бросился на полудиких кабанов, и они мне пропоролы живот. Так мне ли бояться?»

М. Вебер в своей классической работе «Политика как призвание и профессия» поставил вопрос о политическом лидерстве в этическом плане: каким надо быть человеку, чтобы ему было позволительно приложить руку к движению истории?

Главными качествами политического лидера должны быть: страсть, чувство ответственности и глазомер. Страстная ориентация на существо политического дела, полная самоотдача делу, тому богу или демону, который этим делом повелевает, - вот первый закон лидерства. Но одной только страсти недостаточно. Она не сделает вас политическим лидером, если страстное служение не будет ответственным. Ответственность — «путеводная звезда» лидерства. Но решающее психологическое качество,

благодаря которому и соединяются воедино страсть и ответственность, — это глазомер.

Вебер утверждал, что глазомер лидера — это «способность с внутренней собранностью и спокойствием поддаться воздействию реальностей, иными словами, требуется дистанция по отношению к вещам и людям».

Отсутствие дистанции — один из смертных грехов политика, ибо проблема в том и состоит, чтобы «втиснуть» в одну и ту же душу и жаркую страсть, и холодный глазомер. М. Вебер писал: «Политика есть мощное бурение твердых пластов, проводимое одновременно со страстью и холодным глазомером. Лишь тот, кто уверен, что он не дрогнет, если, с его точки зрения, мир окажется слишком глупым, или слишком подлым для того, что он хочет ему предложить; лишь тот, кто вопреки всему способен сказать "и все-таки!", — лишь тот имеет профессиональное призвание к политике».

Можно заниматься политикой, т.е. стремиться влиять на распределение власти между политическими образованиями и внутри их, как в качестве политика «по случаю», так и в качестве политика, для которого это побочная или основная профессия, точно так же как и при хозяйственной деятельности. Политиками «по случаю» являемся все мы, когда опускаем свой избирательный бюллетень или совершаем сходное волеизъявление, например, рукоплещем или протестуем на политическом собрании, произносим политическую речь. У многих людей подобными действиями и ограничивается их участие в политике. Политиками «по совместительству» являются в наши дни, например, все те доверенные лица и правление партийно-политических союзов, которые — по общему правилу — занимаются этой деятельностью лишь в случае необходимости и для которых она не становится первостепенным делом жизни ни в материальном, ни в духовном отношении.

М. Вебер подчеркивал, что есть два способа сделать из политики свою профессию: либо жить для политики, либо жить за счет политики и политикой. Данная противоположность отнюдь не исключительная.

Напротив, обычно, по меньшей мере, духовно, но чаще всего и материально, делают то и другое: тот, кто живет для политики, в каком-то внутреннем смысле творит «свою жизнь из этого» — либо он открыто наслаждается обладанием властью, которую осуществляет, либо черпает свое внутреннее равновесие и чувство собственного достоинства из сознания того, что служит делу, и тем самым придает смысл своей жизни.

3. Политическая элита

Разделение общества на управляющих и управляемых характеризует все этапы политической истории. Уже античные философы, Платон и Аристотель, говорили о правлении *лучших* – аристократии. Аристотель писал: “Сущность аристократического строя заключается, по-видимому, в том, что при нем почетные права распределяются в соответствии с добродетелью, ведь основой аристократии является добродетель...”

Великий оратор древности Цицерон со свойственным ему красноречием нарисовал во многом идеальный образ античной аристократии. В его трудах можно найти наиболее полную характеристику класса управляющих – “благородных мужей” Античности.

Античные философы были убеждены: природа наделила лучших людей столь высоким стремлением поступать доблестно и столь великой склонностью служить общему благу, что сила эта одержала верх над всеми соблазнами наслаждений и досуга аристократии.

Что же такое элита и каковы ее основные черты?

Ни в период Античности, ни в эпоху Средневековья понятия элиты не существовало: использовался термин “*аристократия*”, под которым понималось благородство происхождения, старинная доблесть и богатство. И только в XIX столетии термин “элита” получает широкое распространение в общественных науках. В политическую науку это понятие ввел известный итальянский социолог Вильфредо Парето (1848-1923).

В словарях мы прочтем, что *элита* (фр. elite – избранное, лучшее, отборное, от лат. eligere – отбирать) – это группа людей, имеющих высокое положение в обществе, обладающих престижем, властью, авторитетом. Однако, согласно Парето, элита – это “класс” тех, кто имеет наиболее высокие *индексы в своей сфере деятельности*. Он исходил из того, что в каждой сфере человеческой деятельности каждому индивиду можно присвоить индекс его способностей, подобно экзаменационным оценкам (обратим внимание, что у Парето речь идет о *фактическом*, а не о потенциальном состоянии).

Таким образом, согласно Парето, можно составить класс тех, кто имеет наиболее высокие индексы в своей сфере деятельности, который он называл “избранным классом”, элитой (elite), подразумевая, что граница, отделяющая ее от остального населения, не является и не может являться точной, подобно тому как неточна граница между юностью и зрелым возрастом; впрочем, это не означает, что бесполезно рассматривать такие различия.

Итальянский социолог Гаэтано Моска (1858-1941) подходил к понятию “элита” с других позиций: он видел в ней прежде всего “политический класс”. Моска считал элиту наиболее активными в политическом отношении людьми, ориентированными на власть, организованным меньшинством общества. По его мнению, во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей: класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые она дает, в то время как второй, более многочисленный класс управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма.

В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего или “политического” класса. В любой стране, как бы то ни было, управление общественными делами находится в руках меньшинства влиятельных людей, с верховенством которых, осознанно или нет, считается большинство.

В обществе выделяются духовная, экономическая, военная, интеллектуальная и бизнес-элита. *Политическая элита* среди них отличается тем, что концентрирует в своих руках политическую власть, управляет обществом, принимая стратегически важные решения.

Как происходит отбор (рекрутирование) политической элиты в обществе?

В формировании элиты обычно выделяют три принципа отбора:

- *по крови* (аристократия рождения и ранга);
- *по принципу владения* (имущественная и денежная аристократия);
- *по достигнутому успеху* (аристократия ума и таланта).

Элиты могут быть открытыми и закрытыми – при этом имеется в виду прежде всего процесс притока в элитные ряды выходцев из других социальных слоев. Политическую элиту называют *открытой*, если доступ в ее круг открыт для представителей различных слоев общества. Эта тенденция характерна для демократических стран. Благодаря открытой элите на самый верх политической системы попадают люди способные, волевые, с высокими профессиональными качествами, что содействует укреплению политической власти в обществе. *Закрытой* элита является в том случае, когда она самовоспроизводится на основе очень узкой социальной базы. Такая тенденция характерна для государств с тоталитарными и авторитарными режимами. Застой приводит к нарастанию кризисных процессов в обществе, в результате чего замкнутая элита утрачивает возможность эффективно управлять обществом.

Однако прямой зависимости между типом политического режима и системой открытости политической элиты не существует. Вспомним

советскую историю: в 1930-е гг. СССР был тоталитарным государством, но процесс рекрутирования элиты носил открытый характер – рабоче-крестьянское происхождение особенно ценилось в среде советских комиссаров, которые гордились тем, что пришли во власть “от сохи” или “от станка”. Напротив, изучение элитобразования в США показало, что, несмотря на демократический политический режим, система рекрутирования американской политической элиты является незначительно открытой для тех, кто имеет низкий социальный статус.

Какие существуют способы и пути продвижения к вершинам политической иерархии?

Практически во всех странах мира система образования является важным каналом продвижения к вершинам политической карьеры. Например, во Франции поступление в Национальную школу администрации является гарантией успешной политической или государственной карьеры. В Великобритании так называемые публичные школы (public school) – Итон, Винчестер, Регби, Харроу – являются основными центрами подготовки политической элиты. Известно, что из стен одного только Итона вышло 18 премьер-министров! Во многих исламских странах церковь является важным институтом, влияющим на формирование карьеры политических лидеров. Религиозные лидеры исламских стран часто становятся влиятельными политиками, например, всему миру известно имя бывшего религиозного лидера Ирана аятоллы Хомейни. В странах Латинской Америки достаточно часто началом успешной политической карьеры становится служба в армии. В Бразилии, Перу, Аргентине именно военные составляют основу политической элиты общества. Работа в системе государственного управления имеет серьезное значение для начала политической карьеры в Германии, Японии и России. Для нашей страны и в дореволюционный период, и сегодня работа на государственной службе является важным рычагом вхождения в политическую элиту общества.

Какова структура современной политической элиты? Современный индийский политолог П. Шаран выделяет следующие группы в составе политической элиты:

– **высшая элита** – это люди, занимающие стратегические политические посты (в правительстве, партиях и профсоюзах). Они принимают наиболее важные политические решения;

– **средняя элита** формируется прежде всего из наиболее влиятельных выборных допущенных лиц – парламентариев, депутатов, губернаторов, мэров. Как правило, это 5% верхушки законодательной, исполнительной и судебной властей в стране;

– **административная элита** состоит из высшего слоя государственных служащих, занимающих ключевые позиции в административном аппарате.

В. Парето создал **теорию циркуляции (движения) элит**. Под *циркуляцией* он понимал процесс перехода людей из политической элиты в неэлиту и обратно. Процесс циркуляции элит имеет существенное значение для равновесия всего общества. Например, страна, всегда жившая в мире, не нуждается, чтобы в правящий класс (элиту) входило большое число военных. Но когда эта страна подвергается военному нападению, вступает в длительную войну, политическая элита испытывает потребность в притоке большого числа военных специалистов. Если этого не происходит, общество может погибнуть, так как элита не справится с управлением в условиях военных действий.

Парето был убежден, что политическая элита должна заботиться о поддержании равновесия в обществе. Правящий класс должен восстанавливаться не только численно, но, что более важно, и качественно – благодаря энергии лучших выходцев из низших классов и с помощью освобождения от наиболее деградировавших собственных слоев. Если один из этих процессов циркуляции элит прекратится, общество придет в упадок. Это мощная причина нарушения равновесия: накопление высших элементов в низших массах и, напротив, низших элементов в высших классах.

Г. Моска в книге “Правящий класс” также отмечал: главная опасность для элиты – ее стремление превратиться в наследственную, закрытую группу, что непременно ведет к ее вырождению. По утверждению Моски, идеалом является формирование элиты на основе способностей, образования и заслуг, а не богатства и родовитости. Подобной точки зрения придерживался и известный русский философ И.А. Ильин, который подчеркивал, что демократия заслуживает поддержки только тогда, когда выдвигает наверх – в политическую элиту – лучших людей: искренних патриотов, государственно мыслящих людей чести и ответственности, умных, волевых, организационно даровитых, дальновзорких и образованных.

Тема 6. Политические отношения

1. Роль и значение политических коммуникаций в современном обществе

С развитием информационных технологий принципиально изменились все средства и формы человеческого общения. Благодаря современным компьютерным и спутниковым системам связи сформировалась *глобальная информационная среда*, оказывающая сегодня решающее влияние на политическую сферу общества. Один из основоположников теории коммуникаций канадский ученый *Маршалл Маклюэн* (1911–1980) образно сравнивал глобальную информационную среду с центральной нервной системой человечества, благодаря которой все мы можем теперь реагировать на мир как на единое целое.

Действительно, информационно коммуникационные процессы стали составлять ядро современной цивилизации, а в политике информация превратилась в решающий фактор политической власти и управления. Сегодня политики пытаются наладить новые конструктивные механизмы взаимодействия между политической властью и массами, которые можно развивать в информационном обществе только с помощью информационных

технологий, играющих решающую роль в формировании общественного мнения. Ученые обращают особое внимание на ряд новых качеств **информации как политического ресурса**.

- Во-первых, в отличие от природных, трудовых и денежных ресурсов, информация не убывает по мере ее использования, поэтому ее политического влияния хватает на любую аудиторию.
- Во-вторых, информация неотчуждаема. и приобретение новой информации не уменьшает нашей способности приобрести еще столько же.
- В-третьих. информация мгновенно распространяется в пространстве, и ее одновременно могут потреблять самые разные политические акторы.

С точки зрения политической мобилизации общества информационный ресурс обладает преимуществом всеохватности и одновременности воздействия, что до информационной революции было практически неосуществимо. Однако важно подчеркнуть, что далеко не все сведения можно считать информацией. Американский политолог **К. Шеннон** подчеркивал, что **информацией** можно назвать лишь такие сообщения, которые могут способствовать разрешению человеком ситуации выбора некоторых альтернатив своего поведения. Другими словами, информацией можно признать лишь те сообщения, которые оказывают влияние на подготовку и принятие решений, при этом любой оценке сообщений предшествует их отбор. Например, из всего массива информации, специально собираемой государственными органами для принятия решений, фактически используется только 5-7%. Сегодня, по подсчетам специалистов, соотношение распространяемой и усваиваемой информации составляет 10 000 000 : 1.

Но если в вопросе о значении информации политологи достаточно единодушны, то интерпретация термина «коммуникация» вызывает дискуссии. **Коммуникацией** (от лат. *communico* - делаю общим) называют и сам акт общения, и способ установления контактов, и процесс перекодировки

вербальной сферы в невербальную и невербальной в вербальную. Во многом это связано с тем, что общую теорию коммуникаций создавали ученые самых разных отраслей гуманитарного знания. Так, лингвисты разработали семиотические модели коммуникации, где основное значение этого понятия состоит в переводе текста с языка моего «Я» на язык твоего «Ты» (Ю. Лотман).

Политологи стали активно разрабатывать теорию политических коммуникаций с середины XX в. Одни теоретики представляют политические коммуникации в широком плане, рассматривая их как «язык политики» (Д. Грабер). Другие, напротив, стараются сузить предмет исследования до особой формы информационно-коммуникационных обменов между властной элитой и массами (К. Дойч). Однако большинство современных политологов рассматривают политические коммуникации как форму осуществления массовых коммуникаций (У. Липпман, П. Лазерсфельд). В целом, *политическую коммуникативистику* можно определить как науку, изучающую формы и средства информационно-коммуникационных обменов в политике.

В число наиболее распространенных *средств массовой коммуникации* входят связи с общественностью, печать, радио, телевидение, Интернет, реклама, телефон, телеграф, кино, театр, а также митинги, манифестации, избирательные кампании и другие массовые выступления и зрелища.

Содержанием любого средства коммуникации является другое средство коммуникации: например, содержанием письма является речь, содержанием телеграфа печать, содержанием печати письменный текст.

Разработано множество *типологий политических коммуникаций*, среди которых наиболее значимыми являются деление коммуникаций на:

1. *вербальные и невербальные*, использующие языковые системы и неязыковые методы, например жесты и мимику;
2. *формальные и неформальные*, использующие официальные и неофициальные источники информации и контакты;

3. *вертикальные и горизонтальные*, использующие контакты между вышестоящими и нижестоящими политическими структурами и контакты на одном властном уровне;
4. *групповые, внутригрупповые и массовые*, характеризующие контакты между группами, внутри группы и охватывающие большие массы людей.

Современная теория коммуникаций насчитывает около ста моделей для анализа коммуникационного процесса, однако далеко не все они используются в сфере политики.

Например, согласно *кибернетической модели* (У. Уивер, К. Шеннон) обмен информацией в обществе происходит по тем же законам, что и в природе, при этом за скобками остаются собственно личностные аспекты коммуникации: внутренний мир человека, его знания и представления. Коммуникация здесь рассматривается прежде всего как движение самой информации: источник передатчик канал приемник адресат.

Эвристическое значение этой модели в политике достаточно низкое, поскольку очевидно, что индивидуальные психологические реакции во время политических контактов, способности человека усваивать и анализировать информацию играют не меньшую роль, чем само содержание информации. Значительно большим эвристическим потенциалом в политике обладают социологические и психологические модели.

В частности, *«спираль молчания»*, открытая немецким социологом Элизабет Ноэль Нойман, объясняет, каким образом средства массовой коммуникации могут манипулировать общественным мнением, предоставляя слово меньшинству вместо большинства. Согласно гипотезе Ноэль Нойман, тот, кто ощущает себя в меньшинстве, старается промолчать, не высказывая прямо свое мнение. Поэтому в тех случаях, когда средства массовой коммуникации предоставляют слово меньшинству и оно громко высказывает свое мнение, большинство как бы замолкает..

Модель «привратника», идея которой принадлежит американскому психологу Курту Левину (1890-1947), объясняет, каким образом формируется современный новостной поток. В средствах массовой коммуникации. Редакторы ведущих политических изданий и руководители крупнейших каналов коммуникаций из тысяч политических сообщений выбирают несколько наиболее важных, выступая в роли «привратника, допускающего информацию в дом». Тем самым именно они контролируют и формируют поток политических новостей. По данным современных исследователей, сегодня только 10% новостей реально используются в каналах коммуникаций.

Эта модель существенно изменила первоначальные представления о массовых коммуникациях как открытых системах и заставила более реалистично представить процесс трансляции информации.

Весьма популярна **социологическая модель** американского политолога Гарольда Лассуэлла (1902-1978), которая делает особый акцент на социальных и личностных качествах субъекта в процессе коммуникации. В рамках этой модели для объяснения коммуникационного процесса важно ответить на следующие вопросы: *Кто сообщает? С каким намерением? В какой ситуации? С какими ресурсами? Используя какую стратегию? Оказывая влияние на какую аудиторию? С каким результатом?*

Сторонники социологического подхода первоначально весьма упрощенно трактовали социальные аспекты политической коммуникации. Например, широкую известность получила **теория «волшебной пули»** Г. Лассуэлла, согласно которой если достаточно точно учесть все основные структурные моменты коммуникации, то информация, как волшебная пуля, поразит мозг реципиента, зажжет его, как «электрическую лампочку», трансформирует его идеи и таким образом будет сформирована необходимая коммуникация.

Однако сегодня политические психологи критикуют такое схематичное представление о политических коммуникациях, обращая особое внимание на

вопрос о границах информационных воздействий, о существовании не только информационного внушения (*суггестии*), но и сопротивления внушению (*контрсуггестии*) или способности человека защититься от внешних информационных влияний. Был раскрыт психологический феномен «воинственную нейтралитета, который развивается у человека в условиях информационного соперничества разных каналов СМИ, что выражается в стремлении занять позицию, равноудаленную от конкурирующих информационных каналов. При этом информационное воздействие может быть значительно ослаблено такими факторами, как образование, социокультурная и партийная идентичность, групповая солидарность.

Современные исследователи выделяют несколько основных способов защиты личности от информационных воздействий:

- 1) увеличение дистанции;
- 2) прерывание контакта;
- 3) удаление источника воздействия;
- 4) блокировка воздействия;
- 5) контроль за процессом воздействия;
- 6) игнорирование информации как средства манипуляции.

2. Средства массовой информации: печать, радио, телевидение, Интернет

В условиях динамично развивающейся информационной революции происходит закономерное возрастание влияния *средств массовой информации (СМИ)* на политический процесс. Именно СМИ сегодня формируют общественное мнение по самым важным политическим проблемам, активно участвуя в политической социализации масс.

Вместе с тем, рассматривая роль СМИ в политике, нельзя не заметить, что мы все больше переносим внимание с содержания политических сообщений на изучение того политического эффекта, которое они вызывают. Повышенное внимание к политическому эффекту, который производят СМИ,

приоритет эффекта над информацией – вот самое главное изменение, которое произошло в политике в эпоху господства массмедиа. Политический эффект изменяет всю ситуацию в целом, а не просто какую-то часть информации, вследствие этого контроль над каналами коммуникаций становится все более актуальной политической задачей, ведь именно тот, кто управляет сегодня СМИ, может реально влиять на развитие политической ситуации. Печать, радио, телевидение, Интернет являются реальными инструментами современной политики, поскольку они непрерывно ведут интенсивную обработку общественного мнения, используя эффект «включенного наблюдения»

СМИ – это совокупность множества каналов распространения информации, направленных к самой широкой общественности, социальным группам и государствам с целью оперативного информирования их относительно событий и явлений в современном мире и конкретных странах.

Таким образом, СМИ представляют собой **информационную систему**, состоящую из множества элементов с различными формами, методами и уровнями организации в странах, регионах, в мире в целом. Важнейшей отличительной чертой СМИ является публичность, поскольку они рассчитаны на неограниченный круг пользователей и их аудитории меняются в зависимости от интереса общественности к той или иной статье или передаче.

Сегодня принято выделять четыре подсистемы СМИ: печать, радио, телевидение и Интернет, каждая из которых состоит из огромного числа каналов – отдельных газет, журналов, альманахов, книжной продукции, программ радио и телевидения, а также сайтов Интернета.

- **Печать** – газеты, еженедельники, журналы, альманахи, книги является старейшим из институтов СМИ. Печатная продукция содержит информацию преимущественно в виде буквенного текста, а также в форме фотографий, рисунков, плакатов, схем или графиков, которые воспринимаются читателем самостоятельно, без помощи вспомога-

тельных технических средств. Печатная продукция имеет качество портативности и доступности, которого так не достает любой рукописи или телевизионной передаче, именно поэтому возникает самый широкий спектр возможностей индивидуальной работы с печатным текстом: общий обзор, просмотр, выборочное ознакомление, подробное чтение и т.п. И что весьма важно при чтении у каждого есть возможность самостоятельно анализировать информацию.

Характерной особенностью печати является *создание образа «повторяемой точности»*, что способно разносить политические новости по всему миру, воспроизводя человеческий диалог поистине в планетарном масштабе, порой перебрасывая мосты между целыми эпохами, ведь именно печать является важным хранилищем информации. По словам М. Маклюэна, благодаря печати человек получил возможность «громко и дерзновенно высказаться перед всем миром: дерзновенность книгопечатания создала дерзновенность самовыражения. Действительно, печатное слово значительно расширило власть политических лидеров, поскольку письменные распоряжения стали новой массовой технологией политической власти, способной достичь самых отдаленных уголков империй. Однако самым важным даром печати ученые считают дар отстраненности и непричастности, что в социально-политическом плане при несло с собой национализм, индустриализм и всеобщую грамотность. Если устное слово способно драматически захватить всего человека волной эмоций, то письменный текст «холоден и развивает психологическую *отстраненность и индивидуализм*. Как отмечал известный английский историк Арнольд Тойнби (1889-1975), именно письменное слово стало технологией создания «цивилизованного человека, благоговеющего перед письменным правовым кодексом.

Современная пресса управляет массовым сознанием с помощью тщательно спланированных «утечек информации. Но и помимо этих специальных технологий пресса может придавать политическим событиям разное значение, просто активно используя их или игнорируя. М. Маклюэн

метко называл прессу «групповой исповедальной формой, которая обеспечивает общественное участие, поскольку пресса создает эффект тайной политической истории уже самой своей формой, независимо от содержания. Между тем современные политологи отмечают один важный недостаток печатных СМИ по сравнению с электронными: пресса проигрывает в оперативности информирования, поскольку невозможно избежать значительного разрыва во времени между подготовкой номера, печатанием тиража, доставкой и получением его читателями. Однако этот недостаток современная пресса стремится компенсировать с помощью сенсационности основных своих сообщений, что особенно важно в сфере политического пиара. Журналистский фольклор гласит: «Настоящие новости это плохие новости, поэтому политические новости, чтобы стать сенсационными, должны быть приправлены скандальным душком «негатива. Современное выражение «делать новости достаточно точно обнажает двойной смысл работы прессы: то, что попадает на страницы печати, не только является новостью, но и создает мир новостей. Как иронизировал М. Маклюэн, пресса это ежедневное воздействие и «ежедневная фикция, т.е. целиком сконструированная вещь.

- Важным средством массовой коммуникации является *радиовещание*, в котором носителем информации выступает звук, благодаря чему можно мгновенно передавать информацию на большие расстояния. В политике оперативность радиовещания активно используется в тех случаях, когда необходима трансляция сообщения практически в момент свершения важного политического события. В большинстве случаев радио воздействует на человека приватно, с глазу на глаз, что создает иллюзию интимного диалога в темной комнате, поскольку лица говорящего собеседника не видно, а в темноте все сказанное приобретает особый, почти мистический смысл. Психологи отмечают высокую способность радио создавать глубинное вовлечение человека в мир транслируемой информации, чему немало способствуют сводки погоды, сигналы точного

времени, создающие иллюзию объективности, а простое повторение политических комментариев, исключение из обсуждения альтернативных точек зрения создают эффект запоминания нужных сообщений без усилий со стороны слушателей. Нельзя не отметить также, что в мире автолюбителей радио особенно популярно, а это весьма значительный процент современного городского населения.

Политологи весьма ценят одну особенность радио – звук не подкреплён видеорядом и это позволяет слушателям проявить свои способности «фантазирования мысленного политического образа, что при прослушивании политических передач весьма важно: каждый имеет возможность составить «свой образ политика или политического события. Антропологи считают, что радио обладает почти магическим воздействием в племенных обществах: радиоволны заряжены резонирующими отзвуками племенных горнов и барабанов, что будит глубинные архаические силы давно забытого прошлого. Современники Гитлера в своих воспоминаниях не раз подчеркивали, что взлет его популярности напрямую был связан с радио, которое усиливает эффект публичных выступлений. Являясь «горячим средством коммуникации, радио выгодно подчеркивает «горячие» политические фигуры и «горячие» политические новости.

Нельзя не отметить и некоторые негативные свойства радио: оно достаточно принудительно, поскольку его можно слушать лишь в эфирном времени, практически невозможно отложить прослушивание на удобный час. Поэтому для политических передач важно правильно определить время трансляции, когда аудитория слушателей будет максимальной.

- Самым популярным сегодня средством массовой информации по праву считается *телевидение*, которое во многом объединило возможности радио и кино. Подобно радио телевидение имеет возможность трансляции радиоволн на далекие расстояния; здесь также возможна организация оперативных передач с места политических событий, что создает весьма важный для политики «эффект присутствия, при этом в органическом

единстве находятся звуковой и видеоряд. Политологи весьма ценят эмоциональность телевизионных передач, способность создать иллюзию максимальной объективности и зрелищности в передачах «с места сообщения», что особенно важно при трансляции политических новостей, создающих информационную повестку дня.

Вместе с тем политикам необходимо помнить, что отнюдь не случайно с самого начала возникновения телевидения специалисты стали называть его «застенчивым гигантом из-за неспособности работать с «горячими политическими вопросами и острыми политическими фигурами: приближающаяся камера телеоператора делает их карикатурными. Например, утрированные жесты и мимика В. В. Жириновского на трибуне политического митинга «заводят толпу», а на телеэкране все это выглядит как кривляние клоуна.

Современные имиджмейкеры подчеркивают, что успех политика на телевидении во многом зависит от его умения достичь ненавязчивого политического стиля своего выступления. Они обращают особое внимание на то, чтобы речь выступающего перед телекамерой политика не была *резонирующей*, т.е. с подчеркнутой четкостью, необходимой, например, на подмостках театральной сцены или митинга. Выступая перед телекамерой, политик не должен напрягать свой голос и демонстрировать свой политический имидж, ибо в силу особой вовлеченности зрителя в «довершение» телевизионного образа требуется создание атмосферы ненавязчивой, почти интимной встречи. Не каждому под силу такое перевоплощение перед камерой, поскольку харизматические политические лидеры привыкли как раз демонстрировать свою харизму. Как тонко заметил М. Маклюэн, телевизионный образ бросает ценностям политической славы такой же решительный вызов, как и ценностям потребительских благ.

Однако бывают и яркие исключения. Американский журналист Тэд Шульц, много лет проработавший в Латинской Америке, объясняет феноменальный успех кубинского лидера Фиделя Кастро, яркого

харизматика, его успешными шоу на телевидении, проводимыми в импровизационной манере «вот-иду-я-как-то-раз», что заставляет аудиторию переживать иллюзию прямого вовлечения в процесс принятия политических решений.

Таким образом, телевидение максимально эффективно в политике при представлении политических событий и Процессов, тогда как при презентации политиков оно весьма амбивалентно. Телевидение имеет тот же недостаток некоторой «принудительности телепрограмм, который мы отмечали у радиовещания, невозможность для зрителя изменить время просмотра передач. Но самый главный политический «секрет» телевидения состоит в том, что, глубоко увлекая аудиторию, оно при этом не возбуждает, не агитирует и не воодушевляет, а создает эффект оцепенения, несколько похожий на массовый гипноз. Именно поэтому основные политические новости сегодня предпочитают показывать по телевидению, а не обсуждать по радио или в прессе.

Самым современным каналом СМИ является *Интернет*, который политологи сразу же назвали «новой средой обитания (М. Коул). Интернет-пространство стало важным атрибутом современного поля политики: здесь происходит обсуждение идей, кипят дискуссии, идет согласование интересов, поиск компромиссов. Сегодня достаточно активно развивается *сетевая журналистика*: в 2006 г. в России было зарегистрировано уже около тысячи периодических сетевых СМИ. Среди них «Газета.Ru»- первая в России ежедневная интернетгазета, «Страна.Ru»- информационная служба, объединяющая функции ежедневной газеты, аналитического журнала и информационного агентства.

Политологи обращают особое внимание на то, что политическая управляемость СМИ спускается от телевидения к прессе, радио и Интернету в убывающем порядке, поэтому современная молодежная аудитория отдает предпочтение именно последнему. К числу позитивных сторон Интернета относят также создание информационных баз и библиотек, возможность

общения поистине в планетарном масштабе, оперативное получение информации. Помимо этого, сетевые СМИ обладают рядом преимуществ перед традиционными: они более оперативны во времени, географически доступны, обладают эффективной обратной связью, возможностями частого обновления информации, использования гипертекста.

Нельзя не отметить, что в последнее время большинство политических новостей в Интернете распространяется официальными источниками, а новая информация имеет более операциональный и структурированный вид. Однако есть и обратная сторона «медали: благодаря Интернету в политическом пространстве получили возможность заявить о себе не только силы конструктивной политической оппозиции, но и различные сектанты, политические радикалы и террористы. Достаточно часто информация, которая поступает в Интернет, никем не проверяется, публикуются ложные сведения, непроверенные факты, поэтому доверие к Интернету как источнику информации невысокое. Политологи отмечают, что в целом лишь 32% россиян находятся в зоне влияния Интернета.

Таким образом, средства массовой информации выступают влиятельным политическим институтом современного общества, важнейшей задачей которого является непрерывное транслирование политической информации и формирование общественного мнения по наиболее важным политическим проблемам. В сфере политики СМИ выполняют целый ряд важных функций:

1. *информационно-коммуникативную* - распространение политической информации, налаживание контактов, общение;
2. *политико-аксиологическую* - распространение политических ценностей и норм;
3. непосредственно *орюнизаторскую* - организация политической активности масс;
4. *мировоззренческую*, связанную со стремлением оказать глубокое влияние на мировоззренческие ориентации аудитории, самосознание людей, включая мотивацию политического поведения;

5. *лоббистскую* - представительство интересов различных групп влияния;
6. *критическую* - критика правительства и официальных политических институтов власти;
7. *манипулятивную* - политические манипуляции, направленные на изменение общественного мнения.

Известный российский политолог С. г. Кара-Мурза отмечает, что в современном обществе силовое принуждение все чаще заменяется информационным воздействием и психологическим принуждением. Во многом благодаря своей биологической природе человек подвержен внушению и подражательности. Современные СМИ используют методы подсознательного воздействия, активно распространяя в печати и эфире определенные политические стереотипы, что позволяет формировать отношение общества к политическим событиям. Стереотипные представления внедряются в поток новостей, автоматически вызывая в массовом сознании либо отрицательную, либо положительную реакцию на конкретное политическое событие, что иногда помогает прессе создать вполне устойчивое отношение к данному явлению. С помощью информационных технологий формируется общественное мнение особое состояние Массового сознания, содержащее в себе скрытое или явное отношение различных социальных групп к наиболее значимым политическим проблемам и событиям общественной жизни.

Таким образом, современные СМИ являются действительно многогранным политическим феноменом, формирующим определенные политические взгляды людей, внедряющим в общественное сознание политические установки, стереотипы, побуждающим массы к определенным политическим действиям, стремящимся оказать влияние на процесс принятия ключевых политических решений, воздействующим на общественное мнение.

3. Информационные войны в политической борьбе

Одним из первых в открытой печати о феномене *информационных войн* в далекие 1960е г. написал Маршалл Маклюэн. Уже Тогда было понятно, что «холодная война ведется с помощью информационных технологий, ибо во все времена войны велись с помощью самой передовой технологии, которой располагает человеческая культура. Новые информационные технологии, если их рассматривать как оружие, способны обернуться для человечества тотальной катастрофой, поскольку как инструмент политики информационная война означает существование одного общества ценой исключения другого. Сегодня хорошо известны полные ненависти слова А. Даллеса, руководившего американской разведкой после Второй мировой войны: «Мы бросим все, что имеем все золото, всю материальную мощь на оболванивание и одурачивание людей... Посеяв хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти ценности верить... Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокоренного народа, окончательного угасания его самосознания.»

При этом интеллектуальная драма информационного общества состоит в том, что власть в нем внезапно оказалась в руках самих интеллектуалов. Долгое время отлученные от власти и еще со времен Вольтера находившиеся в оппозиции, они теперь оказались призванными на службу в высшие эшелоны власти, в центры принятия решений. «Их великая измена была в том, что они отдали без боя свою автономию и стали лакеями власти, как, например, атомный физик, оказавшийся в настоящее время в услужении у военных диктаторов»-, писал Маклюэн. Он надеялся, что скорость электричества, собрав воедино все социальные и политические функции в средствах массовой информации, беспрецедентно повысит осознание человеком своей ответственности. Но как наивно звучат сегодня его слова о том, что благодаря электронным СМИ мы будем вынуждены «глубоко участвовать в последствиях каждого своего действия и лишимся способности

действовать ни на что не реагируя! В этой гуманистической установке Маклюэна можно найти глубокую веру в высшую гармонию всего бытия, которая еще была присуща интеллектуалам прошлого столетия. К сожалению, спустя всего полвека, очевидно: каждое изобретение нового оружия становится для общества очередной катастрофой, и прав был не Маклюэн, а Тойнби, который рассматривал войну как процесс достижения равновесия между неравными технологиями, что ведет цивилизации к милитаризму и обычно заканчивается их крахом.

В новом столетии геополитики стали давать очень узкую интерпретацию понятию «информационная война. Весьма показательно, например, определение информационного противоборства, которое дает Л. г. Ивашов: «Информационное противоборство как форма геополитического противоборства есть совокупность отношений информационной защиты и информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов. Между тем в эпоху глобализации информационное противоборство в геополитике при обретает значительно более широкий контекст, выходя за рамки информационного соперничества противостоящих геополитических субъектов, поскольку битва идет за умы и сердца большинства человечества. Этот *глобальный контекст информационных войн* как войн гражданских был раскрыт Элвином Тоффлером в его «Метаморфозах власти» (1990). Он подчеркивал: информационные войны бушуют в наших душах, ведь речь идет о том, как люди думают и как принимают решения, какова система знаний и представлений, и воображение при этом является столь же важным фактором, как и информация вообще. Поэтому, на наш взгляд, более точное определение современной информационной войны можно дать в предельно широком плане.

Таким образом, *информационная война* - это планомерное информационное воздействие на всю инфокоммуникационную систему противника и нейтральные государства, с целью формирования благоприятной глобальной информационной среды для про ведения любых

политических и геополитических операций, обеспечивающих максимальный контроль над пространством.

Определение информационной войны как *войны гражданской* вполне правомерно, поскольку информационные технологии «хозяйничают у нас дома, заставляя каждого быть повышенно восприимчивым к одним идеям, чтобы оставаться глухим, слепым и бесчувственным к другим. Задача состоит в том, чтобы подорвать цели, взгляды и мировоззрение людей, изнутри разрушая социум. И самая большая опасность заключается в том, что «информационный враг» совершенно невидим и абсолютно неизвестен.

Современные теоретики информационной войны по аналогии с методом гипноза предлагают такую концептуальную *схему информационного противоборства*:

1) *расслабить общество* внушать через СМИ, что врагов больше нет и не будет, и для отвлечения обсуждать отдельные исторические периоды, интересы отдельных малых народностей (цель: общество как целое должно исчезнуть в качестве объекта сознания);

2) *заставить общество слушать только противника*, например, через пропаганду его образа жизни, исключив опыт любых других стран и народов;

3) *заставить общество не размышлять над тем, что говорит противник*, а для этого исключить из СМИ серьезные аналитические передачи, сделав акцент на ярких развлекательных шоу;

4) *сосредоточить внимание общественности на каком-то отдельном предмете, помимо направленного манипуляционного потока*, например на терроризме, чтобы подсистема защиты, ответственная за обработку информации, не выполняла свою функцию и как бы «расстраивалась»;

5) *постоянно внушать, что само общество становится все лучше и лучше*, чтобы снизить способность людей к критическому анализу.

Цель подобных манипуляций – создание пассивного состояния общественного сознания, при котором сохраняется возможность зависимости от информационного воздействия противника.

Весьма распространено мнение, что в войне победит тот, у кого лучше окажутся программисты. Однако в информационной войне, которая ведется за умы и сердца людей, технические средства при всей их показной и возрастающей мощи всё-таки являются средством, а не целью. Чем больше информационная система рассредоточивается в мире, разбрасывая свои сети, тем более она становится уязвимой технически в любой точке этой сети. Известен случай с вирусом «I love you», который облетел весь мир, опустошив целые сети, его запустил никому прежде не известный хакер-филиппинец со своего персонального компьютера.

Но не технический коллапс является целью информационных войн, их цель – глобальный контроль над пространством путем контроля над умами людей. Легитимность любой власти, в том числе и информационной, это проблема добровольного принятия этой власти большинством. Напомним, что средство информации есть, прежде всего, сообщение, поэтому в век информации власть слова снова обрела поистине библейское значение.

Фромм обратил внимание на канал *«перегрева западных СМИ»*, который неминуемо ведет к саморазрушению западного общества, как это когда-то произошло с СССР. Критикуя западный проект научнотехнической революции, он отметил, что логика информационного общества ведет к доминированию «моноцеребрального человека, т.е. человека одного измерения, и сегодня это измерение виртуальное. «Моноцеребральный кибернетический человек решает проблему экзистенциальных потребностей принципиально по-другому: он вступает в отношения исключительно с самим собой и с неодушевленными предметами потребления, проявляя крайний нарциссизм. В результате он сам для себя становится целым миром и любит целый мир в себе самом: общество его больше не интересует. Между тем, современная психология доказала, что нарциссизм как психологическая установка весьма опасен: в экстремальном варианте он ведет к деструктивному желанию уничтожить всех остальных людей. Как верно подметил Фромм, «если никто кроме меня не существует, то нечего

бояться других и мне не нужно вступать с ними в отношения. Разрушая мир, я спасаюсь от угрозы быть уничтоженным».

Тема 7. Политические институты

1. Тайна происхождения государства

Современному человеку трудно представить себе организацию общественной жизни без государства и его политических институтов. Именно здесь концентрируется вся мощь политической власти. Однако из истории мы знаем, что на заре цивилизации общество как специфически человеческая общность предшествовало государству. Примитивные охотничьи орды зачастую имели единственного лидера – вождя, который решал все проблемы. В эпоху возникновения племен появился совет старейшин, где обсуждались важнейшие дела и разрешались споры. В этот период традиции, нормы и обычаи вполне эффективно регулировали отношения между людьми, скрепляя человеческие сообщества, делая их способными к совместной деятельности.

Государство возникло не сразу: оно явилось продуктом длительного исторического развития. Античные философы рассматривали возникновение государства как *естественный процесс* усложнения форм общежития людей. Аристотель одним из первых предложил такую гипотезу: вначале люди объединились в семьи, затем несколько семей образовали селение, а на завершающей стадии этого процесса возникло государство как *форма общежития граждан, использующих политическое устройство и подчиняющихся власти закона*. Аристотель писал: “Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо”. В Средние века процесс возникновения государства стали рассматривать в рамках религиозного мировоззрения как учреждение института земной власти, установленной Богом. Современный католицизм считает своим официальным учением о государстве взгляды Фомы Аквинского (1225-1274),

который призывал людей к повиновению государственной власти, связанной божественными законами. С религиозными (теократическими) концепциями тесно связаны *этические теории*, рассматривающие государство в виде воплощения моральной идеи, всеобщего закона. Государство, по Гегелю, представляет собой высшую ступень в развитии мирового духа, которая означает восстановление единства, нарушенного в гражданском обществе борьбой индивидов и групп. В Новое время широкое распространение получила *договорная теория* происхождения государства (Ж.Ж. Руссо, Т. Гоббс), согласно которой люди, пребывавшие первоначально в естественном (догосударственном) состоянии, решили сознательно создать государство (заключить договор), чтобы надежно обеспечить для всех основные права и свободы. На реалистический подход в объяснении государственной власти претендует и *теория завоевания* (Л. Гумплович, Ф. Оппенгеймер), описывающая процесс возникновения классов и государств как результат завоевания одного племени другим. *Марксистская теория* рассматривает государство как политическую организацию экономически господствующего класса для подавления сопротивления его классовых противников. Согласно этой теории государство возникло на определенном уровне развития производительных сил, когда общественное разделение труда привело к возникновению частной собственности, имущественного неравенства людей и расколу общества на антагонистические классы. Некоторые теоретики пытаются объяснить происхождение и существование государства *психологическими факторами*, подчеркивая, что выдающиеся личности являются творцами государства благодаря гипнотическому влиянию на ищущую чужого руководства толпу (М. Ковалевский, Ж. Бюрдо).

В современной политической науке в целом возобладала *синтетическая точка зрения*, учитывающая в процессе возникновения государства социально-экономические, религиозные, моральные, военные и психологические факторы. Наиболее важной

причиной возникновения государства считается *развитие хозяйственной деятельности* человека. Повышение производительности труда постепенно привело к появлению избыточного продукта, что способствовало имущественному расслоению людей. Для того чтобы закрепить свои имущественные привилегии, людям понадобились нормы, правила и структуры, регулирующие и охраняющие отношения собственности. Для защиты территориального и имущественного достояния всего племени потребовались профессиональные вооруженные отряды. Дальнейшее развитие хозяйственной деятельности привело к необходимости проведения крупных общественных работ – строительных, ирригационных. Для эффективной мобилизации материальных и человеческих сил также понадобилось усиление институтов власти и управления. Так возникли первые институты политического управления, опиравшиеся на силу оружия и поставленные над обществом.

В некоторых странах процесс возникновения государства ускорили дополнительные факторы: *этнические конфликты и завоевания*. Постоянные вооруженные конфликты и столкновения этнически разнородных племен, как правило, приводили к тому, что в ходе завоеваний победившие племена стремились превратить побежденных (принадлежавших иным этносам) в своих рабов. История свидетельствует, что рабовладельческие государства возникали прежде всего там, где существовал постоянный приток иноязычных пленников, которых необходимо было держать в подчинении.

Еще одним важным стимулом для образования государств у многих европейских народов стало их *знакомство с античными государствами* Древнего Рима и Древней Греции. Во все европейские языки из латыни пришли такие понятия, как “империя”, “император”, “царь”, “август”.

История показала, что форма государств, характер их деятельности, средства и методы управления зависят от общего уровня развития

человеческого сообщества, от сложившейся в данном социуме политической культуры, преобладающих религиозно-философских воззрений, потребностей экономического развития и многих других факторов.

Государство – это политическая целостность, созданная национальной или многонациональной общностью людей на определенной территории, где с помощью политической элиты, монополизирующей власть, поддерживается юридический порядок, включая законное право на применение насилия. **Признаками государства** являются:

1) **публичная власть**, располагающая специальным аппаратом управления и принуждения (армия, полиция, суд);

2) **территория**, на которую распространяется юрисдикция данного государства (право производить суд);

3) **система права** – совокупность обязательных норм, соблюдение которых обеспечивается органами власти.

Государственная власть носит **универсальный характер**, поскольку она распространяется на всех граждан данного государства, все его организации и учреждения.

Государственный суверенитет предполагает полную независимость во внутренних делах и внешних сношениях, т.е. над властью государства, признаваемой суверенной, не стоит никакая иная власть, способная подчинить его себе или воспрепятствовать ему в реализации его воли. В международной сфере суверенитет государства выражается в его праве самостоятельно, независимо от других государств решать все свои внутренние вопросы и вступать в международные соглашения. Уважение суверенитета является **основным принципом международного права**, закрепленным Уставом ООН.

Государство выполняет целый ряд важных **внутренних и внешних функций** (задач).

Главной внутренней функцией является **достижение социально-политической стабильности, служение общему благу**. Государство

стремится выступать в качестве главного арбитра при столкновении политических интересов, не допускать обострения социальных конфликтов и разрешать их мирными средствами. Помимо этого оно обеспечивает внутренние функции:

1) *экономические*, выступая главным координатором и регулятором экономических процессов;

2) *социальные*, обеспечивая систему социального страхования, общественных компенсаций, социальной опеки, развитие здравоохранения;

3) *культурно-образовательные*, выступая основным гарантом сохранения и преумножения национальной науки и культуры, развития системы народного образования;

4) *экологические*, отвечая за охрану окружающей среды на своей территории.

– Внешние функции государства направлены на реализацию его интересов и целей на международной арене. Основными из них являются:

1) обеспечение национальной безопасности;

2) отстаивание государственных интересов в международных отношениях;

3) развитие взаимовыгодного сотрудничества;

4) участие в решении глобальных проблем.

2. Проблема взаимодействия государства и гражданского общества

Проблема взаимодействия государства и гражданского общества является одной из самых важных в политическом процессе: от того, насколько эффективно она решена, зависят общественное согласие, стабильность и порядок в обществе. Известный русский политический философ П.И. Новгородцев (1866-1924) очень точно обозначил сущность этой проблемы: “Нужно, чтобы все поняли, что не механические какие-либо выборы и не какие-либо внешние формы власти выведут наш народ из величайшей бездны его падения, а лишь новый поворот общественного

сознания... Должен образоваться крепкий духовный стержень жизни, на котором все будет держаться, как на органической своей основе.” Речь идет о крепком духовном стержне *гражданской жизни*, т.е. жизни гражданского общества. Развитие демократических начал государственной власти невозможно без высокого уровня гражданского сознания каждого человека, без уважения каждым прав и свобод всех членов общества.

Гражданское общество – это совокупность неполитических отношений граждан и их ассоциаций, основанная на принципах **самостоятельности, неподопечности** и **автономии** по отношению к государству. При этом под неполитическими понимаются отношения экономические, духовно-нравственные, религиозные, культурные и иные, если они не связаны прямо и непосредственно с политической сферой общества. Гражданское общество имеет достаточно сложную структуру: оно состоит из семьи, церкви, независимых средств массовой информации, муниципальных коммун, ассоциаций избирателей, общественных клубов, научных и культурных организаций, спортивных обществ, союзов предпринимателей, разнообразных профессиональных союзов, ассоциаций потребителей, благотворительных фондов, общественных организаций и движений.

В основе всякого, даже самого утилитарного общения между людьми (например, в “холодных” договорных отношениях) лежит **первичное внутреннее единство людей**, начало непосредственного доверия и уважения человека к человеку, сознание внутренней близости, коренящееся в первичном единстве гражданского общества – в единстве “мы”. Русский политический философ С.Л. Франк (1877-1950) подчеркивал особое значение **солидарности** в формировании и развитии гражданского общества. Он был убежден: из начала солидарности, вытекающего из онтологического единства “мы”, следует, что общественная связь слагается из малых союзов и объединений, где единство целого непосредственно зиждется на живой близости между конкретными людьми, на живом отношении человека к человеку. Отсюда становится понятным фундаментальное значение семьи

как ячейки общества, основанной на интимной близости ее членов; отсюда же вытекает значение всех вообще малых союзов, основанных на соседстве, общности труда и профессиональных интересов. И самое главное, становится очевидным, что государственное единство более всего утверждается через интимное сознание местных областных единств, через любовь к своеобразию родного города или родной области, через привязанность к местным обычаям, песням, диалекту. Франк писал: “Близость человека к человеку, взаимное “знакомство” и непосредственное уважение друг к другу и вообще непосредственное ощущение членов общества как живых людей, наличие “человеческих” токов в обществе есть некий живительный сок, присутствие которого одно только гарантирует подлинно устойчивое и прочное единство общественного бытия.”

Ученые полагают, что первым историческим типом гражданского общества была община. Затем, с появлением социальных групп и классов, гражданское общество приняло сословно-классовую структуру. Интересно, что в период Античности *полития* – демократия древних – не знала различий между гражданским обществом и государством. “Человек политический” в эпоху Античности был человеком, решающим все общественные дела в духе коллективной демократии участия. Это была модель *прямой* демократии, которая значительно отличается от современной *представительной* демократии.

Современное гражданское общество в демократическом государстве представляет собой совокупность всех граждан страны и их самостоятельных организаций, причем *самостоятельный* образ жизни и *политический* образ жизни во многом разведены. В политическом отношении все граждане признаются равными, но это равенство не затрагивает их содержательные повседневные политические роли, а касается только права раз в несколько лет прийти к избирательным урнам и делегировать свою волю депутатам. “Потребительское искушение” представительной демократии позволяет большинству вести частный, общественно-пассивный образ жизни: после

работы многие предпочитают сидеть у телевизора или в компании друзей, что стало своеобразной привычкой и даже ценностью современного потребительского общества. Вместе с тем нельзя не признать, что гражданин, в повседневности слагающий с себя дела и заботы гражданства и наслаждающийся своим неучастием, тем самым подрывает самые основы демократии как политического института. Не случайно настоящей политической проблемой так называемых “развитых демократий” стал чрезвычайно низкий процент избирателей, приходящих голосовать на выборах (в среднем 53% от общего числа жителей). При этом сегодня очевидно: многие люди ценят свое право не участвовать в политических решениях не меньше, чем другие право участвовать. **Поэтому главный вопрос современной демократии** – это вопрос о реформировании гражданского общества в духе подлинной социальной самодеятельности и демократии участия. Только тогда, когда индивид освободится от примитивного индивидуализма и избрет для себя статус социализированного индивида – носителя творческой демократии участия, судьба демократии будет вне опасности.

Экономические, политические и духовные основы современного демократического гражданского общества тесно взаимосвязаны. К числу **экономических принципов** относятся многоукладная экономика, разнообразные формы собственности, регулируемые рыночные отношения. **Политические основы** гражданского общества обеспечивает **демократический политический режим** – разделение властей, децентрализация властных полномочий, политический плюрализм, доступ граждан к участию в общественных делах, верховенство закона и равенство всех перед законом. **Духовные основы** гражданского общества включают в себя свободу совести (т.е. право исповедовать любую религию или не исповедовать никакой), отсутствие монополии одной идеологии, цивилизованность, высокую духовность и нравственность.

Таким образом, гражданское общество формируют и развивают сами граждане, участвуя в решении проблем местного самоуправления и в профессиональной деятельности, где они создают свои организации, клубы и ассоциации. Все мы являемся членами гражданского общества: как члены семьи или студенты университета, члены спортивных обществ или общественных организаций. Атмосфера гражданского общества – это атмосфера нашей повседневной гражданской жизни, в которой мы вольно или невольно принимаем участие. И поскольку на повседневную жизнь людей особенно ярко накладывают свой отпечаток национальные и культурные традиции и обычаи, религиозные верования и исторические особенности, то формы гражданского общества в разных цивилизациях достаточно сильно отличаются друг от друга.

Русский философ А.И. Герцен (1812-1870) справедливо заметил: “Кто в мире осмелится сказать, что есть какое-нибудь устройство, которое удовлетворило бы одинаковым образом ирокезов и ирландцев, арабов и мадьяр, кафров и славян?” Между тем в современной политологии долгое время существовало убеждение, что западная модель гражданского общества, основанная на индивидуализме и “морали успеха”, одинаково годится для всех народов. Сегодня под влиянием сравнительных исследований политологов в разных странах мира эта европоцентристская точка зрения уже практически изжита. Основной принцип западного гражданского общества “не человек для общества, а общество для человека” справедливо критикуется за агрессивный антропоцентризм, невнимание к коллективным ценностям.

Гражданское общество призвано утверждать не только индивидуальные интересы, но и открывать способы достижения их баланса. И в этом смысле оно, несомненно, есть и процедура открытия коллективных интересов нации как единого организма. Но в индивидуалистической парадигме гражданского общества такому видению *единого* нет места, поскольку единое здесь понимается как видимость, скрывающая мозаичную множественность.

Современная политическая наука призывает строить гражданское общество не только на основе защиты индивидуальных интересов каждого отдельного человека, но и на основе *защиты общего блага* – коллективных ценностей, без которых ни одно общество не в состоянии развиваться гуманно и гармонично.

Еще один серьезный изъян западной модели гражданского общества как совокупности автономных лиц, руководствующихся “моралью успеха” и не признающих никаких иных отношений, кроме эквивалентного “обмена благами”, обнаруживается в свете заповедей великих мировых религий. В рамках отношений эквивалентного обмена нам нечего предложить социально незащищенным, “нищим духом” – они требуют нашей бескорыстной заботы и внимания. На основе индивидуализма и “морали успеха” невозможно обеспечить систему общего блага для детей, стариков, пенсионеров, инвалидов, больных. Поэтому коллективистская модель гражданского общества, которая развивалась в России на протяжении ее многовековой истории под влиянием православия, является более гуманной и вполне совместимой с идеалами современного демократического общества. Православная *этикоцентристская традиция* гражданского общества как совокупности людей, связанных общими ценностями сотрудничества и солидарности, на первый план в обществе выводит не “холодные” отношения обмена, а “теплые” отношения соучастия, выстраивает этические (а не экономические) приоритеты, которые защищают личность и права каждого человека гораздо более полно. И если экономико-центристское гражданское общество рождает массового потребителя и примитивную массовую культуру, то этикоцентристская модель способна совершенствовать человеческие отношения, развивать культурную традицию, апеллируя к высоким ценностным идеалам.

В заключении перечислим основные условия формирования гражданского общества в современной России.

1. *Развитие духовной жизни общества*: раскрепощение сознания человека, укрепление чувства личного достоинства, веры в свои силы и возможности, преодоление пассивности в решении общественно-политических вопросов, активизация способности и готовности самостоятельно ставить и решать политические проблемы.

2. *Дальнейшее развитие институтов политической демократии*, что должно способствовать *росту гражданской активности* – увеличению численности независимых средств массовой информации, муниципальных коммун, ассоциаций избирателей, общественных клубов, научных и культурных организаций, спортивных обществ, союзов предпринимателей, ассоциаций потребителей, благотворительных фондов, общественных организаций и движений.

3. *Формирование эффективного института частных – коллективных и индивидуальных – владельцев средств производства*, что предполагает развитие экономической конкуренции, деловой активности, самостоятельности и равноправия хозяйствующих субъектов.

3. Разделение властей

Чрезмерное сосредоточение власти в одних руках всегда было самой большой опасностью, порождавшей бесправие, насилие, произвол, диктатуру. В современных государствах существуют три ветви власти: *законодательная* (парламент, конгресс, федеральное собрание), *исполнительная* (правительство во главе с президентом или премьер-министром) и *судебная*. Разделение властей сегодня является общепризнанной нормой функционирования демократического государства. Отсутствие монополии на власть любого политического института – неперемнное условие развития демократии. Между тем система разделения властей далеко не сразу вошла в практику государственного управления.

Так, в Древней Греции Афинское собрание соединяло в себе функции законодательной, исполнительной и судебной власти, однако уже в Средние

века феодальная система государственного управления часто основывалась на известном балансе власти между королем, знатью и верхушкой духовенства. Например, испанское дворянство, давая клятву новому королю, подчеркивало: “Мы, которые так же хороши, как и ты, клянемся тебе, который ничуть не лучше нас, принять тебя в качестве нашего короля и суверенного господина при условии, что ты будешь соблюдать все наши статусы и законы, если же не будешь – то мы не примем тебя”. Многие честолюбивые монархи (ярким примером является история России и Франции) стремились сосредоточить в своих руках все больше и больше личной власти, не желая делить ее ни с кем. Так возник **абсолютизм** – абсолютная монархия, где высшая законодательная, исполнительная и судебная власти находились в руках одного монарха.

Властолюбивые короли и императоры часто нуждались в доходах, чтобы вести разорительные войны и устраивать пышные празднества. Они стремились увеличить налоги, получить финансовую поддержку крупной аристократии, для чего вынуждены были собирать *дворянские ассамблеи*. В обмен на золото высшей аристократии последней был вновь открыт некоторый доступ в королевскую политику. Так появились британский парламент, шведский рикстаг, французские генеральные штаты. Эти законодательные собрания очень медленно, но все же увеличивали свою власть, противопоставляя ее абсолютистским запросам монархов. В XVI в. английский король Генрих VIII был вынужден уже в полной мере признать законодательную власть парламента. Ему была необходима поддержка парламентариев, чтобы провести законы, которые позволили бы Англии выйти из-под власти католической церкви (поскольку король страстно желал развестись со своей женой). В XVII в. английский парламент считал себя равным монарху в решении политических проблем, а в вопросе налогов – даже выше его. В 1649 г. парламент решил затянувшийся спор между роялистами и парламентариями по поводу того, в чьих руках находится верховная власть, казнив короля Карла I. Интересно, что английский

философ Дж. Локк, живший в этот период, в своих работах обосновывал идею о том, что власть законодательного собрания является самой важной в государстве.

В XVIII в. философы эпохи Просвещения Ш.Л. Монтескье, Вольтер, Томас Джефферсон провозгласили: свободное развитие может быть обеспечено лишь в том случае, если власть в государстве будет разделена на три обособленные ветви, каждая из которых станет сдерживать и уравновешивать другие.

Высшим законодательным органом выступает **парламент** – общенациональный представительный институт, избираемый на началах всеобщего и равного избирательного права путем тайного голосования. Как правило, парламент состоит из двух палат: нижней, которая формируется посредством прямых выборов (где голосуют сами избиратели), и верхней, формируемой в разных странах по-разному.

Один из отцов-основателей США Дж. Медисон считал, что сенат – верхняя палата конгресса – является самым лучшим инструментом для защиты народа от его собственного “непостоянства и страстей”. Согласно американской конституции, сенаторы, служащие более долгий срок (шесть лет) и избираемые законодательными органами штатов, должны уравновешивать в конгрессе членов палаты представителей, выбираемых непосредственно народом (каждые два года) и, следовательно, более подверженных влиянию меняющихся настроений избирателей.

В Великобритании палата лордов формируется из 300 пожизненных пэров, не передающих свой титул по наследству, 818 наследственных пэров и 26 духовных пэров (высшие иерархии английской церкви). По мнению английского ученого У. Беджета, просвещенные пэры палаты лордов представляют “необходимый барьер” для защиты прав и имущества от импульсивных порывов общества.

В ФРГ депутаты высшей палаты парламента назначаются правительствами земель. Во многих странах на выборах в верхнюю палату

применяется система многоступенчатых непрямых выборов, при этом депутаты частично избираются, а частично назначаются или получают место в верхней палате по наследству.

Руководит деятельностью парламента *спикер* (англ. Speaker, букв. – оратор) – председатель нижней палаты, его заместители или коллегиальный орган. Они выбираются самими парламентариями (партией большинства или по соглашению правящей партии и оппозиции). Председателем верхней палаты в США (и в некоторых других странах) является вице-президент страны, в Великобритании эту должность занимает лорд-канцлер. Спикер палаты представляет парламент на международной арене, регулирует ход прений во время заседаний, координирует работу парламентских комитетов и комиссий.

Исполнительная ветвь государственной власти имеет более сложную структуру. В большинстве демократических государств во главе исполнительной власти стоит президент (или премьер-министр). Как правило, он руководит тремя основными исполнительными органами:

- 1) административным аппаратом;
- 2) министерствами (департаментами);
- 3) административными агентствами и ведомствами.

В состав административного аппарата президента США входят следующие структуры:

- Совет по национальной безопасности;
- Экономический совет;
- Административно-бюджетное управление;
- Отдел развития политики;
- Управление по контролю за лекарствами;
- Управление научно-технической политики;
- Управление по контролю над окружающей средой;
- Управление по национальной космонавтике;
- Национальное управление по стратегическим материалам;

- Управление торгового представительства США;
- Администрация общего обслуживания;
- Служба Белого Дома.

Эти управления и службы непосредственно подчиняются президенту, он контролирует их деятельность. Часть этих управлений связана с функционированием администрации президента, и здесь важное место занимают Совет по национальной безопасности и Административно-бюджетное управление. Некоторые управления и службы включены в состав административного аппарата президента с целью подкрепления их деятельности авторитетом президента и усиления их роли в важных областях, например в науке и технологии, космосе и др.

Административные агентства и ведомства, официально не входящие в министерства, играют важную роль как исполнительные органы. Они создаются для решения отдельных общественных проблем, которые становятся актуальными и достаточно сложными, чтобы их можно было решить лишь одними законодательными актами. В США в 1990 г. насчитывалось 81 организация такого типа. Ярким примером являются Агентство по малому бизнесу, Федеральная комиссия по торговле, Национальный научный фонд.

Взаимодействие законодательной и исполнительной власти является весьма сложной и многогранной проблемой. Исполнительная власть – президент (или премьер-министр) и правительство – обязаны в той или иной мере согласовывать свои действия с законодательными институтами: отчитываться перед ними, а в некоторых странах (ФРГ, Испания) даже получать от них мандат на осуществление своих полномочий. Одновременно парламенты уже на самых ранних стадиях разработки правовых актов должны согласовывать их содержание с правительственными структурами. В президентских республиках (США, Россия) глава государства может наложить *вето* (запрет) на любой законодательный документ или требовать его доработки. В то же время

парламент имеет право отменить либо “заморозить” какие-то решения правительства или президента.

Важным инструментом контроля за деятельностью исполнительной власти, находящимся в распоряжении парламента, является **право возбуждать обвинения против высших должностных лиц государства и привлекать их к ответственности**, если они своими действиями наносят ущерб национальным интересам страны. Привлечение государственного деятеля к ответственности в порядке **импичмента** – реальная угроза, за которой, как правило, следует немедленная отставка этого должностного лица.

Известный политический деятель США А. Гамильтон считал, что идеальным органом для вынесения суждений о поведении должностных лиц является сенат. “Где же, как не в сенате, можно найти трибунал, в достаточной степени уважаемый и в достаточной степени независимый?” – писал он. Американский президент Б. Франклин говорил, что без импичмента единственным способом устранения главы исполнительной власти, заслуживающего наказания, остается его убийство, т.е. метод, лишаящий его не только жизни, но и возможности оправдаться.

Еще одним инструментом контроля за деятельностью правительства со стороны парламента является право парламента одобрить и ратифицировать заключенные президентом международные договоры и соглашения.

Очень важную роль в системе разделения властей современного демократического государства играет действующая оппозиция, которая существует в рамках закона. Критическая оценка лидерами оппозиции законодательных документов и решений кабинета правительства – необходимый фактор демократизации политического процесса.

– И все же основным гарантом соблюдения законности в деятельности законодательной и исполнительной властей выступает **судебная власть**. Во многих странах надзор за соблюдением конституции, за соответствием ей актов исполнительной и законодательной властей возложен на Верховный

суд или аналогичную высшую судебную инстанцию, созданную организационно обособленно.

Например, Федеральный конституционный суд ФРГ обладает весьма широкими полномочиями. Он наделен правом толкования Основного закона при возникновении споров между федерацией и землями по поводу объема их прав и обязанностей, относительно соответствия федерального права и прав земель Основному закону. При этом решения Федерального конституционного суда обязательны для всех государственных органов федерации и земель; по существу, этот орган регулирует принципиальные вопросы политической жизни ФРГ.

Высшим судебным органом Франции является Конституционный совет. Он осуществляет надзор за соблюдением конституции, за правомочностью действий парламента и президента. Конституционный совет может разрешать споры, связанные с национальными выборами и референдумами. Во Франции местные органы власти, профсоюзы и другие общественные и политические организации имеют право обращаться в Конституционный совет, если они не согласны с каким-либо решением государственных органов. При этом Конституционный совет обязан давать ответы на такие обращения в определенный срок. Если Конституционный совет придет к выводу, что решение правительства или законодательный акт, принятый парламентом, неправомочны (не соответствуют основному закону), то государственные органы обязаны или отменить ранее принятое решение, или внести в него соответствующие коррективы.

Итак, мы видим, что в государстве, основанном на принципе разделения властей, исполнительные, законодательные и судебные институты, будучи независимы друг от друга в рамках своей компетенции, взаимно контролируют друг друга и препятствуют любым попыткам злоупотребления властью.

Политологи различают современные государства по формам правления и административно-государственного устройства. Посмотрев на

современную политическую карту мира, вы увидите много различных названий государств, что свидетельствует о широком разнообразии форм государственного устройства: например, Княжество Лихтенштейн, Исламская Республика Иран, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, Южно-Африканская Республика. Однако даже полное наименование государства не поможет нам точно определить его форму государственной власти.

Форма правления – это организация государственной власти, включающая в себя структуру и статус высших органов власти. Современная политическая история знает две основные формы правления – монархию и республику. При монархической форме правления источником и носителем государственной власти является монарх, при республиканской – народ и выборные государственные органы. Институт монархии сохранился сегодня почти в 30 странах мира, среди которых Испания, Швеция, Великобритания, Иордания, Кувейт, Саудовская Аравия и др.

Монархии бывают абсолютные и конституционные. При абсолютной монархии глава государства (монарх) сосредоточивает в своих руках всю полноту законодательной, исполнительной и судебной власти. Расцвет абсолютизма в Европе пришелся на XVII-XVIII вв. В Российской империи это был период правления Петра I и Екатерины II. В современном мире абсолютные монархии сохранились в основном в Азии: Саудовская Аравия, Бруней, Оман, Катар. При эмирах и султанах иногда есть совещательные органы – квазипарламенты, но они обладают очень ограниченными политическими возможностями.

При **конституционной (парламентарной) монархии** законы принимаются парламентом и утверждаются монархом. Однако данная прерогатива монарха, так же как и большинство других его полномочий, имеет формальный характер: в силу сложившейся политической практики и конституционных обычаев монарх не отказывается от подписания принятых парламентом законов. Согласно конституционным положениям

правительство несет ответственность не перед монархом, а перед парламентом. В настоящее время парламентарными монархиями являются Великобритания, Бельгия, Голландия, Дания, Швеция, Испания, Люксембург.

Очень часто задают вопрос: почему до сих пор некоторые государства сохраняют монархическую форму правления, если реальная власть монарху не принадлежит? Социологи, которые проводят опросы населения в европейских странах, утверждают, что большинство граждан видят в монархии символ единства нации, олицетворение политических традиций и гарантии политической стабильности, поскольку власть монарха не зависит от игры политических сил.

Среди республиканских форм правления различают президентские и парламентские. *Президентская республика* предполагает, что в стране происходят отдельные выборы парламента и президента и это должно усилить независимость этих двух ветвей власти. Классической президентской республикой политологи считают США. В этой стране конгресс не имеет права распускать правительство или смещать президента, ему лишь дано право возбуждать дело об импичменте в отношении президента в исключительных случаях (нарушение конституции, совершение преступлений и т.п.); в свою очередь, президент не имеет права распустить парламент и назначить новые выборы. Президентские республики распространены в Латинской Америке. Современная Российская Федерация также является президентской республикой.

В Европе достаточно широко распространены *парламентские республики* (Италия, Германия, Греция, Ирландия, Португалия, Австрия). При парламентской форме правления население избирает парламент, который назначает правительство и может его отозвать, выразив ему недоверие. Здесь возможно совмещение должности члена правительства и депутата парламента. Реальная власть принадлежит главе правительства – премьер-министру или канцлеру. Президент (глава государства) имеет в

основном представительские функции. Премьер-министр может распустить парламент и назначить новые выборы.

Во Франции, Португалии, Финляндии есть свои особенности, связанные с прямыми выборами президента населением, поэтому иногда политическое устройство этих государств относят к смешанным формам правления, сочетающим элементы президентских и парламентских форм; их обычно называют полупрезидентскими.

Еще один критерий различия форм современных государств – административно-территориальное устройство, которое отражает характер территориальной организации государственной власти. Можно выделить две его основные модели: унитарную (от лат. *unitas* – единство) и федеральную (от позднелат. *foederatio* – объединение, союз).

Унитарное государство считается наиболее простой формой государственного устройства. Это единое, централизованное государственное образование, которое делится лишь на административно-территориальные части. Для унитарного государства характерно существование общих для всей страны высших органов законодательной власти, органов управления (органов исполнительной власти), единой судебной системы и конституции. Унитарными государствами являются Англия, Франция, Италия, Венгрия, Монголия. Унитарная система предоставляет входящим в нее территориям незначительные автономии, основное управление осуществляется непосредственно из столицы. Территориальные подразделения – департаменты во Франции, провинции в Италии, графства в Швеции – большей частью существуют ради административного удобства.

Федеральная система управления состоит из единиц, имеющих значительную собственную политическую жизнь (штаты в США, кантоны в Швейцарии, земли в ФРГ). Эти единицы не могут быть произвольно упразднены или изменены центральной властью на законном основании. Каждое из таких образований имеет свое административно-территориальное

деление. Наряду с существованием и деятельностью общих для всей федерации высших органов государственной власти на территории каждого из них действуют свои собственные высшие и местные государственные органы. Аналогично обстоит дело с конституцией и другими федеральными законами, с судебными, прокурорскими и иными органами. Примерами федерального устройства государства могут служить Австралия, Германия, Канада, Индия, США, Россия и др. В составе Российской Федерации в настоящее время насчитывается 83 равноправных субъекта, в том числе 21 республика, 9 краев, 46 областей, 2 города федерального значения, 1 автономная область, 4 автономных округа.

Теоретически существует и третья возможность административно-территориальной организации – *конфедерация*. Это настолько свободное формирование, что его составные части могут успешно бороться против центральной власти. Конфедерации обычно недолговечны, они либо распадаются на части, либо превращаются в федерации. Историческим примером конфедерации может служить Швейцария: эта страна до сих пор называет себя конфедерацией, хотя фактически имеет федеральный тип административно-государственного управления. Фактической конфедерацией является Союз Босния и Герцеговина, хотя по законодательству этот союз – мягкая федерация. Мягкой, “рыхлой” конфедерацией считают Европейский Союз, хотя законодательно это не закреплено.

4. Правовое государство: идеал и действительность

Основные положения классической теории правового государства были сформулированы в XIX в. немецким философом Иммануилом Кантом (1724-1804). Они сохранили свою силу и значение до наших дней. Согласно Канту, правовое государство, в отличие от деспотического или полицейского, само себя ограничивает определенным комплексом постоянных норм и правил.

В правовом государстве только законно избранное правительство имеет право применить силу в качестве принуждения. **Правительственная монополия на силу** означает единый, обязательный для всех порядок, уничтожение неравенства и разнообразия прав, которые зависели бы от социального, наследственного или иного статуса. По справедливому замечанию немецкого правоведа Рудольфа Иеринга (1818-1892), право никогда не может заменить или вытеснить основной стихии государства – силы: “Слабость власти есть смертельный грех государства”. Однако сила государства законна лишь в том случае, если она применяется в строгом соответствии с правом. Политическая власть должна реализовывать право.

Государство, издавшее закон, обязано уважать этот закон до тех пор, пока он существует и продолжает действовать, хотя оно вправе его пересмотреть и даже отменить. Это и есть режим законности, в котором праву отводится роль **определения границ свободы**. Философ И.А. Ильин определял правопорядок как “живую систему взаимно признаваемых прав и обязанностей”. Отстаивая свои права, человек желает их признания и соблюдения со стороны других людей. Вместе с тем он вменяет и себе в обязанность признавать и соблюдать права других. Правовое государство цементирует не угроза применения санкций, а именно **согласие большинства граждан добровольно исполнять предписания законов**.

Античная история сохранила для нас описание случая, происшедшего с Сократом. Когда Сократу, находившемуся в тюрьме, его друг Критон накануне казни предложил совершить побег, великий философ ответил: “Если бы, чуть только собрались мы отсюда удрать... вдруг пришли Законы и само Государство и, заступив нам дорогу, спросили: "Скажи-ка, Сократ, что это ты задумал? Не замыслил ли ты поступком, который пытаешься совершить, погубить... Законы и все Государство?"” Ответ Сократа весьма поучителен. Правовое государство предполагает определенные условия для своего утверждения: народ в целом и каждый гражданин в отдельности должны созреть для восприятия идеи верховенства закона во всех областях

человеческой жизни. Важно, чтобы каждый осознал не только пределы своих интересов и прав, но также пределы своей ответственности и обязанности к самоограничению, что приобретает в результате длительного исторического опыта.

Русский философ и историк П.И. Новгородцев заметил: если демократия открывает широкий простор свободной игре сил, проявляющихся в обществе, то необходимо, чтобы эти силы подчиняли себя некоторому высшему, обязывающему их началу. Свобода, отрицающая начало общей связи и солидарности всех членов общества, понятие власти и авторитета, приходит к самоуничтожению и разрушению основ государственной жизни. Это неизбежно ведет к анархии и в конечном счете – к той или иной форме деспотизма.

Согласно Ш.Л. Монтескье, свобода – это “право делать то, что позволяют законы”. В правовом государстве законы имеют равную силу для всех членов общества без исключения. Даже величайшие заслуги перед государством не являются основанием для неприкосновенности власти индивидуума. Немецкий философ Карл Ясперс (1883-1969) справедливо утверждал: человек остается человеком, и даже лучший из людей может стать опасным, если его власть не сдерживается определенными ограничениями.

В правовом государстве именно закон служит невидимой границей между коллективом и индивидуумом. Законодатель так же подзаконен, как и отдельный гражданин. Подзаконность государственной власти дополняется признанием за отдельной личностью неотъемлемых и неприкосновенных прав.

Личные права и свободы – это возможности человека, ограждающие от незаконного и нежелательного вмешательства в его личную жизнь и внутренний мир, призванные обеспечить существование, своеобразие и автономию личности. Все права, принадлежащие человеку, в равной степени являются *личными*, тем не менее в узком смысле слова под *личными*

правами понимается лишь часть прав, непосредственно защищающих личную жизнь и свободу каждого человека. К ним относятся права на жизнь, личную неприкосновенность, уважение, защиту чести и достоинства, свободу совести, неприкосновенность жилища, свободу передвижения и выбор места жительства и др. Например, содержание права на неприкосновенность личности раскрывается в определении исключительных условий, при которых возможны ограничение и лишение свободы, в установлении строжайшего запрета насилия, пыток, жестокого и унижающего человеческого достоинство обращения, в добровольности медицинских, научных и иных опытов в отношении здоровья человека, в реализации *презумпции невиновности*. Эта последняя означает, что обвиняемый в преступлении считается невиновным, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, неустранимые сомнения в виновности толкуются в пользу обвиняемого, а доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы. Неприкосновенность личности обеспечивается законными рамками полномочий органов власти правового государства. Принцип неприкосновенности личности дополняется неприкосновенностью жилища и переписки.

Социально-экономические права и свободы – это возможности личности в сфере производства и распределения материальных благ, призванные обеспечить удовлетворение экономических и тесно связанных с ними духовных потребностей и интересов человека. К числу социально-экономических прав и свобод относятся права на труд, отдых, социальное обеспечение, жилище, наследования и др. Например, право на отдых состоит в том, что всем без исключения работающим по найму в государственных, общественных или частных организациях гарантируются ограниченная законом продолжительность рабочего времени, еженедельные выходные дни, а также оплачиваемый ежегодный отпуск.

Культурные права и свободы – это возможности человека пользоваться духовными, культурными благами и достижениями, принимать участие в их создании в соответствии со своими склонностями и способностями. К числу таких прав относятся право на пользование достижениями культуры; на образование; свобода научного, технического и художественного творчества.

Политические права и свободы личности – это возможности человека, обеспечивающие его политическое самоопределение и свободу, участие в управлении государством и обществом. К ним относятся право на объединение; свобода митингов, шествий, демонстраций; право избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления; право на равный доступ к любым государственным должностям; право участвовать во всенародных обсуждениях и голосованиях (референдумах) и др. Например, право на объединение (свобода ассоциаций) означает возможность свободного создания политических и общественных организаций, добровольность вступления и выхода из них.

Защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства, однако и гражданин, в свою очередь, несет ответственность перед государством: он обязан соблюдать законы, платить налоги, сохранять природу и окружающую среду. Защита Отечества также является долгом и обязанностью гражданина.

В научный оборот термин **“правовое государство”** ввели немецкие юристы Р. Моль и К. Велькер в первой трети XIX столетия. В России идеи правового государства развивали В.А. Кистяковский, С.А. Котляревский, В.М. Гессен.

В XX столетии с развитием международной интеграции классическая концепция правового государства была дополнена идеей о необходимости **подчинения национальных правовых систем праву мирового сообщества**. Многие европейские государства приняли решение о приоритете международного права. Это означает, что в случае расхождения закона страны с международным договором суды обязаны руководствоваться

положениями международного договора. Таким образом, к числу отличительных признаков правового государства политологи относят теперь не только верховенство закона, но и его соответствие международному праву.

Итак, каковы же основные *характеристики правового государства*? Среди них можно назвать следующие:

1. приоритет прав человека;
2. свободный, независимый суд;
3. принцип верховенства конституции по отношению ко всем другим законам;
4. взаимная ответственность гражданина и государства;
5. принцип разделения властей;
6. приоритет норм международного права.

Идеи правового государства находят свое выражение в конституциях современных государств. Так, Основной закон ФРГ гласит: “Законодательство связано конституционным строем, исполнительная власть и правосудие – законом и правом”. Конституция Российской Федерации (ст. 1) свидетельствует: “Российская Федерация – Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления”. К сожалению, реальные правовые практики российской государственности еще далеки от идеала правового государства, поэтому определение Российской Федерации как правового государства можно рассматривать как политическую цель, к которой мы все стремимся.

5. Информационное государство: проблемы становления

С развитием информационной революции во всех странах современного мира начал активно формироваться информационный сектор экономики. Расходы современных государств на информационные технологии увеличиваются в геометрической прогрессии. Так, если в 1990 г. в США они составляли 3% ВВП, то в 1995 г. уже 5%, а в 2005 г. – 12%. При помощи

информации сегодня производится около трех четвертей добавленной стоимости. Информация и знания постепенно превращаются в стратегические активы государственного управления.

Если в классической системе государственного управления знание соотносилось со сферой управления опосредованно, то информационная революция, используя виртуальное пространство, мгновенно переводит новую информацию в сферу управленческого действия. Использование информации для нахождения наиболее эффективных способов ее применения на практике – это и есть государственное управление в информационном обществе. Можно без преувеличения сказать: информация стала самым главным, а не просто одним из ресурсов государственного управления. Возник даже новый термин – *“информационное государство”*, под которым принято понимать государство нового типа, использующее преимущественно информационные технологии для завоевания и удержания своего господства. *Информационная парадигма* в государственном управлении означает, что информация становится главным управленческим ресурсом, а высокие технологии определяют ведущие направления государственного развития. Между тем использование новых информационных технологий чревато опасностями в сфере государственного управления.

– Сегодня новая информация применяется для систематических нововведений и новаторства в государственном управлении. Как справедливо отмечает английский социолог Энтони Гидденс (р. 1938), “мы живем в мире, который целиком конституирован через рефлексивно примененное знание, и мы никогда не можем быть уверены, что любой его элемент не будет пересмотрен.” Но, к сожалению, достаточно часто новации становятся серьезным дестабилизирующим фактором политического развития в полном соответствии с библейским предупреждением о “благих намерениях”, которыми устлан путь в ад. И прежде всего это касается непредумышленных последствий нововведений, которые никогда заранее полностью не удаются

предусмотреть. Именно поэтому синергетика, наука о саморазвитии сложных систем, в эпоху информационной революции становится наиболее актуальной методологией в теории государственного управления.

Синергетический закон эволюционных корреляций утверждает, что каждое структурное, организационное нововведение помимо прямого и планируемого результата приводит к параллельным незапланированным всплескам энтропии в соседних и промежуточных сферах. Это требует от реформаторов опережающей технической, организационной и интеллектуальной реакции, выработки линии корректирующего менеджмента, что может в десятки раз увеличить стоимость планируемых инноваций. Во многом политические риски в государственном управлении именно потому и не учитываются, что стоят слишком дорого. Однако в конечном счете, когда наступает “час икс” и негативные результаты шоковой политической терапии становятся очевидными для всех, последствия слишком дорого обходятся уже всему обществу. Более того, сегодня, когда масштабы современной технической мощи достигли колоссальных величин, а экологический кризис вырос при этом до некоторых предельных “точек роста”, плата за возможные неадекватные политические новации и упущения в выработке антиэнтропийной стратегии может стать трагически высокой.

Таким образом, *проблема соотношения новаций и традиций в государственном управлении*, несомненно, одна из самых сложных в современном государственном администрировании. Она требует пристального внимания современных ученых, поскольку до сих пор теория государственного управления не нашла убедительного ответа на вопрос о научных критериях эффективности административных реформ.

Еще одной опасностью информационной революции в сфере государственного управления стало то, что *более точные и полные знания об объектах управления не приводят к эффективности контроля*. Проблема заключается в том, что в информационном обществе мы сталкиваемся с дифференцированностью и власти, и информации.

Получение информации осуществляется не единообразно: наиболее значимая информация дифференцируется по специализированным отраслям, при этом информация в разной степени доступна для тех управленческих структур, которые способны поставить ее на службу групповым интересам. Вместе с тем общие потоки информации становятся все более неконтролируемыми; правдивость, точность и корректность сведений практически никем не проверяется, что способно привести к непредсказуемым политическим последствиям. Так, в глобальной Сети сегодня могут оказаться любые политические призывы; ложная информация, способная посеять панику и вызвать неадекватные массовые реакции.

Но самое главное, как уже неоднократно отмечалось, информационная революция превратила средства массовой информации в виртуальную “четвертую ветвь” политической власти, которая по силе, оперативности и проникновению своего влияния намного превосходит все три традиционные ветви государственной власти вместе взятые. В сфере государственного управления с этим уже нельзя не считаться. Отделы по связям с общественностью, PR-технологии стали неотъемлемой приметой времени в государственных структурах. Без преувеличения можно сказать: сегодня поддержка общественностью правительства и государственных решений напрямую зависит от эффективности работы отделов по связям с общественностью в государственных организациях. Государственное управление все больше осваивает виртуальное информационное пространство и приобретает новые, посттрадиционные виртуальные формы. Между тем нельзя не заметить надвигающийся **информационный кризис**: государственное управление сегодня буквально “тонет” в море информации. Государственные структуры производят ежедневно и ежечасно столько статистических данных, формул, образов, документов и деклараций, что не в состоянии их усвоить, но вместо того, чтобы искать новые способы осмысления и переработки информации, они все более быстрыми темпами продолжают производить новую информацию. В результате большие объемы

неиспользуемой информации превращаются в “информационное загрязнение управленческой среды”, затрудняя процесс оперативного управления и принятия решений.

Еще одной важной чертой информационного государства становится постепенное преобладание *новой принципа организации управленческого пространства по сетевому признаку*. В современном государстве *сети* начинают внедряться в традиционные иерархические управленческие структуры. При этом сеть как децентрализованный комплекс взаимосвязанных узлов открытого типа, способный неограниченно расширяться путем включения все новых и новых звеньев, приходит в определенное противоречие с традиционной вертикалью власти, размывая старые управленческие схемы.

Стремительное развитие информационной революции приводит к тому, что информация становится основным структурным компонентом в государственном управлении, а информационные потоки идей и образов составляют основную логику управленческих структур. Именно поэтому “жесткое мышление” в государственном управлении практически исчерпало свой эвристический потенциал. Со времен Макса Вебера в рамках этой парадигмы государственное управление представляло собой регламентированную сверху донизу иерархическую организацию линейно-функционального типа с четким определением функций каждой должностной категории. Управление при этом рассматривалось как механизм, действующий в результате комбинирования ряда факторов, с помощью которых можно добиваться определенных целей с максимальной эффективностью при минимальных затратах ресурсов. Такая модель действительно результативна в условиях стабильной социальной среды и однотипных управленческих задач и ситуаций, однако сегодня все эти факторы принципиально изменились. В условиях информационного государства “жесткое мышление” теряет свою эффективность, на смену ему приходит “мягкое мышление” в качестве инструментария анализа

управленческих проблем. Прежде всего это означает отказ от жестких преобразовательно-наступательных технологий, государственных реформ в стиле “шоковой терапии” и развитие “мягких”, детализированных и тонких технологий организации государственного управления.

Принцип “мягкого мышления” олицетворяет внутреннюю самоорганизацию государственных институтов и структур, построенных по модели живого организма, в противовес застывшим конструкциям рационально-бюрократической машины. Отказ от жестких административных инструкций, рассмотрение альтернативных путей развития, непрерывное корректирование и уточнение управленческих задач в процессе государственного управления – вот далеко не полный перечень принципов “мягкого мышления” в действии.

Если парадигма “жесткого мышления” исходила из предпосылки имманентной системности социальной среды и сферы управления, видела основную проблему в поиске оптимальных путей движения к известным или заданным целям, то концепция “мягкого мышления” перенесла признак системности с реальности на процесс ее познания. Подобный подход позволяет структурировать управленческие процессы посредством исследования различных взглядов и позиций и основное внимание уделяет самому процессу осуществления (решения) управленческих задач, понимаемому как непрерывное уточнение и совершенствование целей.

Ведущим направлением в рамках парадигмы “мягкого мышления” стала *организационная кибернетика*, возникшая как контрнаправление по отношению к *управленческой кибернетике*, отличавшейся излишней механистичностью. Центральным понятием для организационной кибернетики выступает так называемая *балансирующая система* – система этого типа способна реагировать на изменения окружающей среды, даже если эти изменения не могли быть предсказаны в момент создания системы. Чтобы оставаться балансирующей в течение длительного времени, система должна достигнуть необходимого разнообразия в целях соответствия

сложности окружающей среды, с которой она вступает в контакт. Для государственного управления это означает разработку детализированной структуры административных связей по всем обозначенным задачам государственного развития. Цель государственной организации в этой парадигме может быть определена как компромисс между требованиями внешней среды и внутренними функциями, а стратегия организации может быть обозначена как стратегия баланса.

Большинство экспертов полагают, что балансирующие системы должны обладать пятью функциями:

- 1) организации;
- 2) координации;
- 3) контроля;
- 4) сбора и обработки информации;

5) разработки политики. Именно так можно определить функции основных отделов современной государственной организации. В условиях слабоструктурированных проблемных управленческих ситуаций (а именно таково большинство современных государственных проблем) балансирующие структуры способны мягко перестраиваться.

Таким образом, современное информационное государство должно быть организовано по модели живого организма, где знания и информация становятся ведущим фактором развития. Общественное богатство все чаще ассоциируется сегодня с обладанием информацией, и уже сейчас “знаниеемкие” отрасли управления (образование, здравоохранение, исследовательские разработки, финансы, страхование и пр.) обнаруживают самые высокие темпы роста занятости и валового продукта.

В сфере управления происходит стремительное вытеснение материальных компонентов информационными составляющими, а непрерывное снижение себестоимости и удешевление информационных услуг делает информационную революцию в управлении все более демократичным процессом. В течение последних 10 лет цена единицы

памяти компьютерного жесткого диска снизилась в 2 тыс. раз с 300 долл. США до 14 центов в 2000 г. Копирование одного мегабайта данных по линии модемной связи стоит почти в 250 раз дешевле, чем воспроизводство аналогичного объема информации самыми современными фотокопировальными устройствами.

Доступность информационных технологий может создать иллюзию необычайной демократичности будущего информационного общества и информационного государства. Все это приводит многих теоретиков информационного общества к заключению о **новом классовом противостоянии** в будущем информационном государстве: противостоянии “класса интеллектуалов” и “низшего класса”. Шведский экономист Гуннар Мюрдаль (1898-1987) определил “низший класс” как ущемленный в своих интересах класс, состоящий из безработных, нетрудоспособных и занятых неполный рабочий день лиц, которые с большей или меньшей степенью безнадежности отделены от общества в целом, не участвуют в его жизни и не разделяют его устремлений и успехов.

Современные экономисты подчеркивают: в последние годы принадлежность к “классу интеллектуалов” и “низшему классу” становится в значительной мере наследственной. Если образование родителей очень низкое (начальное образование), вероятность детей пополнить “низший класс” составляет около 40%. Причина такого положения заключается в том, что стоимость образования непрерывно возрастает пропорционально возрастающей сложности технологий информационного общества и оптимальные возможности для получения современного образования даются человеку в детском возрасте, а не в зрелые годы, когда он уже сам осознает себя недостаточно образованным. Удастся ли информационному государству будущего справиться с этим конфликтом? Как остроумно заметил Илья Пригожий, “возможное богаче реального”, и эти слова стали интеллектуальным кредо постклассической теории неравновесных систем. Наука призвана обсуждать возможности, в частности возможности

информационного общества и государства, – в этом ее эвристическая сила, способная как никогда быстро стать материальной силой в информационную эру.

Информационное государство не сможет выполнять свою регулирующую функцию без помощи гражданского общества. Уже сегодня глобальный экономический кризис, экологические проблемы и техногенные катастрофы, борьба с терроризмом и другими глобальными катаклизмами предъявляют исключительно высокие требования к государственным институтам, требуя от современных правительств гибкого реагирования на вызовы времени и серьезных финансовых затрат на решение кризисных проблем. Если правительства начнут сокращать расходы ради сбалансированного бюджета, тем самым государственное управление ограничит свои возможности. Из этого порочного круга трудно выйти: неудачи государственного регулирования подрывают доверие к нему со стороны гражданского общества, что усиливает стремление не платить налоги, а это, в свою очередь, снижает кредитоспособность государства и его способность выполнять регулирующие функции. Именно поэтому в рамках гражданского общества все чаще возникают движения “гражданских инициатив”, которые берут на себя решение местных проблем и заботу о благосостоянии местного населения. Однако полностью справиться с проблемами управления в информационном обществе смогут только *объединенные усилия государства, гражданского общества и бизнеса* (корпораций). Лидирующая роль информационного государства в организации этих трех управленческих факторов должна обеспечить ему будущее развитие в условиях информационной революции. Другими словами, информационное государство должно взять на себя инициативу в объединении и консолидации гражданского общества и корпораций (государственное регулирование в духе “мягкого мышления”), ибо без этого новое классовое противостояние способно привести к гражданской войне. Само информационное же государство как центр принятия решений должно

представлять собой *систему консолидации политической власти, функционального представительства и общественных организаций.*

Еще одну проблемную зону будущего информационного государства представляет ***проблема безопасности общества в условиях постоянно возрастающей угрозы техногенных катастроф***, которыми чревато неконтролируемое развитие информационной революции. Складывается парадоксальная ситуация: уже сегодня государство отвечает за последствия того, что не контролирует, – стремительное развитие информационных технологий. Впервые в истории человечества главный источник опасности и рисков коренится не в невежестве, а в самом знании, в системе принятия решений. Непрерывное самовозрастание рисков – техногенных, экологических, экономических, социальных – обратная сторона информационной революции. Сегодня назрело понимание того, что необходима научно обоснованная государственная политика в области развития высоких технологий и страхования техногенных рисков.

Как справедливо отметил немецкий социолог Ульрих Бек (р. 1944), риски в информационном обществе – это большой бизнес. Они являются следствием все возрастающих запросов потребителей, которые невозможно удовлетворить. Круг замкнулся: потребительское общество с помощью информационных технологий раздувает потребности, потребности превращаются в “бездонную бочку”, генерируя безудержный рост производства, что приводит к непредсказуемым экономическим, экологическим, социальным и политическим последствиям.

Современные риски, как правило, не поддаются чувственному восприятию и выражаются в физических и химических формулах: в содержании ядов в пище; радиоактивной опасности; токсинах; заражении воды и воздуха. В целом все эти риски являются побочными продуктами высоких технологий и с их дальнейшим совершенствованием будут только усиливаться. В результате социально признанные риски, как это стало, например, с экологической проблематикой, несут в себе своеобразный

политический детонатор: на первый взгляд совершенно аполитичные проблемы (такие как, умирание лесов, потепление климата) становятся актуальной политикой. Без всякого преувеличения можно утверждать: все надвигающиеся неполитические катастрофы в современном обществе имеют ярко выраженный политический потенциал. С этой точки зрения самым важным политическим центром власти в информационном государстве станет министерство по чрезвычайным ситуациям (МЧС).

Техногенные риски – вот что способно по-настоящему встряхнуть современного обывателя и привести его вновь на “тропу политики”. Для преодоления проблемных зон своей жизни люди вынуждены объединяться в общественные и политические коалиции, которые сегодня уже не имеют никакого классового характера: они возникают и распадаются по ситуационным и тематическим признакам. Например, борьба с повышенным уровнем шума, которую ведут жители квартала, расположенного вблизи аэродрома, или борьба потребителей за качество определенных товаров на рынке (протест против ввоза “ножек Буша”) может объединить представителей разных специальностей, социальных слоев и политических партий. Новые конфликты информационного общества “взрывают” старые политические схемы конфликтологов и заставляют искать нетрадиционные политические решения в сфере государственного управления. И это еще один аргумент в пользу консолидации государства, гражданского общества и корпораций в рамках нового понимания формирования государственной политики и государственного регулирования. У. Бек назвал этот процесс “размыванием границ политики” в современном обществе: от того, какую роль займет государство в этом процессе, зависит его существование в будущем как центра принятия решений.

Обесценение и отчуждение экологии в “обществе рисков”, где проблема экологической защиты вступает в противоречие с интересами обогащения и прибыли, требует вмешательства государства и гражданского общества, ограничивая аппетиты корпораций. С другой стороны, перед лицом

глобального перемещения ядовитых веществ в атмосфере, “когда жизнь травинки в баварском лесу зависит от заключения и выполнения международных соглашений”, интересы гражданского общества и корпораций призвано защитить современное государство.

К сожалению, сегодня государственное регулирование практически не вмешивается в эти сложные проблемы. Глобализация современных экологических и политических рисков предопределяет глобализацию общественных движений экологистов и антиглобалистов, которые изначально развиваются как транснациональные. Вместе с тем существует целый ряд устойчивых конфликтных линий, которые имеют цивилизационную специфику: это проблемы расы, цвета кожи, этнической принадлежности (иностранные рабочие), конфессиональные конфликты. Все эти движения становятся центрами субполитики, и тем самым политика утрачивает центральное место в обществе, где принимаются решения и формируются контуры будущего развития. С большой долей иронии У. Бек заметил: экология, экономика и наука не могут больше притворяться, что не вмешиваются в политическую жизнь, – они своими средствами вершат политику, и в этом нет ничего неприличного, ничего такого, что стоило бы утаивать и прятать.

Пора признать, что политика и государственное управление никогда уже не смогут вернуть себе монопольный статус в решении всех общественных проблем. Но при этом существует важнейшее отличие государственной политики и центров субполитического влияния: в то время как экологи, экономисты, религиозные деятели и эксперты в частных науках могут спорить и отстаивать отдельные интересы, государственная политика обязана говорить об общественном консенсусе, воспитывать толерантность и выступать верховным арбитром нации. Если информационное государство не возьмет на себя эту роль и бремя защиты общества от техногенных рисков информационной революции, оно полностью утратит свою роль в будущем.

Перед нами так называемая **“гоббсова проблема” информационного общества**: современное информационное общество образовано множеством изолированных индивидов, обуреваемых страхом и неуверенностью в завтрашнем дне. Возникает закономерный вопрос: каким образом возможны порядок и стабильность в таком предельно индивидуализированном социуме, где развиваются рыночные отношения и каждый преследует только личную выгоду? Когда-то на заре Нового времени эту проблему в философии политики поставил Томас Гоббс. Его концепция “общественного договора” исходила из того, что изолированные индивиды, каждый из которых вел “войну всех против всех”, вынуждены были под страхом самоуничтожения заключить договор и создать государство. Основой их солидарности стал страх за свою жизнь: именно страх выступил источником договора об общественном мире. Так родилось политическое решение проблемы – страх был перенесен внутрь государственной конструкции: отныне только государство стало обладать правом на легитимное насилие против тех, кто нарушает общественный порядок.

Информационное государство должно создать новый “общественный договор”, объединив гражданское общество и корпорации перед проблемой защиты от техногенных рисков в информационном обществе. Такой “общественный договор” станет источником его легитимности в информационном обществе, где сегодня происходит стремительное перераспределение властных полномочий.

Тема 8. Политическая жизнь и политическая система общества

1. Принцип системности в политике

Ученые рассматривают мир политического как сложную систему. Сама идея исследовать сложные организмы как системы пришла в политическую науку из биологии. Мы знаем, что живые организмы чрезвычайно сложны и целостны. Сердце, легкие, кровь, мозг осуществляют свои функции, чтобы поддерживать жизнь. Уберите один орган – и живое существо погибнет.

Повредите любой орган – и остальные компоненты биологической системы будут вынуждены изменить свои функции, чтобы восполнить работу поврежденного органа и сохранить жизнь.

В современной науке понятие “*политическая система*” означает совокупность политических институтов, норм, ценностей, идей и отношений, с помощью которых реализуется политическая власть. Эта категория начала использоваться политиками в 1950-1960-х гг., чтобы помочь исследователям упорядочить описание политических процессов, выяснить внутренние закономерности развития политических структур. Одними из первых рассматриваемую категорию ввели в оборот американские политологи Д. Истон и Г. Алмонд, которые подчеркивали, что политическая система объединяет не только организованные стороны политической жизни – государство, партии и другие политические организации, но и такие факторы, как сознание, идеи и мировоззрение. Системой эту широкую сеть политических отношений и взаимодействий назвали потому, что все они взаимозависимы: если изменяется государство или появляются новые политические партии, тут же изменяется политическая жизнь в целом.

Таким образом, *системный анализ политической жизни* опирается на представление о системе, находящейся в некоторой среде и подвергающейся внешним возмущающим воздействиям, угрожающим вывести существенные переменные системы за пределы их критических значений. В рамках этого анализа важным является следующее допущение: для того чтобы выжить, система должна быть способна отвечать на внешние вызовы с помощью действий, устраняющих стресс. Действия властей имеют ключевое значение в этом отношении. Но для действий, причем осмысленных и эффективных, власти должны иметь возможность получать необходимую информацию о происходящем. Обладая информацией, власти способны обеспечивать в течение некоторого времени минимальный уровень поддержки системы.

Системный анализ позволяет сформулировать ряд ключевых вопросов, ответы на которые помогли бы сделать более насыщенной конкретным

содержанием представленную ниже схематическую модель политической системы (см. рис. 1). Какова в действительности природа тех воздействий, которым подвергается политическая система? Как они передаются системе? Какими способами, если таковые существуют, системы чаще всего стремятся преодолевать стрессы? Какие типы процессов обратной связи должны существовать в любой системе, если сами условия ее функционирования вынуждают систему приобретать и накапливать потенциал, позволяющий действовать в направлении ослабления стресса? Как различные типы политических систем – современные и развивающиеся, демократические и авторитарные – отличаются типами своих “входов” и “выходов”, своими внутренними процессами и обратными связями? Как эти различия влияют на способности системы к выживанию, когда она подвергается воздействию стресса?

2. Модель политической системы

Дэвид Истон разработал кибернетическую модель политической системы в виде “черного ящика”, с “входами”, на которые поступают импульсы окружающей среды (требования, поддержка, ожидания населения, колебания общественного мнения и т.п.), и “выходами”, с которых выдаются решения и действия лиц и групп, принимающих решение внутри системы (рис. 1).

Модель Истона предполагает, что мы не интересуемся происходящим внутри системы (как и почему принимаются политические решения), но внимательно фиксируем все внешние проявления ее деятельности и взаимосвязь со средой. Например, в 2008 г. Президентом РФ Д. Медведевым

утвержден Национальный план по противодействию коррупции, который предусматривает комплекс мер по предупреждению и профилактике коррупции, поскольку эта проблема стоит у нас в стране особенно остро. В основе принятого решения лежат требования самых широких слоев общественности привести российскую бюрократическую систему в соответствие с современными демократическими нормами, поставить эффективные заслоны на пути коррупции. Национальный план по противодействию коррупции был опубликован в средствах массовой информации. Общественное мнение начало широко обсуждать принятое решение и в целом одобрило намеченные меры. Следовательно, мы можем говорить о *положительной* обратной связи в политической системе. Но бывает и по-другому. Общественное мнение может и не поддерживать принятое политическое решение: начинаются акции протеста, критические выступления оппозиции. Все это свидетельствует об *отрицательной* обратной связи в политической системе. В таких случаях требуются новые решения и действия, чтобы система работала нормально, без политических кризисов и катастроф.

Существуют и другие подходы, раскрывающие внутреннюю структуру политической системы. Например, ее можно изобразить в виде квадрата, внутри которого расположены институциональная, идеологическая, коммуникативная, нормативная и культурная подсистемы (рис. 2).

Рис. 2.

Институциональная подсистема включает в себя основные политические институты: государство, политические партии и движения, группы лоббирования (давления). **Идеологическая** подсистема объединяет теоретический уровень политической жизни (политические идеологии, принципы, идеи, лозунги, идеалы, концепции) и уровень обыденного сознания (политическую психологию, чувства, настроения, предрассудки, эмоции, мнения, традиции). **Коммуникативная** подсистема представляет собой совокупность средств массовой информации (печать, радио, телевидение), с помощью которых осуществляются коммуникации (обмен мнениями) между нациями, классами, социальными группами и отдельными индивидами по поводу их участия в организации политической власти. **Нормативная** подсистема объединяет политические нормы и нравственные принципы, определяющие и регулирующие политическую жизнь общества. Наконец, **культурная** подсистема выступает как интегрирующий фактор, способный с помощью культурных ценностей, традиций и обычаев стабилизировать политическую систему в целом.

3. Основные типы политических систем: тоталитаризм, авторитаризм, демократия

Существуют многочисленные классификации политических систем. Со времен Платона (428/427-348/347 до н.э.) известна классификация в зависимости от форм правления:

1. **монархия** – правление одного человека, передающего свою власть по наследству, и ее искаженная форма – **тирания** (самовластное правление одного лица);
2. **аристократия** – правление нескольких достойных людей, и ее искаженная форма – **олигархия**;
3. **демократия** – правление многих или всего народа, и ее искаженная форма – **охлократия** (власть толпы).

Достаточно часто используют типологизацию политических систем в зависимости от формы *политического режима*, который характеризует тип политической системы с точки зрения содержания деятельности политических институтов и методов руководства. Используя понятие “политический режим”, мы можем за “фасадом” государственных институтов увидеть состояние демократических прав и свобод, соотношение между государственной властью и правовыми основами ее деятельности. Политологи различают три основных политических режима: тоталитаризм, авторитаризм и демократию.

Английский писатель Джордж Оруэлл в 1949 г. буквально ошеломил мировую общественность публикацией своего романа “1984”, написанного в жанре антиутопии. Яркими красками он нарисовал жизнь людей в тоталитарном государстве. Личность в таком обществе не обладает правами, а имеет только обязанности. Правительство может произвольно устанавливать слежку за людьми, арестовывать и допрашивать их. Телевизионные камеры отслеживают людей на улицах и в общественных местах, проникают в дома. Целью такого неустанный наблюдения является стремление поставить каждого человека и даже его мысли под контроль государства. Художественное воображение писателя создало страшные картины насилия и жестокости, заставившие современников содрогнуться и узнать в них черты фашистских, полуфашистских, большевистских государств XX столетия: гитлеровской Германии, сталинской России, Италии в период правления Муссолини.

Тоталитарные государства XX в. значительно отличаются от деспотических режимов прошлого. Из истории мы знаем, что Петр I в России и Людовик XIV во Франции были весьма могущественными и деспотичными правителями, однако их власть была ограничена примитивными средствами коммуникаций. Фактически, до конца XIX в. все средства сообщения были настолько медленными и малоэффективными, что большинство самодержавных правителей не имело возможности осуществлять полный

контроль над всей территорией своих государств. Петр I и Людовик XIV могли требовать внешнего подчинения и получать подтверждения своей власти, но они не могли контролировать все аспекты жизни общества. Простые граждане сами распоряжались своей личной жизнью. В XX в., после Первой мировой войны, благодаря гигантскому развитию техники появились условия для возникновения тоталитарных режимов. При наличии современных электронных устройств государство в состоянии контролировать личные услуги и общение граждан, а следовательно, жестко регламентировать политическую сферу и сознание. Благодаря электронному контролю у государства есть возможность навязывать свою систему ценностей, координировать и централизованно использовать ресурсы общества, а значит, жестко регламентировать социально-экономическую жизнь.

По своей сути *тоталитарный режим* представляет собой систему правления, при которой одна партия держит в своих руках всю политическую, экономическую, военную и судебную власть в стране. Термин “тоталитаризм” (от лат. *totalis* – весь, целый, полный) в политике означает “полный контроль”. В политический словарь этот термин впервые ввел идеолог итальянского фашизма Бенито Муссолини в 1925 г. для характеристики своего политического движения. Известный российский философ, правовед и публицист И. А. Ильин (1883-1954) в работе “Наши задачи” (1956) определил тоталитаризм как “политический строй, беспредельно расширивший свое вмешательство в жизнь граждан”, где всепроникающий контроль доходит до последнего закоулка городского подвала, деревенского чулана, личной души, научной лаборатории, композиторской фантазии, больницы, библиотеки, газеты, рыбацкой лодки и церковной исповедальни. Принцип тоталитарного общества: запрещено все, кроме того, что приказано.

Мировая политическая история знает две разновидности тоталитарных политических систем: коммунистическую (бывший СССР до хрущевской

“оттепели” 1961 г.) и националистическую (фашистская Германия при Гитлере и фашистская Италия при Муссолини). Коммунистический и националистический тоталитаризм различаются в основном содержанием идеологий (марксизм-ленинизм и фашизм), но с точки зрения организации политической системы имеют много общего. Американский политолог Збигнев Бжезинский (р. 1928) перечисляет *шесть основных признаков*, отличающих тоталитарные режимы.

1. ***Всеобщая идеология***: тоталитарная идеология представляет собой определенную систему ценностей или теорию, которая применяется ко всем областям человеческой жизни и включает толкование истории, экономики, социально-политического развития. Все граждане обязаны выражать молчаливую поддержку официальной идеологии и тратить время на ее специальное изучение. Достаточно ярким примером является система марксистско-ленинского образования в бывшем СССР.

2. ***Одна партия***: легально может существовать только одна партия, которая находится под руководством одного человека, настолько полно отождествляемого с идеологической доктриной и судьбой государства, что вокруг него создается культ личности (пока он остается у власти). Известные примеры из истории: Сталин в России, Гитлер в нацистской Германии, Муссолини в фашистской Италии, Мао Цзэдун в Китае.

3. ***Организованный террор***: аппарат тайной полиции использует как физические, так и психические методы воздействия, является важнейшей опорой тоталитарных режимов. Известно, что никакие судебные и правовые ограничения не распространялись на нацистское гестапо в фашистской Германии и советское НКВД в сталинской России.

4. ***Монополия на средства коммуникации***: основной функцией средств массовой информации является пропаганда официальной идеологии среди народа.

5. Монополия на оружие: только правительство владеет правом на средства вооружения, что почти полностью исключает возможность вооруженного сопротивления.

6. Экономический контроль: существует жесткий централизованный контроль над экономикой, который преследует две основные цели. Во-первых, он позволяет усилить могущество государства, поскольку все природные ресурсы могут быть предоставлены тяжелой промышленности (для производства вооружения и усиления военно-промышленного комплекса). Во-вторых, централизованная экономика служит средством политического управления (“перераспределение человеческих и материальных ресурсов в целях повышения эффективности народного хозяйства” – вот типичный газетный штамп советского периода).

В отличие от тоталитарных политических систем **авторитарные режимы** (от лат. *auctoritas* – властный) значительно “мягче”. Власть при авторитаризме стремится жестко контролировать только политическую сферу, не вмешивается (или слабо контролирует) в культуру, экономику, личную жизнь граждан. Авторитарные политические режимы могут развиваться даже в условиях рыночной экономики. Типичным примером могут служить авторитарные режимы Чон Ду Хвана в Южной Корее и Пиночета в Чили.

Политическая власть в условиях авторитаризма концентрируется в руках одного человека (монарха, тирана) или группы лиц (хунта). Достаточно часто такая власть опирается на армию, используются политические репрессии. Права и свободы граждан при таком режиме значительно ограничены, невозможно существование серьезной легальной оппозиции, все политические партии и профсоюзы находятся под контролем государственной власти. Философию авторитаризма образно выразил король Генрих V в одной из шекспировских пьес, заявив: “Обязанности каждого подданного – это обязанности короля, но душа каждого подданного – это его личная собственность”.

Однопартийная система авторитарного правления распространена сегодня в развивающихся странах Африки, Азии и Латинской Америки. Авторитарные правительства не пытаются контролировать все сферы человеческой деятельности. Как правило, они не вмешиваются в экономическую, культурную, социальную, религиозную и духовную сферы общества, однако при этом существует достаточно жесткий контроль над сферой политики. Власть, порядок, повиновение становятся при авторитарном правлении во главу угла, оставляя мало места свободе, а следовательно, и участию народа. И если даже в таком государстве есть какие-то демократические институты, то реального значения на практике они не имеют. Хорошо известна фраза Людовика XIV, характеризующая практику авторитарного правления: “Государство – это я”.

Политологи считают “традиционным” авторитарным государством франкистскую Испанию (1939-1979). У диктатора Франко и его сторонников не было четкой идеологической доктрины, средства массовой информации лишь частично контролировались властью, экономическое развитие осуществлялось достаточно свободно. И самое главное, Франко был больше заинтересован в политической пассивности народа и подчинении, а не в активном осуществлении с его помощью своих устремлений. Американский политолог Джин Киркпатрик (1925-2006) добавляет еще одну черту, отличающую авторитарное правление от тоталитаризма: при авторитарном правлении разрешаются некоторые изменения в социально-политической системе, тогда как при тоталитаризме они однозначно невозможны. В частности, во франкистской Испании пусть медленно, но все же происходила “либерализация” режима, которая усилилась в 1970-е гг. после смерти Франко; были разрешены все основные политические партии, профсоюзные организации. Наконец в 1979 г. в стране произошли свободные парламентские выборы, и это событие знаменовало возвращение страны к демократической системе правления.

Переход от тоталитаризма к авторитарной политической системе может происходить эволюционным путем, постепенно, в течение многих десятилетий, при этом достаточно сложно назвать историческую дату такого перехода. Например, современные политологи по-разному интерпретируют время, когда в советской России произошел переход от тоталитарной советской системы к авторитарной: одни полагают, что это 1960-е гг., время хрущевской “оттепели”, другие называют 1970-е гг. – период небезызвестного “застоя”, когда значительно ослаб идеологический контроль.

Демократические политические системы значительно отличаются от тоталитарных и авторитарных. В современной политической науке термин “демократия” имеет множество значений: он употребляется для обозначения политического мировоззрения, как синоним прав и свобод граждан, как социально-политическая ценность и как форма государственного устройства. В переводе с греческого *демократия* означает *власть народа*: основная черта демократической политической системы состоит в признании народа как *источника власти и суверенитета*. Другими словами, народ учреждает основные органы власти, выбирает в них своих представителей и периодически осуществляет смену этих представителей через систему перевыборов. Народ участвует в разработке и принятии законов через референдумы и путем делегирования своих представителей в законодательные органы власти (парламенты, конгрессы, государственную думу и др.). Поощряется *политический плюрализм* (существование множества разных взглядов на политический процесс) и утверждается *гласность* (право свободно выражать эти взгляды).

В демократических государствах действует *принцип конституционализма*, согласно которому именно конституция обладает высшей юридической силой по отношению к другим правовым нормам. Все основные принципы государственного управления, важнейшие права и свободы граждан закреплены в конституции. Слово “конституция”

происходит от латинского *constitutio* – установление, однако современное значение этого понятия – конституция как Основной закон государства – возникло лишь в Новое время. После победы буржуазных революций мир узнал о создании первых конституций. Французская конституция 1791 г. (которая так никогда и не была применена) пыталась заменить правление Людовика XIV независимым народным правительством. Американская конституция 1787 г. провозгласила образование Соединенных Штатов Америки, причем с момента принятия до сегодняшнего дня она ни разу не пересматривалась. Интересно, что в Великобритании нет писаной конституции, однако традиция, обычаи, закон и вся предшествующая история имеют такое сильное влияние, что английское правительство считает себя связанным и ограниченным порядками, сложившимися в течение столетий. Таким образом, можно сказать, что Великобритания тоже управляется с помощью конституции.

В современной политической науке термин “конституция” трактуется достаточно широко. В частности, считается, что конституция представляет собой свод правил и норм, писанных и неписанных, оформленных или неоформленных юридически, которыми правительство руководствуется в своей деятельности (Ч. Мелвейн). Для внесения изменений и поправок в Основной закон в каждой стране предусмотрены специальные законодательные процедуры, которые значительно сложнее, чем при прохождении обычных законодательных актов. В Швеции, например, предлагаемые поправки к конституции должны дважды пройти через законодательное собрание, а в промежутке – через всенародный референдум. Во Франции изменения в конституцию имеет право вносить исключительно Национальный конгресс (совместное собрание палаты депутатов и Сената). В том случае, если принимается новый текст конституции, он обязательно выносится на всенародный референдум и считается принятым, если за него проголосует более половины граждан, имеющих право голоса.

В демократических государствах, как правило, есть институт *конституционного надзора*. Во многих европейских странах функции конституционного надзора осуществляет специально создаваемый Конституционный суд (ФРГ, Франция). Если закон признается противоречащим конституции, он теряет силу и не подлежит исполнению.

Очень важное значение имеет законодательное закрепление в конституции основных гражданских свобод и прав человека. Большинство демократических государств современного мира признают “Всеобщую декларацию прав человека”, принятую в 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН. Являясь символическим выражением мнения мирового сообщества, этот документ содержит основополагающие демократические заповеди и идеалы.

Современная конституционная демократия находит свое воплощение в таких важных принципах, как *парламентаризм*, *выборность* и *сменяемость* органов власти, их *ответственность* перед обществом, перед избирателями. Понятие “парламентаризм” означает, что парламент занимает центральное место в системе государственных органов и только он имеет право принимать законы. Правительство участвует лишь в разработке законопроектов и выносит их на утверждение парламента. В парламентских республиках и конституционных монархиях действует институт парламентской ответственности: парламент обладает правом контролировать деятельность правительства. В президентских республиках парламент осуществляет контроль иными методами: он ратифицирует (утверждает) заключенные правительством договоры, утверждает бюджет, дает согласие на назначения в правительство.

В политической сфере демократического общества связь гражданского общества и государства реализуется через *политические партии* и *систему функционального представительства*. На выборах в парламент, в местные и центральные органы государственной власти избиратели голосуют за кандидатов, выдвигаемых политическими партиями. Борьба политических

партий в демократическом обществе отражает сложный процесс взаимодействия и столкновения социально-политических интересов людей. Партии обязаны (согласно законам) бороться за власть и политическое влияние легальными методами. Партия, находящаяся у власти, не должна применять по отношению к оппозиционным силам насильственные методы, более того, она должна гарантировать своим оппонентам возможность пользования всеми политическими правами и свободами. Таким образом, в основе практики современной демократии лежат *общественное согласие, ставшие нормами политической культуры традиции законности, терпимости к инакомыслию, неприятие насилия, отход от конфронтационного типа политического мышления.* Эти принципы вырабатывались на протяжении истории, они внедрялись в сознание людей в течение многих десятилетий. В современной политике слово “демократия” стало одним из самых весомых понятий и даже приобрело значение символа свободного развитого человека в свободном обществе.

Политологи различают *формальную* и *органическую* демократию. Сторонники формальной демократии считают, что все люди равны от рождения, в глубине души добры и благородны, и поэтому каждому государство должно предоставить одинаковые права и свободы. Как только будут формально провозглашены демократические права и свободы, в обществе начнется расцвет демократии. Российский философ И.А. Ильин критиковал сторонников формальной демократии за утопизм, справедливо подчеркивая, что происходит в обществе, где “все формально свободны, все формально равны, и все борются друг с другом за власть ради собственных интересов, прикрываемых общей пользой.” Действительно, решающее значение имеет не формальный подход, а содержательная сторона демократии. Как справедливо заметил Ильин, гражданин неотрывен от своего духа и правосознания, и если он нравственно не развит, то будет вредить своему государству на каждом шагу – неисполнением своих обязанностей, произвольным преувеличением своих полномочий, взятками и

растратами, коррупцией и шпионажем. Формальная демократия, учитывая лишь внешние количественные показатели, превращает свободу в свою противоположность – хаос и анархию.

Истинной, по Ильину, является органическая, или *творческая*, демократия. Она постепенно вырастает из развития внутренней жизни всех граждан. Для наступления органической демократии необходимы *социальные и духовные основы*. Ильин называет несколько наиболее важных.

1. Живое чувство государственной ответственности, без которой народ не способен к демократии и погубит ее.

2. Искусство свободы, под которой следует понимать умение пользоваться свободой и бороться за нее. Народ, лишенный искусства свободы, будет достигнут двумя классическими опасностями: анархией и деспотией.

3. Высокий уровень правосознания, уважение и добровольное соблюдение законов.

4. Государственно-политический кругозор, глубокое понимание гражданами внутренних и внешних задач государства.

5. Политический опыт, определенные демократические традиции.

6. Социальные основы демократии: уважение к труду, крепкая семья, хозяйственная самостоятельность каждого гражданина (или личная способность гражданина и общественная возможность кормить свою семью честным трудом).

Ильин предупреждал политиков против немедленного провозглашения демократии “во что бы то ни стало”. Он был уверен в том, что страна, лишенная необходимых предпосылок для здоровой творческой демократии, не должна вводить у себя этот режим до тех пор, пока его основные предпосылки не будут созданы. Современная политическая история подтвердила идеи великого русского мыслителя, которые сегодня признаны классическими в теории демократии.

4. Модернизация политических систем

В политической науке под *модернизацией* понимают переход от традиционного общества к современному. В Европе *традиционное общество* существовало в период феодализма и характеризовалось наличием аграрной экономики, господством традиций в политике, низкой подвижностью общественных структур. Переход к современному обществу означает становление *индустриального общества* с промышленной экономикой, высокой социальной динамикой и правовой основой в сфере политики. Политические аспекты модернизации означают переход к демократической политической системе со всеми ее характерными атрибутами: выборностью органов политической власти, конституционализмом и местным самоуправлением.

Когда говорят о модернизации, речь идет не только о становлении индустриального общества в Европе. Модернизация – мировой процесс, в рамках которого все страны на определенном этапе проходят стадию трансформации традиционного общества в современное. Но если в Европе этот процесс происходил достаточно рано (в XV-XVII вв.), то в Латинской Америке и Африке только на рубеже XIX-XX вв.

Модернизация может осуществляться в разных формах: постепенно, эволюционным путем, или в виде социально-экономического “взрыва” – революционными методами. В политической истории выделяют несколько этапов, или *эшелонов*, модернизации.

– Первый эшелон охватывает страны Западной Европы и Северной Америки (XV-XVII вв.), когда здесь развивается мануфактурное производство, формируется буржуазия (третье сословие), складывается этика индивидуального предпринимательства. М. Вебер описал этот процесс в своей знаменитой работе “Протестантская этика и дух капитализма”. Он объяснил, что на Западе главное значение в процессе модернизации сыграла религиозная Реформация, результатом которой стало утверждение в обществе особой протестантской этики – этики личной ответственности

человека перед Богом. Главным путем религиозного спасения в протестантизме стал путь индивидуальной трудовой активности, что дало мощный толчок к развитию всего общества.

– Вторым эшелон модернизации называют страны Восточной Европы, Россию, Турцию и Японию (XVIII – середина XIX в.). В этих странах экономические и социальные условия были недостаточно зрелыми, поэтому решающую роль в модернизационных процессах сыграло государство. Сами преобразования часто провоцировались желанием “догнать” первый эшелон наиболее развитых государств Западной Европы и США.

– Третий эшелон модернизации сформировали развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки (середина XIX – начало XX в.). Это были преимущественно колонии и полукolonии развитых западных стран, которые постепенно обрели политическую независимость в ходе модернизации.

Проблема соотношения универсального и национального в процессах политической модернизации уже много десятилетий вызывает оживленные научные дискуссии. Первые теоретики модернизации утверждали, что западная цивилизация универсальна и годится для всех народов (В.С. Нейпол). Они обосновывали представления о том, что модернизация и экономическое развитие способствуют укреплению однородности различных обществ и порождают общую современную культуру, близкую к той, что существует на Западе. Пионеры модернизации всерьез рассчитывали на то, что переход от традиционного общества к современному в странах “догоняющего развития” будет происходить по западным универсальным образцам, предписанным политическими реформами. Именно западная политическая культура и политические институты конституционной демократии выступали универсальным эталоном в сравнительных исследованиях стран “догоняющего развития”. Однако на практике в модернизирующихся обществах традиционные культурные ценности и

задачи политической модернизации приходили в состояние резкой конфронтации, возникал ценностный конфликт, который зачастую приводил к гражданской войне.

В частности, в Алжире, Египте, Судане, Тунисе, Пакистане в ответ на разрушение традиционного уклада и вторжение западных ценностей в процессе модернизации общество расколосось, и самозащитная ответная реакция ислама привела к пересмотру всей модели общественной организации.

Современные сравнительные исследования в сфере модернизации свидетельствуют: в тех случаях, когда политические действия не санкционированы национальной культурой, не воспринимаются в ней как “свои”, они могут спровоцировать в обществе мощное массовое движение протеста, стремление уничтожить, смести с лица земли неприятные политические инновации, вернуться к традиционным политическим устоям. Эксперты усматривают в этом проявление древнего эмоционального механизма ликвидации собственными усилиями общества всех дезорганизующих новшеств: богатство культуры включает в себя основу для массового возмущения против неоправданных новаций. Ответом на подобные жесткие “эксперименты” с традиционными культурами в процессе модернизации стал всплеск *этносепаратизма* и *религиозного фундаментализма*. Культурная агрессия Запада, пытавшегося искоренить национальные традиции в странах Востока, породила мощный процесс *девестернизации*. Мир заговорил о “ре-исламизации” Ближнего Востока, “индуизации” Индии, о “возврате в Азию” Китая и Японии. В исламской, конфуцианской, японской, буддистской, индуистской культурах почти не находят поддержки основополагающие западные идеи индивидуализма, свободы, отделения церкви от государства, равенства, прав человека, либерализма. Пропаганда подобных идей вызывает враждебную реакцию против “империализма прав человека” и приводит к укреплению исконных ценностей родной культуры. Проведенное западными учеными

сравнительное исследование значимости 100 ценностных установок в различных странах показало, что “ценности, имеющие первостепенную важность на Западе, гораздо менее важны в остальном мире.

Одним из первых привлек внимание западных исследователей к необходимости *переоценки основных постулатов модернизации* израильский ученый Шмуэль Айзенштадт (р. 1923). Это было сделано весьма своевременно, поскольку в конце XX столетия стало очевидно: многие новые современные государства Юго-Восточной Азии (Китай, Гонконг, Тайвань, Сингапур) начали развиваться не по пути европейских национальных государств, а избрали путь реинтерпретации национальной традиции в процессе модернизации. Они сделали вполне осознанный выбор в пользу *национального*, а не универсального в процессе модернизации.

В большинстве стран *Азиатско-Тихоокеанского региона* (АТР) был принят официальный курс на строительство “эпохи культуры” как феномена современной цивилизации, и именно этот путь принес долгожданный успех. Теория модернизации столкнулась с интересным парадоксом: чем более открытыми миру становились “азиатские драконы”, тем большую роль в их политической культуре начинали играть традиционные конфуцианско-буддийские ценности, а не универсальные постулаты теории модернизации.

Постепенно основной проблемой теории неомодернизации стал поиск новых факторов, обеспечивающих динамику конструктивных политических действий в модернизационных процессах, что потребовало дальнейшего пересмотра теории. На смену дискредитировавшей себя концепции форсированной модернизации пришли *положения о защите, сохранении, возрождении и поддержке социокультурного разнообразия, плюрализме укладов и образов обеспечения им свободы существования и развития*. Современная концепция неомодернизации включает в себя наряду с идеей светской организации социальной жизни признание значимости религии и мифологии в духовной сфере, уважение к харизме традиционного

лидерства, почитание авторитетов “старейшин” в политике, использование идеи коллективистской сплоченности общества. Полностью реабилитированы традиционные ценности родства, семьи, факторы значимости групповой идентификации и солидарности. Таким образом, именно национальное, а не универсальное становится сегодня основой и движущей силой модернизационных процессов.

Если раньше модернизация интерпретировалась как решение, принятое образованной элитой и навязанное сопротивляющемуся населению, которое “цеплялось” за традиционные ценности и уклад жизни, то сегодня речь идет о том, чтобы избежать наивного политического волюнтаризма в процессе политических преобразований. Практика реформ показала: не все желаемое достижимо и зависит от простой политической воли. Кроме того, нельзя рассчитывать на эффективность модернизации, исходя исключительно из показателей экономического роста. Гораздо важнее для стабилизации общественного развития сформировать новые ценности сообщества, которые не противоречили бы старым традиционным устоям, а развивали их в новом направлении.

Опросы, проводимые ВЦИОМ в 2008 г., свидетельствуют, что россияне считают свою страну особой евразийской цивилизацией, которой не подходит западный путь развития. Подобной точки зрения придерживается 74% россиян, и только 12% рассматривают Россию как часть Запада. Таким образом, в современном российском обществе представления о национальной самобытности являются доминирующими, а это значит, что для усиления трудовой мотивации большинства людей необходима активизация традиционной национальной системы ценностей. Вот залог успеха нового этапа модернизации страны, где приоритетом является развитие инновационных технологий. Известно, что главным вопросом в период принятия судьбоносных решений является не только постановка амбициозных целей, но и трезвое понимание того, кто и почему эти планы будет осуществлять, какой должна стать система трудовых мотиваций для

большинства. И здесь ориентиром призваны служить не мертвые абстракции универсальных ценностей, а живое слово национальной культуры.

Успех новых экономических гигантов – Китая и Индии убедительно продемонстрировал, что благополучие нации складывается не только из экономических показателей, но в немалой степени вырастает из духовного единства народа, поверившего в свои силы. Не случайно политологи называют сегодня конфуцианско-буддийскую цивилизацию “культурой надежды”, представители которой работают на свое собственное будущее. Вот почему выбор модернизаторов в пользу национального пути развития, наверное, и является сегодня единственным универсальным постулатом теории модернизации.

Тема 9. Политическая культура России

1. Понятие политической культуры

Понятие «политическая культура» является одной из ключевых категорий политической науки. Оно наглядно выявляет, что традиции общества, дух его общественно-политических институтов, эмоции и коллективный разум его членов, а также стиль и действующий кодекс поведения его лидеров- все это не случайные продукты истории, а взаимосвязанные части единого целого, образующие реально существующую цепь взаимоотношений.

Термин «*политическая культура*» в том значении, в каком он употребляется в современной политической науке, был введен в оборот в 1956г. Габриэлем Алмондом (1911г.) в статье «Сравнительные системы» определили политическую культуру как субъективное изменение социальных основ политической системы, т.е. как совокупность индивидуальных позиций и ориентаций участников данной системы, как субъективную сферу, лежащую в основе политических действий и придающую им значение.

Особенность политической культуры состоит в том, что она не сводится к политике как таковой или политическому процессу в их реальном

воплощении. Не имея вещественного содержания, политическая культура представляет собой тем не менее объективную данность, которая выступает не как внешнее отражение каких-то существенных черт политического процесса, но как его органическая часть. Она «вплетена» в контекст существующих политических отношений и систем социальной деятельности. Политическая культура – это описание способа существования (политического поведения) социального субъекта – нации, класса, группы, индивида – как субъекта политического процесса.

Политическая культура не только объясняет поведение и политические позиции людей, но и регулирует способы их поведения: например, от политической культуры населения страны зависит, каким путем будет решаться тот или иной конфликт.

Политическая культура населения конкретной страны определяет, насколько эффективно (или напротив, неэффективно) функционирует ее политическая система: своей «невидимой рукой» политическая культура или способствует стабильности политической системы, или, как эрозия, постепенно подтачивая, разрушает ее.

2. Истоки политической культуры России

В России подданническая политическая культура была дополнена рядом специфических черт, что обусловлено влиянием цивилизованных, географических, исторических особенностей его развития.

Подданнический тип политических ориентаций обычно характеризуется общепринятой приверженностью всего населения к таким ценностям, как привычка подчиняться власти, дисциплинированность, наличие социальных гарантий, равенство и т.д.

В России же политическая культура дуалистична и представляет собой неорганическое взаимодействие (иногда жесткое противоборство) двух социокультурных потоков, ориентирующихся на различные системы ценностей. Доминирующий социокультурный поток, охватывающий

большинство населения, всегда ориентировался на ценности корпоративизма (ценности коллективизма, соборности), справедливости, равенства; от отличался приверженностью патриархальным традициям (привычке подчиняться власти, потребности в руководстве и т.д.) другой поток, иные субкультуры содержали ценности свободы, индивидуализма, прав человека, плюрализма и т.д.

Неорганичное сочетание этих двух систем ценностей в России объяснялось ее расположенностью между Западом и Востоком, которые оказывали существенное влияние на российское общество. Так, Византия оказала свое давление на принятие в России христианства. Приняв христианство, власть приобрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право.

Отношения господства и подчинения между властью и населением были заимствованы из практики организации государства у татаро-монгольских племен. А характер фундаментальных поведенческих ценностей они приобрели в период правления царя Ивана Грозного.

С приходом на престол царя Петра I в Россию началось привнесение либеральных ценностей. Носителями этих ценностей выступал правящий класс и немногочисленная интеллигенция.

Расколотость и неоднородность российской политической культуры обусловили конфронтационный характер отношений между ее носителями. Противоположные представления и образы желаемого справедливого общества, существующие у различных социальных групп, при низкой общей культуре российского населения, постоянно сталкивались, становясь причиной жесткой политической борьбы.

Кроме того, доминирование подданнических политических ориентаций объяснялось концентрацией политического господства в руках правящего класса, начиная с раннего средневековья. Процесс концентрации политического могущества был вызван тем, что освоение громадных российских просторов при отсутствии развитой технологической,

материальной и коммуникационной инфраструктуры можно было осуществлять лишь с помощью сильной власти князей и их дружин. К тому же, защита границ российского государства от воинствующих соседей была возможна только при условии концентрации политического и военного могущества. В связи с этим именно политические факторы (политическая воля монарха, сильное государство, разветвленный бюрократический аппарат, развитая репрессивная система) обеспечивали поступальное развитие российского общества.

Не получили широкого распространения в России естественно-исторические механизмы социальной революции, такие, как экономические интересы, собственность, наличие самостоятельного производителя, конкуренция, рынок, порождавшие зрелое гражданское общество и активистские политические ориентации на Западе.

Дифференциация интересов и статусов осуществлялась не за счет механизмов экономического неравенства, а за счет отношений власти. Обладание или необладание властью было основным критерием деления общества на два класса:

- правящий класс, обладающий монополией и на власть, а, следовательно, и исключительными правами на управление, на собственность, привилегии;
- зависимое население, лишенное экономических, социальных, и политических прав.

Высокая степень концентрации и централизации всех видов власти у правящего класса приводило к тому, что малейшее ослабление его господства оборачивалось нарастанием неуправляемости системы, потерей темпов экономического и социального роста, и, в конечном счете, революциями.

Отсутствие свободного индивида и зрелого гражданского общества всегда приводит к тому, что политическая жизнь концентрируется в руках

правлящего класса. Политически бесправному населению приходилось лишь выполнять предписания правящего класса.

Следовательно, из всего сказанного можно заключить, что подданническая политическая культура России сформировала устойчивые образцы политического поведения, которые сохраняют свою актуальность и в современных условиях, несмотря на ряд революционных потрясений XX века.

Сохранение в советское время в качестве общепринятых стандартов политического поведения подданнических политических ориентаций, несмотря на утверждение новой власти о широком участии населения в политике, объяснялось рядом причин:

1. Преодоление социально-экономической и культурной отсталости России можно было обеспечить усилением интегрирующей и мобилизующей роли государства.

2. Концентрация экономической, политической и идеологической власти в руках нового, сформировавшегося в советское время правящего класса-партийной номенклатуры, привела к поглощению индивида обществом.

3. Социальной базой советского тоталитарного режима стали легитимация партийно-государственной власти, утверждение ореола ее святости, высшей и неоспоримой ценности.

4. Техническая, экономическая и культурная отсталость общества в совокупности с доминировавшими у большинства населения патриархальными отношениями и образом жизни способствовали формированию специфических черт культуры политического подданничества советского типа. В частности таких, как потребность в руководстве, чувство благодарности вождям, потребность в почитании вождей, конформизм и т.д.

Устойчивость этих черт, передача их из поколения в поколение были связаны с особенностями политического сознания, лежащего в основе подданнических политических ориентаций советского типа. Политическое

сознание советского типа выступало источником формирования представлений о политических целях деятельности.

Политическое сознание советского типа исходило из утопической возможности подчинения общества одной универсальной идее- построению «царства свободы», в котором, по словам К.Маркса, «общество регулирует все производство и именно поэтому создает для меня возможность делать сегодня одно, а завтра другое, утром охотиться, после полудня ловить рыбу, вечером заниматься скотоводством, после ужина предаваться критике...» Приведенное утверждение основано на том, что посредством политического переворота, т.е. захвата власти пролетариатом во главе с Коммунистической партией, можно обеспечить условия построения такого общества.

Характерными чертами подданнической политической культуры советского типа были:

1. Иерархичность сознания. Особая роль коммунистической партийно-государственной бюрократии в формировании данного типа сознания была связана с тем, что в ее руках концентрировалась вся полнота экономической и политической власти, возможности распоряжения хозяйственными и финансовыми ресурсами, духовными ценностями.

2. Основным принципом бюрократического сознания выступал авторитет (в данном случае КПСС). Разрыв между декларируемыми ценностями и реально освоенными образцами политической деятельности способствовал формированию двойных стандартов в общественном сознании, политической апатии населения, показного активизма.

3. Отличительной чертой подданнической политической культуры советского типа была закрытость, состоящая в абсолютизации политических ценностей рабочего класса и полном отрицании таких достижений западной демократии, имеющих общечеловеческое значение, как правовое государство, принципы, принципы разделения властей, права человека, гражданское общество и т.д.

В то время как западное общество использовало естественно-исторические механизмы социальной эволюции (собственность, неравенство, экономические интересы и т.д.), создававшие условия для формирования отдельного индивида, гражданского общества, многообразия социальных интересов, российское общество ориентировалось в своем развитии на политико-идеологические механизмы эволюции. Среди них наиболее важным было чувство классовой ненависти к буржуазии, ко всему индивидуальному.

В связи с этим социальные различия формировались не естественным путем как отражение неравенства талантов и способностей, а искусственно задавались властью. Культивирование классового характера ценностей политической культуры было выгодно советскому правящему классу (партийной бюрократии), поскольку пролетариат выступал его социальной базой.

4. Характерной особенностью политической культуры советского типа является абсолютизация революционных способов преобразования общества и игнорирование эволюционных методов.

Социокультурные истоки конфронтационного характера политической культуры в России исторически объяснялись глубоким социальным и культурным разрывом между образованной и обеспеченной верхушкой общества (правящим классом) и материальной и духовной нищетой основной массы зависимого населения. Эти истоки сохранились в советское время. Данное обстоятельство повлекло социокультурную динамику воспроизводства общественных отношений, которая характеризовалась преобладанием разрушительной черты, ориентации на удовлетворение минимальных потребностей. Носителями этих ориентаций выступали широкие маргинальные слои, сформировавшиеся революцией, гражданской войной, форсированной индустриализацией, урбанизацией. Низкий уровень культуры у этих слоев способствовал неспособности их к систематической

преобразующей, творческой и созидательной деятельности на основе индивидуально-достижительных ценностей.

5. Бюрократическое политическое сознание предопределило рутинный тип политической деятельности, воспроизводство устойчивых образцов политического поведения. Рутинный тип политической деятельности исключал радикальные изменения политических взаимодействий. Концентрация политической власти в руках правящего класса делала излишним диалог власти с обществом и ограничивала движение политических инициатив направлением сверху вниз. Политическое участие населения осуществлялось принудительно. Обезличенными формами выражения политической культуры стали митинги в поддержку решений правящего класса, манифестации протеста против конкретных политических акций западных держав.

В этот период существовал такой универсальный инструмент политической социализации, как властвовавшая Коммунистическая партия, являвшаяся единственным каналом карьерного продвижения индивида. За продвижение по службе необходимо было платить политической лояльностью режиму, преданностью его идеологии.

Кроме того, компартия создала четкую и достаточно эффективную систему политической социализации, институты которой осуществляли процесс внедрения в сознание коммунистических идеалов и ценностей, начиная с детского сада и кончая зрелым возрастом.

Первые попытки модернизации политической системы были предприняты Н.С. Хрущевым и выразились в либерализации общественных отношений, в ослаблении политического идеологического контроля за индивидом. Это сразу привело к появлению наряду с господствующей политической культурой диссидентской субкультуры, которая соединила в себе ценности западных демократий и некоторые идеи русской революционно-демократической мысли XIX- начала XX веков. Либерализация ослабила былое политическое могущество правящего класса,

вследствие чего он был вынужден использовать все средства идеологического манипулирования. Наряду с господствовавшей политической культурой развивалась и субкультура, представленная демократической интеллигенцией, интеллектуалами, предпринимателями, культивировавшими ценности свободы и прав человека, гражданского общества индивидуализма, инакомыслия и пр. Попытки трансформировать советскую политическую систему, предпринятые в конце 80-х годов М.С. Горбачевым, привели к тому, что была отменена руководящая роль КПСС в обществе, а затем партия была на время запрещена. Коммунистическая идеология перестала быть государственной. Однако, заметного изменения ценностей и стандартов политического поведения не произошло. У значительной части населения донныне сохранилась подданническая ориентация.

Характерными особенностями российской политической культуры на современном этапе можно считать следующие:

- ведущая доминирующая роль ценностей коммунитаризма;
- внутренний раскол политической культуры, выражающийся, в частности, в преобладании ценностей патриархально-традиционалистского типа;
- персонализированное восприятие власти;
- недопонимание, недооценка роли представительных органов власти;
- тяготение к исполнительским функциям с ограниченной индивидуальной ответственностью;
- непопулярность контроля за властями в сочетании со слабым уважением к закону и др.

Например, развал политического центра в России всегда ведет к «смуте» в обществе и к краху государственного устройства, что видно четко из истории России: начало XVII в., 1917г., 1991г. Восстановление же власти является основной предпосылкой для преодоления кризиса (выбор на

царство Михаила Романова в 1613г., победа большевиков в гражданской войне 1918-1921гг., победа Ельцина в событиях сентября- октября 1993г.)

Лишь при наличии сильной власти можно говорить о стабильности Российского государства и общества. Политическим достижением московских князей специалисты считают их отказ от принцип наследования верховной власти, практиковавшегося в Киевской Руси. Здесь властью располагал не тот или иной князь, а весь княжеский род. Этот коллективистский принцип господства (и наследования) не позволял создать сильное государство. Большевицкая диктатура в сущности соединила принцип вождизма с самодержавной традицией. Все попытки свести «коллективное руководство» оканчивались полной неудачей.

Лишь имея во главе неограниченного правителя, советская политическая система обрела высокую эффективность. Но в отличие от самодержавной системы, коммунистической не удалось создать механизма передачи власти.

В политической культуре России центральную роль играют личности, люди, а не институты. Власть олицетворяется одним человеком. В этом одна из основ стабильности русской политической культуры. Особый характер русской культуры был во многом предопределен расколом отечественной культуры, последовавшим в результате преобразований, предпринятых Петром 1, когда он решил «переломить все через коленку» и ввести Россию в «европейский дом». То была попытка изменить сам менталитет, то есть изменить нацию.

Важнейшим событием стал и раскол на две основные субкультуры: петровские преобразования раскололи Московскую Русь на два мира, на два типа «цивилизаций субкультур. Факт этого раскола, его значение до некоторой степени были осознаны русской политической мыслью еще в XIX веке.

Раскол общества на две основные субкультуры: «склад» русской жизни крестьянства и «склад» русской жизни, включавший в себя европеизированные «верхи» России- аристократию, чиновничество,

дворянство и некоторые другие социальные группы, есть нечто характерное лишь для России. Своеобразие этого раскола стало одним из основных мотивов русской политической мысли.

До сегодняшнего дня политическая культура России характеризуется глубиной раскола на две субкультуры. По мнению одного из современных российских политологов, « различия субкультур подчас настолько разительны, пропасть между ними настолько велика, что у некоторых наблюдателей может создать впечатление, будто в России сосуществуют две нации, не объединенные почти ничем, кроме общего языка и территории».

Задача формирования современного гражданского общества в России предполагает, прежде всего, преодоление данного раскола и формирование более однородной по своим основным характеристикам гражданской политической культуры.

4. Основные институты формирования политической культуры России

Неотъемлемой частью формирования идентичности любой нации и государства являются национально-государственные символы.

Политическая символика- это предметные знаки, изображения, образы, воплощающие в себе определенную идею. К таким символам относятся флаг, герб, гимн.

В 1989г. был восстановлен исторический национальный флаг России- бело-сине- красное полотнище (триколор).

Наряду с флагом та или иная страна в представлениях ее граждан и иностранцев отождествляется с ее гербом. Изображение двуглавого золотого орла на красном фоне было заимствовано Россией в XVI в. у Византии после женитьбы великого московского князя Ивана III на Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора. С тех пор российский герб постоянно подвергался изменениям. Герб с двуглавым орлом снова стал

символом российской государственности согласно указу президента России в конце 1993г.

Одно из центральных мест среди политических символов занимают национальные гимны.

Гимн- это торжественная песня, являющаяся официальным символом государственного единства, это музыкальный эквивалент герба или флага страны. В качестве гимна России используется музыка «Патриотической песни» М.И. Глинки .

В современных условиях одно из центральных мест среди институтов, участвующих в формировании политической культуры, в процессах политической социализации, принадлежит **средствам массовой информации** (СМИ). Современные средства массовой информации - это совокупность предприятий, учреждений и организаций, занимающихся сбором, обработкой и распространением массовой информации по каналам печатной продукции, радио, телевидения, кинематографа, звуко- и видеозаписей.[4] Значимость СМИ становится очевидной, если учесть, что инструменты массовой коммуникации как таковые являются инструментами власти («четвертая власть»). Оперативность и динамичность дают средствам массовой информации возможность эффективно воздействовать на духовную жизнь общества, на сознание широчайших масс населения. Они могут способствовать возбуждению общественного мнения в поддержку определенных целей, того или иного политического курса. В то же время они могут выполнять интеграционные функции, убеждая людей благосклонно воспринимать и усваивать господствующие социально- политические ценности.

СМИ и связанные с ними информационные и компьютерные технологии (в т.ч. и все более внедряющийся в быт россиян Интернет), используемые в политической сфере, могут способствовать расширению возможностей реального участия самых широких слоев населения в политическом процессе, в первую очередь, для оказания большего влияния на

правительство страны, на законодательную и исполнительную власть, руководство партий, политических деятелей, на сам процесс принятия политических решений.

СМИ вводят человека в мир политики, тех политических ценностей, которые становятся господствующими с точки зрения государственной власти. При этом сам процесс «ввода» информации направлен на формирование у различных групп граждан хотя бы минимума согласия по основным вопросам государственной политической стратегии. Являясь фактором формирования политической культуры, СМИ выступают в качестве наиболее эффективного инструмента познания человеком мира политики. Сбалансированная, объективная и полная информация о самых различных сторонах политической жизни общества является условием совершенствования политической культуры.

Информационное манипулирование человеком - это прежде всего форма контроля над его индивидуальной свободой. Поэтому только тогда, когда СМИ превратятся в общедоступную форму знания, пропагандиста идей сотрудничества и нормального развития всего общества, появится возможность формировать политическую культуру, опирающуюся на свободный выбор человеком политической позиции и модели политического поведения.

Литература

1. Политология. Под ред. Батурина В.К. - 4-е изд., перераб. и доп. - М.: 2012
2. Политология. Под ред. Буренко В.И. - 2-е изд., стер. - М.: 2013
3. Акмалова А.А. Политология: учебное пособие. - М.: Дашков и К, 2014.
4. Белокреницкий В.Я., Байков А.А., Ермолаев А.О. Практика зарубежного регионоведения и мировой политики: Учебник. – М.: Инфра-М, Магистр, 2015.
5. Буренко В.И. Политология: учебник для студентов высших учебных заведений. - М.: КноРус, 2013.
6. Василенко И.А. Политология: учебник для бакалавров. -М.: Юрайт, 2015.
7. Василенко И.А. Современная российская политика. Учебник для магистров. – М.: Юрайт, 2015.
8. Валовая М.Д. Политология. Учебник. – М.: Инфра-М, Магистр, 2015.
9. Гаджиев К.С. Геополитика: учебник для бакалавров. - М.: Юрайт, 2013.
10. Гаджиев К.С., Примова Э.Н. Политология. Учебник. – М.: Инфра-М, 2015.
11. Горелов А.А. Политология. Учебник. – М.: Флинта, 2015.
12. Графский В.Г. История политических и правовых учений. – М.: Норма, 2015.
13. Демидов Н.М., Солодиллов А.В. Основы социологии и политологии. – М.: Кнорус, 2015.
14. Кравченко А.И. Политология. Учебник. – М.: Проспект, 2015.
15. Лукьянович Н.В. Геополитика. Учебник для бакалавров.- М.:Юрайт, 2015.
16. Международные экономические отношения. Учебник под ред. В.Е. Рыбалкина. Юнити-Дана, 2012.
17. Мухаев Р.Т. Политология. Учебник. – М.: Проспект, 2015.
18. Пугачев В.П., Соловьев А.И. Введение в политологию. Учебник для бакалавров. - М.: Кнорус, 2015.
19. Цыганков П.А. Международные отношения и мировая политика. Учебник для бакалавриата и магистратуры. – М.: Юрайт, 2014.
20. Яшкова Т.А. Сравнительная политология. Учебник для бакалавров. - М.: Дашков и К, 2015.